ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 6

Июнь 1939 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Черный дракон

Повесть

Алексей Югов *Рис. Б. Винокурова*

Часть первая

1

Теплый мартовский день. Падает снег. С мягким, рыхлым треском вспыхивает и рвется вдоль трамвайного провода широкая полоса электричества.

Медленно опускаются угловатые снежинки; кажется, будто они раздумывают, где бы им получше приземлиться.

У каждой своя судьба. Эта вот опустится скорее всего у основания чугунной решотки, в тихом, укромном углу, и неопасны ей здесь будут ни метла дворника, ни шаги прохожих. Радушно примет ее пышный, пухлый сугроб, где уже успели бережно приземлиться мириады таких же точно снежинок. Только издали поверхность свежевыпавшего снега кажется сплошной, слитной, а вглядишься — и каждая снежинка лежит сама по себе, целехонька, со всеми своими шестью мохнатыми гранями.

Другая облюбует себе место на сутулой спине прохожего, зацепится за ворсинки пальто, и с такою четкостью выступит вдруг на черном фоне все ее кружевное, безукоризненно строгое строение, словно глядишь на нее в увеличительное стекло.

Иногда вдруг захочется почему-то узнать судьбу этой именно снежинки, и долго-долго следуешь за неизвестным тебе человеком, уставившись ему в спину и сворачивая за ним во все улицы и закоулки. А прохожий идет и идет себе. И нет ему никакого дела до этой шестиугольной звезды, этого изумительного кристалла, в котором заключено столько же водяных молекул, сколько снежинок на всей вот этой площади. Дико мятущиеся в незастывшей водяной капле, здесь, в снежинке, эти молекулы дисциплиной кристаллического сцепления приведены в строжайший порядок, расположились невидимыми решотками, пересекающими друг друга во всех направлениях.

Об этом вот обо всем и сегодня, как всякий раз, когда урок физики бывал последним, не могла не подумать Маруся Чугунова, рассматривая снежинки на рукавах своей плюшевой шубки и на перчатках.

Они стояли после школы впятером: Маруся, Катя Зайцева, Вася Крапивин, Коля Ершов и Миша Бутылкин — поодаль трамвайной остановки, за деревян-

ной низенькой, до колена решоткой сквера.

Уже обо всем было переговорено, а все еще не хотелось расходиться. Так они и стояли, то вспоминая что-нибудь, невесть почему смешное, из минувшего школьного дня, то дружески подтравливая один другого и толкаясь, а то так просто, молча помахивая сумками.

Ершов был задумчив. Высмотрев какую-нибудь из медленно падавших снежинок, он подставлял под нее ладонь, но снежинка, сделав легкий зигзаг, почти всегда отклонялась в сторону. Возможно, что отклоняли ее согретые ладонью токи воздуха.

Но Ершов упорствовал. Казалось, что он занят был необыкновенно важным делом. Наконец, одна из снежинок коснулась горячей ладони и, мгновенно сделавшись прозрачной, растаяла.

— Приземлился,— пробормотал про себя Ершов.

Ребята насмешливо переглянулись.

— Коля, а правда, что тебе по ночам прыжки с парашютом снятся и тебя мать к кровати привязывает? — спросила Катя Зайцева.

Ершов пренебрежительно промолчал, спрятал руку в карман и нахмурился.

Он стоял с засунутыми в карманы пальто руками, со сдвинутой назад шапкой-кубанкой, то есть почти кубанкой, потому что мать взяла и испортила: пришила зачем-то уши. Закрученный русый вихор торчал над серединой лба. «Корова языком лизнула», — ласково дразнил отец.

— Смотрите, смотрите! — вскричал Миша Бутылкин, громко расхохотавшись и показывая пальцем на только что отошедший от остановки переполненный трамвай.

Произошло вот что. Огромного роста парень в желтом ватнике и в подшитых кожею валенках, с деревянным коричневым сундучком в руке выскочил из какого-то под'езда и бросился вдогонку за трамваем.

Ухватившись за поручень, он бежал некоторое время рядом, так как некуда было поставить ногу.

Последним на подножке стоял толстый человек с поднятым несмотря на теплую погоду воротником и в каракулевой шапке.

Парень вспрыгнул на ступеньку. Толстый гражданин резко отдернул ногу, прижатую валенком парня, и его правая калоша, описав большую дугу в воздухе, упала на мостовую.

На хозяина калоши жалко было смотреть. Стесненный поднятым воротником, он с трудом повернул багровое, гневное лицо в сторону парня и стал кричать на него. Это была безысходная ярость: толстому гражданину нельзя было даже взмахнуть рукой, так как надо было держаться за поручни.

Трамвай набирал ход. Калоша одиноко чернела на снегу. Двое проходивших мимо мальчуганов, подпинывая, стали гнать ее перед собой.

— Крапивин! — обратился Коля Ершов к младшему из своих товарищей, придав голосу властность и сухость команды.— В направлении норд-вест-тень-норд терпит бедствие судно неизвестного флага. Приказываю взять на буксир и доставить в нашу гавань. Если владелец не явится с выкупом, считать призом!

— Есть, капитан! — отвечал, напыживаясь, Крапивин.

Он по колено в снегу подошел к низенькой решотке сквера и перепрыгнул через нее; мгновение, и калоша была в его руках.

— Ну зачем она вам? — неодобрительно спросила их Катя Зайцева, и над большими ее очками в роговой оправе сдвинулись и напряглись безбровые лоснящиеся ямки.

Катюше Зайцевой не было еще и четырнадцати лет, но она умела, если нужно, быть строгой. Правда, внешность ее заставляла скорее предполагать в ней добродушие и веселость: у нее были пухлые румяные щеки, из-за которых, если смотреть сбоку, едва был виден вздернутый и тоже пухлый нос.

Потому, должно быть, ребята и утверждали, что очки она завела так просто, для важности, а что они и не увеличивают и не уменьшают. Чепуха, конечно, вздор...

— Ничего, ничего, товарищ завхоз,— шутя возразил Ершов Катюше Зайцевой,— еще тебе же пригодится где-нибудь в хозяйстве... А что чужая... так ну, постоим, подождем: вернется за ней хозяин — отдадим.

— Так неужели мы его ждать здесь будем?! — вскричал Вася Крапивин.

— А куда нам торопиться? Тепло-то как! — ответил Ершов. — Или... — здесь он искоса, с насмешкой посмотрел на

Крапивина,— или тебе не терпится поскорее тряпку на палку да по крышам: «Кыш, кыш!» — турманов своих гонять?!

Ребята рассмеялись, а Крапивин смутился. Будь бы кто другой на месте Кольки Ершова, ну, тогда бы он ему показал!

Но к Ершову он относился с большим уважением, и Ершов дружил с ним, хотя он, Вася, ничуть к нему в друзья не напрашивался, как некоторые другие. Тем чувствительнее показалась обида.

— Ну, и гоняю голубей. А тебе что, завидно?

Ершов пренебрежительно усмехнулся; видно было, что он придумывает ответ. Еще немного, и они бы поссорились. Но в это время их окликнул и попросил помочь ему Миша Бутылкин, он же Чемпион, или Железная рука.

Бутылкин изнемогал, стараясь хотя бы еще раз перевернуть огромный снежный «жернов», накатанный им за это время. Кожаная на меху тужурка Чемпиона была распахнута; из ее кармана торчала смятая кепка, от его остриженной «под бокс» угловатой головы шел пар.

Когда Чемпион распрямился, снежный ком оказался ему по самый подбородок. Снег был рыхлый и серый — наматывался толстыми пластами, как войлок.

По всему свободному от деревьев пространству сада пролегли на снегу широкие полосы. Местами снег был выбран до земли, как будто здесь прошелся паровой каток.

— Васька, чего ж ты? — крикнул Бутылкин, отдуваясь.— Давай, братец, помогай! Скатаем «жернов», памятник можно сделать.

— Да ну тебя! — ответил Крапивин рассмеявшись.— Ты уж и так весь снег забрал.

Ему, однако, было приятно, что с голубей разговор перешел на другое, ибо не только его товарищи по школе и пионеротряду, но, по совести говоря, и сам он считал, что гораздо умнее, благороднее, что ли, собирать марки или увлекаться фотографией, как другие, чем водить голубей. Но что же было делать ему, если даже хлопанье флага на ветру напоминало ему всполошный треск голубиных крыльев, если, выбегая в теплый, солнечный день из школы, он первым делом безотчетно взглядывал в небо и когда действительно видел там сияние, белизну, сизый блеск и сверканье кувыркающейся стаи, то сейчас же прикидывал в уме, далеко ли от его голубятни выпущены эти голуби и успеет ли он добежать до дому, чтобы подпустить к ним своих.

Человек, потерявший калошу, так и не возвратился.

— Вот те на! — сказал несколько озадаченный Ершов.— «Премия»-то и впрямь наша... Куда же нам ее?

— Отдайте ее мне,— сказала Маруся Чугунова.

Ершов покраснел от неожиданности и от удовольствия. Некоторое время стоял молча.

— Тебе? — спросил он. — А что ты будешь с ней делать?

— Резина пригодится для изоляции. Я хочу опыты с электричеством делать, дома, в своей лаборатории,— ответила Чугунова.

— Ну, что ж... — начал было Ершов, но в это время Бутылкин дернул его за рукав.

— Колька, не соглашайся,— таинственно шепнул он ему и вдобавок еще потряс головой.

Ершов замолчал.

— Можешь оставить себе свое сокровище! Жалею, что обратилась,— тихо сказала Маруся, отвернулась и быстро пошла прочь.

— Чугунова! — растерянно окрикнул ее Ершов, но она только ускорила шаг.

Он повторил свой оклик. Но Маруся шла так быстро, что черные с красными бантиками на концах косички ее отставали от спины.

«Ну, что ж! Тем хуже. Значит, никому». Ершов сжал губы, молча взял калошу из рук Васи Крапивина и швырнул ее в снег. Калоша ушла в снежную толщу мгновенно, словно кусок раскаленного железа.

— Вот так,— проговорил Ершов и, чувствуя на себе взгляды товарищей и не желая допускать никаких обсуждений своего поступка, отделился от всех и пошел возле тротуара.

Бутылкин долго оглядывался на груду снега, где исчезла калоша, неодобрительно покачивал головой и лишь пожимал плечами в ответ на взгляды Крапивина.

Все молчали, всем сделалось как-то не по себе, и каждый с нетерпением ждал поворота на свою улицу.

2

Расставшись с товарищами, Маруся Чугунова пошла быстрее: она озябла и проголодалась. Дом, деревянный, двухэтажный, стоял в глубине узкого двора. По двору трудно было пройти: лежали доски, бревна, груды кирпича, бочки из-под цемента, стальные канаты и водопроводные трубы. Надстраивались два этажа над каменным домом, выходившим на улицу. Здесь, кстати сказать, должны были получить новую квартиру и Чугуновы. А пока они жили в старой.

Марусе сразу почудилось недоброе, и вдруг сжалось, а потом раз за разом стукнуло сердце, когда в полутьме возле перил нижней площадки она разглядела бабушку, дряхлую больную старуху. Бабушка за всю зиму ни разу не вышла на улицу, и вдруг она стоит здесь, на ветру, и в одном только вязаном платке!

Маруся быстро подошла к ней и заглянула в лицо. Глаза у старухи были полны слез.

— Бабушка, что случилось?! Чего ты плачешь?.. Да ну, бабушка?.. — Маруся принялась тормошить ее за рукав.

Старуха по-сердитому от нее отмахнулась.

— Да уйди ты, уйди, несчастье мое! — сказала она, отворачиваясь от Маруси.

Маруся взбежала на вторую площадку. Здесь собрались все жильцы. Двери с площадки в общий коридор были распахнуты настежь. Под обе половинки дверей было даже подсунуто по кирпичу, чтобы не закрывались.

У всех, кто только стоял на площадке, глаза были красные и в слезах.

«Вот,— подумала Маруся,— дверь распахнута: наверное, кто-нибудь умер, понесут скоро хоронить... А вдруг...»

И еще не успела подумать, а уж по всей коже сверху вниз побежали мурашки. И стало страшно.

Маруся бросилась в коридор и с разбегу как раз на нее и натолкнулась, на свою маму.

Мать Маруси Чугуновой Ирина Федоровна — высокая, худая и раздражительная — была еще совсем не старая, но у нее много было седых волос. У нее часто болела голова и как-то странно: не вся сразу, а по половинкам, то правая, то левая половина. «У матери мигрень, а ты шумишь»,— говорила тогда бабушка, хотя и без того уже все разговаривали вполголоса и ступать старались неслышно. Ирина Федоровна становилась тогда еще раздражительнее.

Правда, и в обыкновенное время Маруся не знала подчас, как к ней примениться: иногда натворишь такого, что, кажется, и прощения тебе не будет,— и ничего, а в другой раз и совсем ни за что влетало.

Сейчас Ирина Федоровна схватила Марусю за рукав плюшевой шубки и потянула за собой.

— Пойдем, пойдем, пойдем! — быстро повторяла она, ведя ее по коридору.

Маруся ничего не понимала.

Вдруг острый запах нашатырного спирта остановил дыхание. И ей все сделалось понятно. Запах нашатырного спирта усиливался по мере того, как они приближались к общей кухне, расположенной рядом с квартирой Чугуновых. Глаза щипало, потекли слезы, больно было дышать: при каждом вдохе где-то глубоко во лбу словно вонзался целый пучок иголок.

— Мама, я знаю: это аммиак!.. Это я колбочку забыла в духовке... Пусти ме-

Двери с площадки в общий коридор были распахнуты настежь.

ня! — вскричала Маруся и, высвободив рукав шубы, бросилась в кухню.

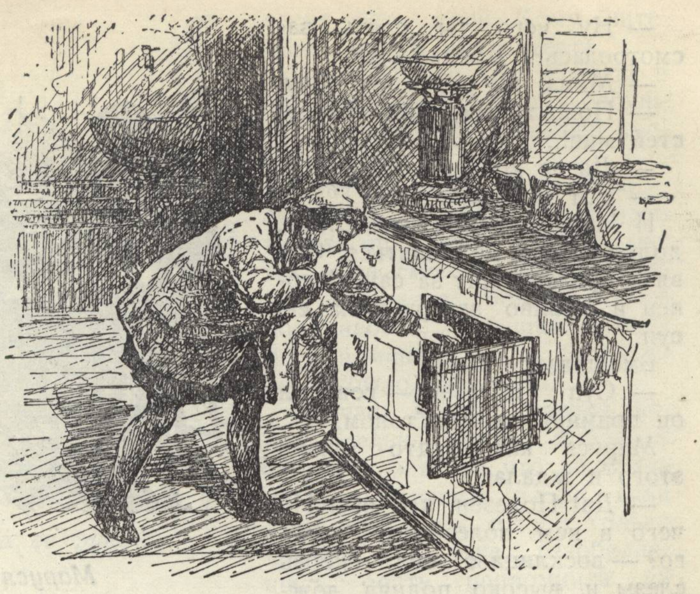
Зажимая нос левой рукой, она подбежала к большой плите, распахнула духовку и выхватила оттуда широкогорлую склянку, наполненную белым порошком. Со склянкой в руке она вбежала в комнату.

Теперь все стало ясно и для Ирины Федоровны.

— Так я и знала, что твоих рук дело, химик ты несчастный! — встретила она Марусю. — Сейчас же выбрасывай всю свою аптеку, пока еще соседи не догадались.

— Мама...

— Тринадцать уж лет мама! Слушай, что тебе говорят! Вот узнает домоуправление, так и из этой квартиры выселят... не то что в новую... Сейчас же выбрасывай все!.. Давай сюда!

Зажимая нос рукой, Маруся подбежала к большой плите.

Ирина Федоровна отняла склянку с белым порошком и, закрыв ее горлышко ладонью, пошла к выходу.

Маруся повела плечом и усмехнулась.

— Выбрасывай, если уж так тебе хочется,— сказала она.— Только, пожалуйста, не в мусорное ведро, а то и до вечера не войти никому в квартиру.

Мать посмотрела на нее, подумала, затем молча поставила склянку на стол и ушла в другую комнату.

Вскоре запах аммиака выветрился и жильцы смогли возвратиться в свои квартиры. Марусю любили в доме, и происшествие, бывшее следствием ее оплошности, не получило широкой огласки.

3

— Ну, а если бы у тебя что-нибудь ядовитое там оказалось, тогда как? Ведь ты бы всех отравить могла,— говорила Ирина Федоровна Марусе.

Маруся оправдывалась:

— Ничего у меня ядовитого во всей лаборатории нет. Я только те опыты делаю, которые в «Занимательной химии» описаны... И не могла я всех отравить, потому что дома одна только бабушка была.

У Маруси и в мыслях не было обидеть бабушку. А оно так и вышло. Да еще как разобиделась старуха!

— Верно, верно, внученька,— сказала она протяжным голосом, поджимая губы и кивая головой. — Что там старушонка чуть не задохнулась,— эка важность! Зажилась уж, пора и честь знать...

— Мама! Да перестаньте вы... — укоризненно сказала ей Ирина Федоровна.

Но бабушку уж трудно было остановить.

От старости, что ли, но за последние годы мать Ирины Федоровны сделалась необыкновенно обидчивой. Все во дворе знали, что живется ей хорошо, да и сама она частенько говаривала соседкам: «Уж не пожалуюсь, уж не пожалуюсь», — а между тем чуть что — и старуха от какого-нибудь неловкого слова впадала вдруг в глубокую обиду, заявляла, что она всем в тягость, и плакала.

— Да нет уж, Иринушка,— возразила она дочери.— Что я, не правду говорю? Давно уж мне помереть пора... Коров-то ведь сколько с'ела!

Это был камешек в огород Маруси.

Как-то проходили у них в классе питание человека. И, конечно, домашние сразу это почувствовали на себе: в течение целой недели Маруся донимала их калориями, жирами, белками, углеводами и витаминами.

Между матерью и дочерью происходили за обедом примерно такие разговоры:

— Ну чего ты опять засмотрелась?! Доедай суп!

— Мама, ну раз я не хочу.

— Пожалуйста, без глупостей мне!..

— Да не хочу я!

— Вот поговори еще!

И Маруся, сдерживая слезы, должна была подчиняться. Она вяло брала ложку за самый конец и лениво зачерпывала ею суп.

Вмешивался отец.

— Суп полезен, — говорил он примирительным тоном.

Маруся как будто только этого и ждала:

— Да! Полезен, как раз! Ну чего в нем полезного, ну чего? — восклицала она сквозь слезы и, высоко подняв ложку, принималась тонкой струйкой цедить с нее суп, чтобы всем было видно, как мало в супе питательных веществ. — Ну сколько здесь процентов воды? Наверное, все сто! А жиры? Это и есть жиры? — говорила она с презрением, вылавливая один за другим кружочки жира и показывая бабушке и отцу. — Надо зачем-то наливаться вашим супом!.. Да тут и на три калории не хватит... И витамины все разварились.

— Ой, да кушай ты, кушай! — говорила бабушка.— Не гневи мать. Больно уж ученая стала... Мы раньше-то без всяких этих... По-простому кушали, да здоровее были...

Так вот в это самое время Маруся Чугунова и нанесла однажды нестерпимую обиду своей бабушке.

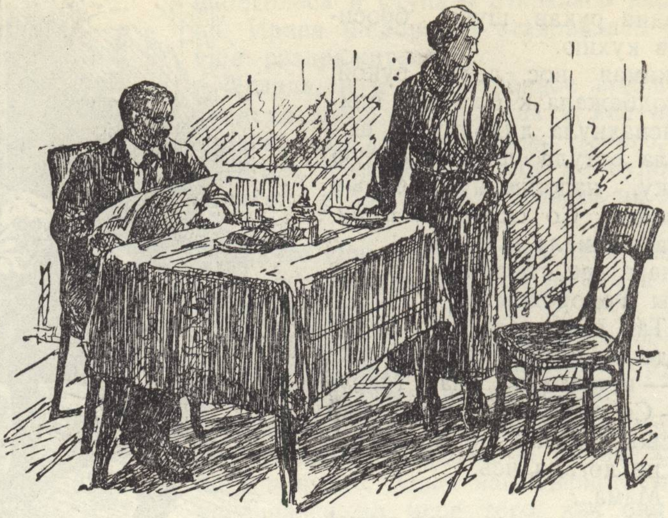
Дело было в выходной день. Уже у утра Маруся вооружилась карандашом и принялась за какие-то очень сложные вычисления. Только и слышалось тихое, с расстановкой бормотание: «Триста шестьдесят пять помножить на сто пятьдесят... ноль сносим... пятью пять... пять пишем, два замечаем...»

Только один раз она оторвалась от работы, чтобы ни с того ни с сего вдруг спросить бабушку:

— Бабушка, сколько тебе лет?

— Да неужто ты не знаешь? Уж семьдесят пятый пошел.

Больше Маруся ничего не спросила, и каждый опять занялся своим делом.

Маруся побежала к бабушке.

Опять бормотание, с передышками, с погрызыванием карандаша и смотрением в потолок.

Маруся закончила свои выкладки, когда язык и губы стали совсем синими от химического карандаша.

Глаза у нее так и горели.

— Бабушка, бабушка! — радостно и изумленно воскликнула она.— Ты двадцать три коровы с'ела!

Старуха выронила из рук недочищенную картошку.

— Ко-ро-ов? Да ты... что? — тихо произнесла она после длительного молчания.— Уж ладно ли с тобой, Мария?! — и сердито и недоуменно посмотрела на Марусю, подняв на лоб очки.

Маруся поспешила ее успокоить:

— Бабушка, да ведь это за всю твою жизнь! На каждый день я клала сто пятьдесят граммов. И первые три года жизни я совсем не считала, потому что ведь ты маленькая была — не ела мяса... И когда у тебя эти самые... как их... посты... Ну, проверь, проверь сама!..

Маруся подбежала к ней с бумажкой и стала показывать свои вычисления.

Но бабушка отстранила ее рукой и даже отодвинулась от нее вместе с креслом.

— Ну хороша, ну хороша внучка! — говорила она голосом, полным обиды, покачиваясь всем телом.— Уж за все тру-

Но бабушка отстранила ее рукой.

ды отблагодарила бабушку. Спасибо, дитятко, спаси-и-бо!.. Господи! Да где же это смерть-то моя ходит? — вдруг воскликнула она, всплеснув руками и подняв глаза к потолку. — Уж прибрала бы меня скорее, избавительница! Не об'едала бы я никого, не обпивала... Только что грамоте ее выучили, а уж и подсчитать велят, сколько чего старуха с'ела!.. Двадцать три коровы!.. Это что ж такое! — ужаснулась она и опять заплакала.

Маруся уж давно смотрела на нее испуганная и растерянная. Она только сейчас поняла, какой неожиданной стороной повернулись ее вычисления для мнительной и больной старухи. Да ведь она, Маруся, думала, что бабушке тоже любопытно будет узнать, сколько чего может с'есть человек, если он проживет до семидесяти пяти лет. Ведь она и про себя подсчитала, и не только мясо, а сколько хлеба, воды, молока, зелени. Ведь у них же в классе об этом речь зашла на уроке естествознания. Проходили пищевой рацион, и кто-то спросил Надежду Павловну, сколько хлеба может с'есть, сколько воды может выпить человек за всю свою жизнь. Мальчишки закричали: один: «Хлеба, наверное, с Эльбрус!», другой: «А я думаю, с Гауризанкар!» «А воды, наверное, целое озеро!»

Надежда Павловна слушала, слушала их, а потом и говорит: «Да чего проще! Суточный средний паек на одного человека вам известен, в году триста шестьдесят пять дней. Кому интересно, пусть подсчитает».

Про все про это Маруся и принялась рассказывать бабушке, обняв ее и всхлипывая вместе с нею.

Конечно, бабушка ее простила тогда. Но все же совсем забыть про этих «коров» она так и не смогла. И когда на нее находила опять полоса обидчивости, бабушка нет-нет да вспоминала их, и тогда ей легче было заплакать.

Сейчас, когда Маруся исключительно из-за любви к точности заявила, что не могла же она отравить **в с е х**, если дома оставался **о д и н** только человек, бабушка, разобидевшись, опять припомнила ей «двадцать три коровы» и заплакала.

4

Итак, все кончено! Уж не сидеть ей больше в своем сереньком лабораторном халатике, с пробиркою, тихо вращаемой над спокойным голубым пламенем спиртовки!

Лаборатория! Разве не в ней была вся радость и сила ее?! Разве было что-нибудь отраднее чем сухое сияние словно мелом начищенной лабораторной посуды: реторт, колб и пробирок?! А маленькие фарфоровые чашечки — целый набор — словно для угощения кукол! А роговые весы, тоже маленькие-маленькие и страшно чувствительные! Один раз, когда она взвешивала на них поваренную соль, вдруг с потолка опустился на одну из чашечек еле заметный паучок, и чашечка эта сразу перетянула. А ведь надо принять во внимание, что паучок висел на паутинке, значит, не всем своим весом опустился. Когда она рассказала об этом в школе, так ей не поверили, сказали, что она врет... А как быстро теплели от ладони роговые чашки весов, и как долго-долго держалась в них теплота! Она любила прикладывать их к щеке: становилось уютно, хорошо, и казалось, вот оно, счастье, и есть!

Маруся преображалась, надевая свой лабораторный халат. Ей даже казалось, что в движениях, в голосе и в выражении лица у нее бывает тогда что-то общее с Надеждой Павловной, преподавательницей химии и физики в их седьмом классе.

Даже пробирку с жидкостью она держала в пламени спиртовки так же легко и красиво, как Надежда Павловна, и, конечно, отверстием не к себе, а в сторону и при этом все время вращая, а то ведь горячие брызги могут попасть в глаза, может лопнуть пробирка...

Когда Маруся, надев халатик, садилась за опыты, она уж, бывало, ни за что не пойдет открывать дверь, сколько бы там ни звонили. И в семье все привыкли к этому.

И вот как страшно и внезапно все это кончилось!

Что она теперь без своей лаборатории?! Такая же, как все. Раньше, если в школе кто-нибудь из мальчишек побьет ее, она думала: «Ну, и ладно, бей, а если вот посадить тебя, дать в руки бюретку, стаканчик и сказать: «Вот вам индикатор, щелочь и кислота, титруйте, пожалуйста»,— будешь ты смотреть как баран на новые ворота!»

...Не спалось. Маруся лежала, вытянувшись на спине под мягким, теплым одеялом, и неподвижно смотрела в темноту. Мысли — уж в который раз! — кружились вокруг одного и того же.

Да. Всему конец. Им недостаточно было того, что она и так работала в самых тяжелых условиях: где-то в углу, за занавеской,— нет, они выбрасывают ее лабораторию на улицу. Ну, что ж! Когда-нибудь об этом тоже напишут, как написали о другой Марии, о той, что открыла радий. И каково-то им будет через двенадцать—тринадцать лет, когда начнут приходить на квартиру корреспонденты от «Известий», от «Правды», а может быть, и заграничные и станут спрашивать: «А скажите: правда, что когда Марии Чугуновой было тринадцать лет, то ее лаборатория помещалась у вас между окном и умывальником, что вы ее и оттуда выбросили?» Что им останется говорить? Не станут же они отпираться. «Да,— скажут,— так было. Но в то время ведь никто и не думал, что из нашей дочери получится великий химик. Мы считали, что она просто так, балуется...»

Американский корреспондент спросит:

— Ну, а не сохранилось ли у вас хоть что-нибудь из этой первой лаборатории Марии Чугуновой? Нам очень хочется купить для американского музея. Нам неважно, чтобы целое: нам ведь для музея...

«А что, разве этого не может быть?— подумала Маруся, как будто опровергая кого-то. — Ведь, если у той уцелела от детской лаборатории какая-нибудь сломанная колба, так уж, наверное, давно стоит во французском музее... А все-таки насколько та была счастливее: отец был преподаватель физики, дома делал опыты, а она ему помогала, хотя еще совсем девчонкой была. А тут!..»

Все спали. В комнате было тихо, темно. Слышно было, как размеренно, редко падали капли в умывальнике.

Перед широко раскрытыми глазами Маруси в черной бархатной тьме плавали огненные пылинки, шарики, извилистые ниточки и круги. Они то уплывали куда-то выше лба, то снова появлялись и подолгу стояли на одном месте.

Когда Марусе Чугуновой не спалось, она любила глядеть в темноту, наблюдать за этими огненными явлениями и думать, думать без конца. Как-то особенно хорошо, особенно ярко думалось. Мысли и образы наплывали и уходили сами собой, без ее участия; похоже было на конвейер.

Даже большое горе стихало от этого неподвижного смотрения в темноту. Мало-помалу притуплялась острая боль, горе как бы отдалялось, чужело, и только где-то глубоко в сердце просачивалась тоненькая струйка боли, как все равно от пореза осокой. Потом становилось лишь грустно-грустно, и, наконец, уж, пожалуй, даже приятно было лелеять обиду.

На этот раз испытанное средство не помогло. Из головы не выходила любимая колбочка, разбитая случайно, в спешке матерью, когда она складывала в чемодан всю лабораторию. Маруся ну прямо-таки видела кусок пола, чемодан и на полу, возле чемодана, выпуклые тонкие осколки, а в них маленькие и перекошенные отражения окон.

Она закрыла глаза, но продолжала видеть все это и с закрытыми глазами. Ничего нельзя было поделать!

Так с нею случалось летом, после того как целый день она собирала ягоды. Только ляжешь вечером в постель, закроешь глаза, как сейчас же все ягоды, ягоды перед тобой! Вот, кажется, протяни руку — и сорвешь. А ведь в комнате темно, как в сундуке, и глаза закрыты. Так что же, выходит, не глазами видишь?

Маруся, бывало, подолгу задумывалась над этим...

5

В эту ночь ей приснился сон. Она видела, будто идет по двору, держа обеими руками ящичек из фанеры со всей своей лабораторией. Вдруг кто-то за ней погнался. Она убегает, но чувствует, что не убежать. Раньше в таких случаях ей стоило только взмахнуть распростертыми руками, и она сейчас же отделялась от земли и с каждым новым взмахом подымалась все выше и выше, испытывая неиз'яснимую радость от этого тугого, мускульного под'ема ввысь. Жалкие преследователи обескураженно толпились внизу, задирая головы. А она тем временем, преодолев эту упругую напряженность первых мгновений взлета, уже без всякого усилия, свободно парила над ними. Но иногда ей приходило вдруг желание подразнить их, и тогда она так низко проносилась над их головами, что, слегка подпрыгнув, они могли бы схватить ее за пятки.

Днем Маруся Чугунова както забывала про это свое уменье летать на руках. А если и вспоминала, то считала это сном. Зато ночью она осознавала в себе эту способность, ничуть не удивляясь, как что-то простое, врожденное, данное ей от природы «про запас», на случай крайней опасности.

Она и теперь, убегая от преследовавшего ее человека, чувствовала, что, будь у нее не заняты руки, ей ничего бы не стоило улететь от него. Но бросить наземь свою лабораторию — решиться на это Маруся не могла никак.

И еще немножечко — и страшный человек схватил бы ее. Вдруг Маруся увидала у забора большую березу и подбежала к ней.

Это был их двор, и раньше никакой березы здесь не было. Но Марусе сейчас было все равно, лишь бы спастись. И она принялась карабкаться на березу. Лезть страшно трудно, она все время скользит книзу, а тут еще приходится левой рукой держать ящик. А уж тот снизу хватает ее за туфлю и хочет стянуть на землю. Из последних сил Маруся рванулась кверху. Туфля осталась в руках у того. Маруся глянула вниз. Маленький страшный старик гневно топал на нее ногой и кричал, чтобы она сошла вниз.

Вдруг подбежала к дереву женщина— как будто бы ее мама, но и не совсем— и стала качать березу. Ветка, на которой сидела Маруся, начала сгибаться, и Маруся заскользила по ней все ниже и ниже— сейчас упадет! Ей стало страшно.

— Мамочка!— закричала она.

Ирина Федоровна, стоявшая возле марусиной кровати, испуганно отдернула руку ото лба дочери.

Ирина Федоровна, стоявшая возле марусиной кровати, испуганно отдернула руку.

6

Это было три года тому назад. Маруся только что перешла в четвертый класс. По заведенному в семье обычаю отец купил ей подарок. Вечером он долго томил ее:

— Погоди, вот стемнеет как следует, тогда узнаешь.

Наконец, наступила ночь. Отец велел потушить свет и задернуть шторы на окнах. Стало совсем темно. Сердце у Маруси стучало. А отец все еще медлил.

Вдруг дальний угол весь озарился необычайным светом. Виден сделался каждый предмет, и можно было даже прочесть надписи под картинами и на отрывном календаре. Свет был особенный, отливавший голубизной, словно он пронизывал туман или изморозь. Таким бывает также косвенный луч где-нибудь в погребе, в подвале, пройдя через рассеянную в воздухе пыль.

Не верилось почему-то, что это настоящий свет.

Отец внезапно повернул выключатель, и зажглось электричество. Но какой этот свет после того был неприятный, грубый! А свет карманного фонарика сразу потускнел и пожелтел. Маруся заглянула в стекло не прямо, а сбоку: в маленькой лампочке светилась изогнутая проволочка пышного, но не яркого накала. И это от нее такой свет?! Маруся направила фонарик прямо в глаза и зажмурилась: невозможно было смотреть. А если сбоку,— опять раскаленная пухлая проволочка, и смотри сколько угодно.

Отец об'яснил ей, что лампочка прикрыта увеличительным стеклом. Оно сводит лучи вместе, в один пучок, а без него они расходятся в разные стороны, как растопыренные пальцы, и потому — редкие, слабые.

Отец научил ее обращаться с фонариком, и Маруся до тех пор тушила и зажигала в комнате электричество, пока ей не запретили.

Тогда она ушла в темный коридор и долго сидела там, освещая стены, пол, потолок и шубы, висевшие на вешалке. Она осветила в этот раз такие укромные уголки, куда хозяйки и домашние работницы не заглядывают в течение целого года — от октябрьских торжеств до октябрьских. Ей даже удалось заглянуть в самые носки калош, и при свете фонарика там было совсем ничего, даже уютно. Если бы Маруся была ростом с муравья, она согласилась бы там пожить немного.

И все время не покидало Марусю чувство неиз'яснимого изумления и тихой радости. Стоило лишь нажать маленькую кнопочку сбоку фонарика — и мгновенно даже калоши, даже грязный растрепанный веревочный коврик у дверей становились таинственными, необыкновенными.

Этот голубоватый луч света был как бы мостом в сказку.

Если бы спросили Марусю, что хорошего нашла она в том, чтобы сидеть целый вечер в прихожей на какой-то пыльной корзине и освещать поочередно то паутину в углу, то щель паркета или дверной замок, Маруся едва ли смогла бы об'яснить! Но зато и ей было непонятно, почему другие не чувствуют, насколько это хорошо.

Каждому возвращавшемуся Маруся светила, пока он снимал верхнее платье и калоши. Она оставалась там, пока не вернулся последний жилец и дверь не заперли на цепочку. Но вот за дверью замяукала загулявшая кошка. Ее в таких случаях наказывали тем, что совсем не пускали в квартиру. Но сейчас, на ее счастье, в прихожей еще сидела со своим фонариком Маруся. Открыв кошке, она посветила ей.

Ложась в постель, Маруся положила фонарик под подушку. Но когда все уснули, она осторожно вытащила его, укрылась одеялом с головой, устроила подобие шатра и зажгла фонарик. Под одеялом стало светло! Маруся огляделась: удивительно хорошо было в ее палатке! Тогда она осторожно высунула голову наружу — тьма и холод. А у нее в палатке свет! Маруся юркнула обратно и некоторое время занималась рассматриванием своей руки, поворачивая ее перед глазами. Удивительно все-таки: каждая черточка видна на ладони!

Через некоторое время это уже был не шатер из одеяла, а пещера, где они заблудились с Томом Сойером. Высокие неровные своды громоздятся над их головой. Какие они с Томом маленькие-маленькие по сравнению с пещерой! Им страшно. А там, в дальнем углу, откуда несет холодом, сверкают из мрака глаза индейца Джо... Скоро догорит свеча, которую захватил с собой Том Сойер.

Наутро Марусе пришлось менять батарейку.

Маруся приложила к языку обе медных пластинки. Сделалось кисло и щекотно языку.

— Мама, попробуй-ка!— вскричала Маруся, пораженная своим открытием.

Мать попробовала, усмехнулась и ничего не сказала.

Но бабушка почему-то отказалась последовать приглашению. Однако в этом отказе, как после обнаружилось, не было искренности. Маруся ушла в другую комнату, а батарейка осталась в столовой на буфете. И вот Марусе удалось подсмотреть, как бабушка отложила тряпку, которой она стирала пыль, взяла батарейку фонарика и попробовала на язык. Потом покачала головой и через некоторое время еще раз попробовала.

Вечером, когда вернулся отец, Маруся обратилась к нему с вопросом:

— Папа, отчего это кисло делается, если батарейку попробуешь языком?..

— Ну, потому что электрический ток получается. Прижмешь обе пластинки к

языку — и получается замыкание тока... Через язык электричество проходит.

Марусю этот ответ не удовлетворил. Она поморщилась:

— Ну, а почему электричество кислое? Почему оно не сладкое, не горькое, а кислое?

Отец развел руками и немного рассердился:

— «Почему, почему»... Будет время— узнаешь. Я не инженер. Это вам, нынешним, высшее образование чуть не в обязательном порядке, а мне ведь много-то учиться не пришлось...

Отец Маруси работал продавцом.

Маруся расстроилась и была очень удивлена: отец всегда исправлял электрический звонок, освещение, даже радио, а вот об'яснить такой пустяк не может. Как-то даже странно...

— Вот что, папа, ты купи мне книжек про электричество... А потом, есть ведь такие книжки, чтобы про все в них было сказано, из чего что делается?..

— Конечно, есть такие книжки,— ответил отец.— Хорошо, куплю.

Свое обещание он выполнил. Скоро у Маруси появилась небольшая библиотечка: «Как устроено вещество», «В мире атомов и молекул», «Физика для всех», «Чудеса без чудес» и разные другие занимательные и полезные книжки.

Узнала она, как действует электрический фонарик, узнала, отчего электричество кислое: оказывается, когда ток пробегает через слюну, то слюна распадается на мельчайшие невидимые частицы— ионы. Частицы эти заряжены электричеством. Среди них есть так называемые водородные катионы; вот от них-то слюна и делается кисловатой. Слюна, а не электричество!

Многое для Маруси осталось тогда непонятным. Но и то, что ей удалось понять, изменило в ее глазах весь мир.

Раньше для нее все было просто: вода жидкая, она течет, ее легко можно переливать, перемещать, а вот пол, тротуар, мостовая — они твердые, надежные, неподвижные; хлеб мягкий, податливый, он легко мнется, из него можно лепить фигурки, а нож — твердый, острый. Он сегодня такой, и завтра, и послезавтра. На то он и нож — им режут. Он из железа.

Но вот, когда Маруся начиталась всех этих книг, ей сделалось как-то беспокойно, тревожно жить. Мир вокруг нее стал зыбким, ненадежным, колеблющимся. Он кишел, словно муравейник. И оказывается, глаза ее обманывали. Вот она читает книжку, и вот на пятой странице запятая. Ведь если захлопнуть книжку и открыть ее через год, через десять лет, через двадцать, то запятая, где была, там и окажется, она совсем никуда не сдвинется. А оказывается что же? В этой самой малюсенькой запятой толкутся, бешено носятся, вращаются миллионы молекул, а в молекулах — атомы, а в атомах — электроны. А ей, Марусе, этого не видно!

Или этот нож. Что в нем творится, подумать страшно! Ведь и в нем, в самом его железе, идут беспрерывное движение, толчея, колебания: молекулы толкают, ударяют друг друга. А в каждом атоме носятся вокруг центра электроны, как все равно земля вокруг солнца. А кто это замечает? Нож гладкий, твердый, всегда одинаковый.

И как это людям не страшно жить, когда они прочитают про все это?

Однажды ее послали в булочную. Она только что оторвалась от книжки. И когда шла, то мостовая не казалась ей такой надежной и прочной, как прежде: в каждом булыжнике молекулы, атомы, электроны — кружение, толчея, вихри...

В булочной, возле прилавка, старая женщина укладывала хлеб в кошолку. Марусе подумалось: «Сказать бы ей, сколько она электронов сейчас в сумку положила!.. Рассердится, пожалуй. Дома ведь не любят, когда говоришь про это...»

Да, в семье и в самом деле начали опасаться этого чрезмерного увлечения наукой. Наконец, отец не выдержал: отобрал у Маруси все ее книжки и запер на ключ. «До осени ты их не получишь,— сказал он.— Бегай на улице, играй, занимайся спортом. Поедешь в лагерь — ни единой книжки!»

Сначала она заплакала, но затем, сказать по правде, почувствовала даже облегчение. Ей и самой подчас было тяжело: она в последнее время не могла, например, с'есть яблоко без того, чтобы не вспомнить: «А вот яблочная молекула такая же маленькая против яблока, как само яблоко против всей земли, против всего земного шара». В конце концов, эти неотвязные мысли и рассуждения при всей своей правильности способны были убить вкус и запах любого яблока.

Лето она провела в пионерском лагере под Москвой, в сосновом лесу. Лес был сухой, чистый и светлый, как горница.

Когда по утрам играли зорю, то звук трубы звонко отдавался по всему бору. Недалеко от лагеря была река.

Ребята купались, удили рыбу, собирали грибы, землянику, устраивали аквариум; коллекции марок уступили свое место гербариям и коллекциям насекомых.

И редко-редко в течение лета тревожили Марусю мысли о том, сколько атомов было в ягодах, которые она с'едала. «А мне-то что? Хоть их сколько будь!» — думала она при этом и усмехалась, щурясь от солнца.

7

Когда Маруся перешла в седьмой класс, ей снова пришлось услыхать про молекулы, атомы и электроны. Но это было совсем другое.

Раньше, когда Марусю одолевали назойливые мысли, что все предметы состоят из молекул, атомов и электронов, что даже стол, за которым она обедает, незримо кишит, словно муравейник, — все это было ни к чему, а только мучило ее, портило ей жизнь. Ну, атомы, электроны, а что из этого? Какой толк? К чему было применить эти знания? Только бабушку раздражала своими разговорами про все это, больше ничего.

А вот Надежде Павловне они служили безотказно, эти незримые и расторопные слуги. На глазах целого класса она иногда заранее об'являла, что они сейчас будут делать, и не было еще случая, чтобы хоть один из этой неисчислимой и невидимой армии подвел Надежду Павловну и сделал не то, о чем она говорила: до такой степени она изучила их характер!

«Неужели есть что-нибудь такое на свете, чего не знает даже Надежда Павловна?» — думала иногда Маруся Чугунова, глядя, как зачарованная, на свою учительницу.

И однажды на одном из уроков тайная, несбыточная мечта пришла к ней, мечта, в которой даже Катюшке Зайцевой нельзя признаться, хотя Катюшка и умная сердцем и все, все поймет и никому ничего не скажет.

«Хорошо бы вдруг оказаться ее дочерью, — подумала Маруся, глядя на Надежду Павловну. — Как бы ей тогда ребята завидовали!

— Чугунова, о чем твоя мама будет нам сегодня рассказывать? — стали бы спрашивать у нее на перемене. А она еще дома все опыты пересмотрела и сама их научилась делать! Наверно, тогда бы Соня Медведева не очень-то задавалась, что у нее отец — летчик... Да, уж такой матери она бы даже посуду мыть не позволяла: все бы за нее сама сделала. А вечером они уходили бы в кабинет... Обе они в серых лабораторных халатиках с перламутровыми пуговками... Надежда Павловна делает опыты, а Маруся ей помогает: отвешивает на маленьких весах необходимые вещества, складывает из фильтровальной бумаги воронки, фильтрует растворы...»

8

Как-то после одного из уроков химии на столе оказалось много разных скляночек, приборов и реактивов. Катя Зайцева, Маруся Чугунова и еще одна девочка помогали их относить.

Физический и химический кабинет школы помещался в большой полуподвальной комнате. От цементного пола, от кирпичных стен тянуло сухой прохладой. Было тихо, как в подземелье. Пахло известкой и пылью. Окна были двойные, с решотками и выходили на двор.

Шум улицы почти не достигал подвала. Только иногда цементный пол вдруг начинал дрожать, и дрожь эта передавалась ногам. Это означало, что по улице проносился грузовик.

На полу стояли огромные бутылки в корзинах широкого плетения. Было много застекленных шкафов, да вдобавок еще и большая сводчатая ниша в стене была снабжена полками сверху донизу. И шкафы и открытые полки были заставлены запыленной лабораторной посудой невиданного устройства: таких приборов Надежда Павловна еще ни разу не приносила на урок. Тут были многоэтажные стеклянные воронки-шары высотою около метра; многоэтажные змеевики из стеклянной трубочки; большие фаянсовые чаши и пестики; склянки с тремя горлышками, заткнутые резиновыми пробками с пропущенными сквозь них коленчатыми стеклянными трубочками, и многое, многое другое.

Но больше всего поразила девочек целая связка тонких стеклянных трубок, прямых и высоких, как тростник. Иные из них чуть не достигали потолка.

— Надежда Павловна, а для чего вам такие? — спросила Маруся Чугунова.

— Для чего? А вот сейчас узнаете.

Она зажгла спиртовку и, держа отломок серединой в пламени горелки, начала постепенно сгибать его.

Надежда Павловна взяла из связки одну трубку, надпилила напильничком и отломила. Затем она зажгла спиртовку и, держа отломок серединой в пламени горелки, начала постепенно сгибать его. И — удивительное дело — стекло гнулось в ее руках, словно воск!

Через минуту вместо прямой трубки оказалась согнутая ввиде скобы.

Теперь только узнали девочки, откуда в приборах Надежды Павловны и круглые, и прямоугольные, и змеей извитые трубки: оказывается, она сама их изготовляла из этого длинного и прямого «стеклянного камыша».

— А хотите, этот вот отломок можно вытянуть,— сказала им Надежда Павловна, которой приятно было, что они дивились ее искусству.

— Покажите, Надежда Павловна, хотим!

Тогда она снова так же нагрела отрезок посредине и медленно стала растягивать за концы строго по прямой линии. И вдруг на глазах девочек трубочка стала растягиваться, растягиваться, словно леденец, вынутый из горячего чая!

Девочка, стоявшая возле Кати Зайцевой, взвизгнула от восторга и укусила ей плечо.

— Да ну тебя!.. Вот сумасшедшая!— заворчала на нее Катя.

Она поправила на своем вздернутом носу большие круглые очки, отодвинулась так, чтобы подруга могла стать ближе к столу, и сказала:

— Ты бы смотрела лучше да запоминала...

Той было, конечно, нечего возразить, но она все-таки сказала протяжно: «Ну!» — и повела плечом.

Тем временем трубка вытянулась и истончилась настолько, что оба кончика соединяла теперь лишь тоненькая стеклянная ниточка.

— Маруся, закрой колпачком горелку,— сказала Надежда Павловна и вслед за этим осторожно переломила, вернее, даже перервала, трубочку: настолько она истончилась.

И, тем не менее, трубочка была не сплошная: в ней, словно в комарином хоботке, виднелся просвет.

— Надежда Павловна!—вскричала Маруся Чугунова.— Я никогда бы в жизни не поверила, что так можно сделать! Я думала, что их только на стекольном заводе могут вырабатывать!..

Надежда Павловна рассмеялась:

— Вот видите: обыкновенная спиртовка — весь мой завод.

В это время хозяйственная Катя Зайцева повела пальцем по одной большущей колбе, и на запыленном стекле остался след. Ей стало неловко. Однако Надежда Павловна уж заметила след.

— Да, да,— сказала она, смутившись и покачав головой, — ужасно у меня запущено здесь. Прямо-таки стыд... И не знаю, что делать: ни минуты нет свободной... А Васильевна ведь еще ничего здесь не знает: только перепутает мне все...

— Надежда Павловна...

— Надежда Павловна...—сказали одновременно Катя и Маруся и замолкли, почувствовав, что обе хотят сказать одно и то же.

Некоторое время они переглядывались, не зная, которая будет продолжать. Наконец, стало ясно, что говорить будет Катя.

— Надежда Павловна,— сказала она, и щеки ее стали краснее обычного,— можно мы уберем здесь с девочками?

Тогда осмелилась и Маруся:

— А можно мы вам помогать будем... по химии?

Надежда Павловна звонко рассмеялась и так неожиданно обняла их всех троих, что девчонки стукнулись головами.

— Химики вы, мои химики, — сказала она,— да как же это вы помогать-то мне будете, а?..

— А вы нас научите, — отвечала, улыбаясь, Маруся.— И что можно, то мы и станем помогать... Мы еще бы могли некоторых ребят собрать...

— Ну что ж,— сказала Надежда Павловна.— Без ассистентов мне нельзя. Я и сама собиралась наднях говорить с вами об этом.

Она присела на край стола и велела девочкам садиться. Они подтащили табуретки поближе к ней.

Так началось первое инициативное заседание кружка «друзей химии» N-ской школы.

Надежда Павловна и девочки быстро договорились.

— А в какие часы вы будете приходить сюда, чтобы и нам в это же время приходить на уборку? — спросила Катя Зайцева.

— А зачем вам я?— удивилась Надежда Павловна.— Разве без меня вы не управитесь? У вас будет ключ и от лаборатории и от шкафов. Так что, когда есть свободное время, тогда и приходите. Ядовитые вещества у меня хранятся отдельно. А чтобы вам было легче разобраться в лабораторной посуде и в приборах, вот вам прейскурант с картинками. Какого предмета не знаете, можете справиться.

Надежда Павловна достала из выдвинутого ящика толстую книгу, вроде телефонного указателя, и подала девочкам. Они молча переглянулись.

Прозвенел звонок: большая перемена кончилась.

— Ну, девочки, я пойду. А вы не забудьте закрыть дверь, — сказала Надежда Павловна и убежала наверх.

Когда затих стук ее каблучков по лестнице, Маруся Чугунова стиснула в руке ключ от лаборатории, выпрямилась и взволнованно произнесла:

— Ну, девочки, если мы у нее хоть одну пробирку сломаем, хоть один кристалл израсходуем без ее разрешения, то тогда... тогда не знаю, кто мы будем!..

9

Заперев лабораторию, они поднялись в классную комнату. Весь этот день они вели себя очень таинственно, гуляли на переменах вместе, обнявшись втроем, и ни с кем не разговаривали.

Когда возвращались домой после занятий, Катя Зайцева решила одним из первых завербовать в «друзья химии» Колю Ершова.

Тот даже не дослушал ее до конца.

— Ну-у! — сказал он, помахивая сумкой с книгами.— Я летчиком буду, парашютистом. А по химии у меня и без кружка всегда почти «хоры». А кто у вас там?— небрежно спросил он, глядя по сторонам.

— Во-первых,— отвечала Катя Зайцева, обидевшись,— насильно мы никого не тянем. Если даже никто больше в классе к нам не запишется, мы вдвоем с Маруськой будем Надежде Павловне помогать... Пускай...

— С какой Маруськой? — перебил ее Коля Ершов и перестал размахивать сумкой.

— С какой? С Марусей Чугуновой,— ответила Катя.

Некоторое время шли молча.

— Конечно...— медленно, как бы раздумывая, начал говорить Ершов.— Конечно, если разобраться как следует, то летчику, пожалуй, надо химию знать на «отлично»... Правда, пилоту, может быть, и не так или парашютисту... Хотя, с другой стороны... Записывай! — решительно сказал он, как бы подводя итог длинного ряда размышлений.

Узнав, что Ершов записался к химикам, из'явил свое желание быть «другом химии» и Миша Бутылкин. Да и такую ли жертву он согласился бы принести для Николая Ершова, если бы это потребовалось!

10

Миша Бутылкин был круглый сирота и жил у своего вдового дяди. Дядя был флейтист и играл в оркестрах кино и ресторанов. Племянника он любил. Они могли бы жить совсем неплохо, но, к несчастью, дядя Бутылкина был больной человек: болезнь его была запойное пьянство. Когда наступала полоса запоя, то в доме пропивалось все, что только попадалось под руку, вплоть до мишиных учебников. Приходилось нередко и голодать. И это было самое тяжелое для Миши Бутылкина, которого ничего не стоило, даже если он был вполне сыт, уговорить скушать еще кусочек.

Во времена запоев дядя начинал проявлять исключительную заботливость относительно школьных дел племянника.

Пьяный, растерзанный, он приходил в школу, вызывал директора, преподавателей и начинал с ними разговаривать про своего питомца.

— Дорогие товарищи, дорогие товарищи! — восклицал он. — Ну вы поймите: ни отца (здесь он пригибал один палец), ни матери (пригибал другой). Один только я (при этом он ударял себя в грудь), один только я отвечаю за его интеллект!..

— Ну, а мы: учителя, школа?— возразил ему однажды директор.— Мы разве за его интеллект не отвечаем?

На это дядя Миши Бутылкина ничего вразумительного ответить не смог, а только, склонив голову на бок, долго смеялся мелким, заливистым смехом, хитро подмигивал и грозил указательным пальцем.

— Ко-о-варный вопрос, знаете ли!.. Ко-о-варный вопрос! — бессмысленно повторял он.

Дома он требовал у племянника тетради, свидетельство с отметками и, когда находил плохие — а таких было немало,— то бранился и норовил побить.

Однажды ему вдруг взбрело в голову, что его слабоуспевающего питомца ожидает в жизни неминуемая гибель, если тот не выучится играть на флейте.

— Слушай, Мишук,— сказал он,—ведь вот голова-то у тебя того... туговата малость, зато грудь — просто мехи кузнечные. Тебе флейта — в самый раз. Выучись, брат, а то пропадешь без куска хлеба. Я тебе говорю!

Миша стал отказываться. Он говорил, что ребята просмеют его, если узнают, что он учится играть на флейте, ссылался на то, что у него нет слуха,— все напрасно: дядюшка был неумолим.

Состоялось даже несколько уроков. Потом дядя охладел к занятиям и оставил Мишу в покое.

С Колей Ершовым Бутылкин подружился впервые еще два года тому назад. Но их дружба стала навеки нерушимой весной прошлого года и вот после каких событий.

Однажды Бутылкин был у Ершова. Он уже собрался уходить домой, но в коридоре, как водится, задержался. Они стояли и разговаривали. Бутылкин был в шинели и в сапогах. В это время вернулся с работы колин отец. Он слегка покосился на посетителя, однако ничего не сказал и прошел в кабинет.

Когда Бутылкин ушел, отец спросил Колю:

— Что это к тебе за военный ходит?

— Военный? — удивился Коля. — Да это Мишка Бутылкин, товарищ мой.

Отец изумился.

— Ну и гигант!— сказал он. — Прямо-таки геркулес! Да сколько же ему лет? Переросток, наверное?

— Четырнадцать,— отвечал Коля.—Он у нас в школе самый сильный. Даже преподавателя физкультуры на вальке перетягивает.

— И учится ничего? — спросил отец.

Коля покачал головой.

— Нет, по математике совсем плохо. Придется на второй год оставаться, а он не хочет. «Мне,— говорит, — и так стыдно: всех в школе выше. А если еще на второй год остаться, тогда что же будет?» Хочет совсем школу бросать... Правда, ему и учиться-то прямо невозможно,— заметил Коля и затем, отвечая на расспросы отца, рассказал и про дядю Бутылкина и про то, как трудно его товарищу готовить уроки дома.

— А что же вы-то смотрите?.. Хороши приятели!— возмутился отец Ершова.

— А что же мы?..— растерянно возразил Коля.

— Как «что»?! Ну, устройте его так, чтобы было, где готовить уроки. Хотя бы ты, у тебя отдельная комната. Он где живет?

— Да здесь же, на Большой Грузинской, квартала два отсюда.

— Ну, так вот...

— Папа, ведь и верно! — вскричал, обрадовавшись, Ершов.— Ты это серьезно говоришь: можно?

— Ты что же, первый день меня знаешь? — обидевшись, отвечал отец.— Я удивляюсь, как ты сам до этого не додумался. Ты в своей комнате хозяин. И даже больше тебе скажу: если у него главное несчастье в алгебре, можешь рассчитывать на меня.

Отец Коли окончил военную академию.

Коля был вне себя от радости, выслушав предложение отца.

— Ох, папа!— вскричал он.— Какое ты большое дело сделаешь! Ты знаешь, лучше его ведь во всей школе нет!.. Вот если для друга, то он ничего своего не пожалеет...

— Ну и прекрасно, — сказал отец.— Только не я, а ты этим всем займешься. Я же со своей стороны обеспечиваю свое

Скоро квартира Ершовых наполнилась глухим топотом ног, гулкими ударами кулака о кожаный мяч.

содействие: могу быстро его «натаскать» по алгебре. Понял?

Сын задумался.

— Только знаешь, папа,— сказал он,— как мне его заманить? Ведь если прямо ему сказать: приходи, мол, заниматься,— ни за что не придет.

— Ну, это уж ты обдумывай сам,— сказал отец и на этом закончил разговор.

И Коля придумал.

На другое же утро, во время большой перемены, он сказал Бутылкину:

— Слушай, Миша, мог бы ты меня обучить боксу?

Тот обрадовался.

— Пожалуйста, — сказал он. — Хоть сейчас. Только смотри, устоишь ли. Ведь уж очень вес у нас разный.

Ершовым тоже овладели сомнения: о тяжести бутылкинского кулака в школе ходили легенды.

— Да-а... — пробормотал Ершов.

Но сам же Чемпион и придумал выход.

— Колька, да чудаки мы!— вскричал он.— А кожаная груша на что?.. С которой боксеры тренируются? Сколько угодно! Все приемы могу на ней показать...

На том и порешили. В этот же день, после уроков, товарищи пошли на Кузнецкий и приобрели кожаную грушу.

«Хьюк справа в челюсть!» — командовал Бутылкин.

Само собой разумеется, что лучшего места для тренировки, чем комната Ершова, нельзя было и подыскать.

Скоро квартира Ершовых наполнилась глухим топотом ног, гулкими ударами кулака о кожаный мяч и возгласами, где в разных сочетаниях повторялось слово «хьюк»: «Хьюк справа в челюсть!», «Хьюк прямо в голову!» и т. д.

В первый же вечер после тренировки между товарищами произошел такой разговор:

— Ну, я пойду, — сказал Бутылкин, отирая ладонью влажный лоб.— А то ведь задачки-то завтра подавать!

— Слушай,— отвечал ему на это Ершов.— Мне вот что в голову пришло: тащи сюда свои книжки, тетрадки, и вместе все сделаем. А потом еще часок потренируемся, а?

Бутылкину это предложение понравилось. Он быстро сбегал домой за учебниками и тетрадками, и они засели за работу.

А когда уже он совсем уходил домой, Коля Ершов легко доказал ему, что раз они и завтра будут тренироваться, так лучше будет, если вообще Бутылкин станет готовить уроки у него.

Так и пошло у них изо дня в день: уроки бокса, перемежаемые уроками алгебры.

А однажды подвернулась такая трудная задачка, что пришлось прибегнуть к содействию колиного отца.

С той поры к их алгебраическим занятиям нередко присоединялся третий.

Впрочем, Степан Александрович — так звали отца Ершова,— когда позволял ему досуг, охотно принимал участие и в работе с боксерской грушей.

Прошло полтора месяца. Как-то была контрольная письменная работа по алгебре. Обычно Миша Бутылкин или подавал свою тетрадь значительно раньше всех, и зачастую в ней ничего не было записано, кроме условий задачи, или же, наоборот, он и после звонка продолжал что-то писать и перечеркивать, весь вымазавшись чернилами, пока преподаватель, наконец, не отбирал у него тетрадь.

И в том и другом случаях отметка была неизменно плохая.

На этот раз Миша Бутылкин тоже закрыл и отдал свою тетрадь еще в половине урока.

Ершов с беспокойством и состраданием взглянул на своего друга, считая, что тот, по обыкновению, благородно отказался от бесплодной борьбы и сложил оружие.

На перемене он подошел к Бутылкину.

— Не решил?— спросил он его.

Но тот расхохотался с видом победителя.

— Хьюк справа в челюсть!— вскричал он, как бы поражая невидимого врага.— Икс равен двенадцати, игрек — восьми.

Это был ответ задачи.

На следующий день в алгебраической тетради Бутылкина впервые появилось добротное слово «хор».

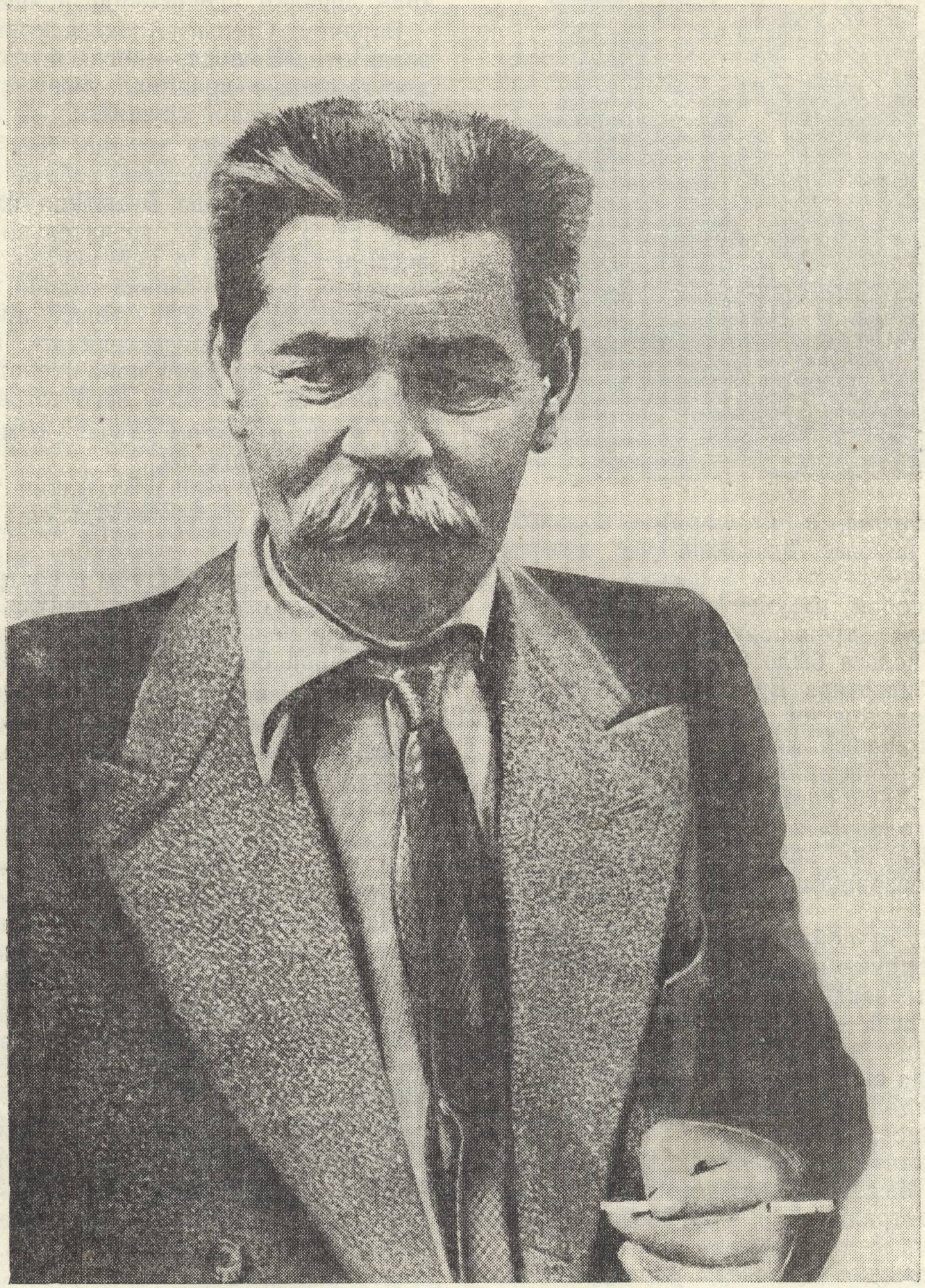
Переходные испытания Миша выдержал по всем предметам. И по алгебре— по той самой алгебре! — у него стояло «хорошо».

Когда они в тот вечер прощались перед тем, как разойтись по домам, Миша Бутылкин дрогнувшим голосом сказал:

— Знаешь, Колька... Ты думаешь, я не понимаю, что ты для меня сделал? Понимаю, брат!.. И я это по гроб жизни помнить буду!.. Да! — и, сказав это, он както неожиданно и неловко схватил руку Ершова, так что тот даже не успел ответить ему пожатием, сильно сжал ее, тряхнул и, отвернувшись, зашагал в темноту.

(Продолжение в следующем номере)

„...рабочие и все трудящиеся видят в Горьком себя, своего человека, свою жизнь – судьбу, свое будущее. Вот почему Горького так любили, любят и будут любить трудящиеся нашей страны и трудящиеся других стран“. **(В. МОЛОТОВ)**

Алексей Максимович Горький
(1868 – 1936 гг.)

День 18 июня 1936 года был тяжелым днем для нашей страны. В этот день не стало Алексея Максимовича Горького. Подлые предатели, враги народа, оборвали замечательную жизнь, целиком отданную борьбе за счастье человечества.

Горький умер, но его мысли и дела, его книги живут. Они помогают нам, учат нас быть умней, лучше, учат бороться за торжество коммунизма во всем мире.

Горький и дети

С. Маршак

В квартире у Горького я часто видел на столах книги, зашитые в холст и приготовленные для отправки по разным адресам. Тут были целые библиотечки классиков, сочинения самого Горького, сборники стихов, книги по истории, естествознанию, технике. Все это предназначалось для юных писателей и читателей, с которыми Алексей Максимович вел переписку.

Книги направлялись в самые отдаленные уголки нашей страны: на новостройки, в колхозы, в рабочие поселки, на маленькие глухие станции.

Алексей Максимович никогда не забывал, как трудно было ему в ранние годы его жизни добывать книги, «охотиться за книгами». Он помнил, каким сокровищем казались ему растрепанные томики сказок, повестей и романов, которые он видел когда-то, во времена своего детства в тесной и темной лавочке у ограды Владимирской церкви в Нижнем.

До конца своих дней Горький с уважением и любовью говорил о тех юных любителях чтения, которые готовы были терпеть всякие лишения и невзгоды ради того, чтобы раздобыть интересную и нужную книгу. Он называл их «охотниками за книгой».

Помню, тридцать четыре года тому назад, когда я был учеником ялтинской гимназии, Алексей Максимович, тогда еще молодой, рыжеусый, в широкополой черной шляпе, пришел на дачу Ярцева, где я жил, и сказал мне:

— Есть у меня для вас два ученика. Хорошие ребята. Такие великолепные круглые затылочки. Пришли ко мне учителя просить, а я послал их к вам. Поучите их.

И Горький с умилением стал рассказывать о том, что один из этих мальчиков прочел чуть ли не всю ялтинскую городскую библиотеку.

— Что ни назову,— все знает. Спрашиваю, читал ли Вальтер Скотта,— читал. Виктора Гюго — читал, Диккенса — всего прочел, Теккерея—тоже. А Жюль Верн,— говорит,—это для младшего возраста, для маленьких... Все же я для него кое-что подобрал...

А через три десятка лет после этого разговора мы снова беседовали с Алексеем Максимовичем о юных читателях и о книгах.

Было это тоже в Крыму, под Байдарскими воротами, в Тессели, где Горький провел свою последнюю зиму и весну.

На этот раз речь шла у нас не об одном «охотнике за книгами», а о миллионах таких «охотников», для которых советская власть создала первое в мире издательство детской литературы.

Горький был озабочен составлением списка книг, которые, по его мнению, следовало бы издать.

Он показал мне длинный перечень сюжетов и тем для будущих, еще не написанных книг.

«...Книжка о чудесах сказок и чудесах разума, организованного наукой. Ковер-самолет и аэроплан... Огненный змей и пойманная молния, сапоги-скороходы и автомобиль и т. д.»

«...Чем обязаны люди наукам — физике и химии?»

«...Очерк первобытной культуры, богато иллюстрированный...»

«...Исторический очерк главнейших путешествий, их цели и достижения...»

Целые два листа были исписаны от края до края убористым почерком Горького. Но это были только первые, черновые наметки той большой программы детского чтения, о которой Горький часто говорил в последние месяцы своей жизни.

Алексей Максимович был в это время всецело поглощен своей литературной работой. Как бы предчувствуя близкий конец, он торопился дописать свой большой роман, работал над пьесой, прочитывал огромное количество книг и рукописей.

И все же он находил время и для того, чтобы заботливо обдумывать программу детского чтения, составлять длинные списки книг, которые должны показать детям весь мир и место человека в этом мире.

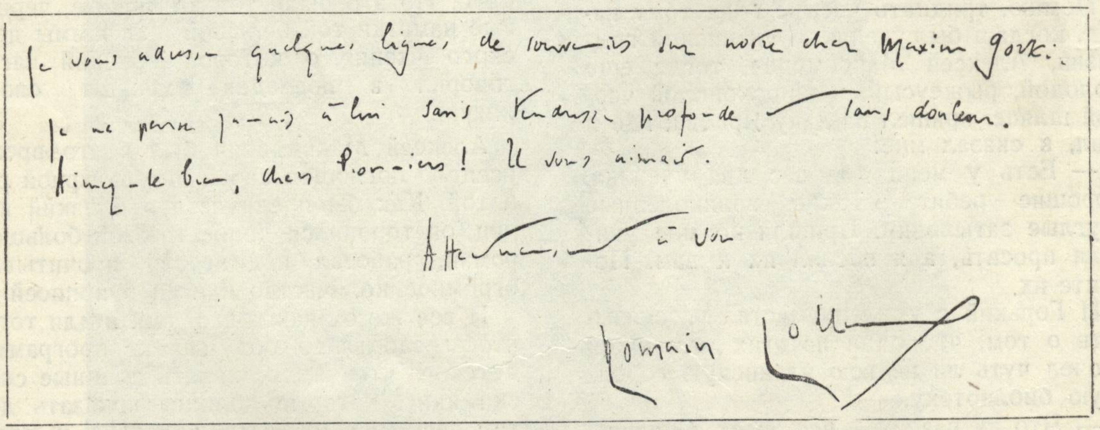
Что побуждало его то и дело возвращаться к мыслям о детях и об их воспитании?

Ответ один. Горький был человеком будущего — и забота о будущем была для него так же естественна, как и забота о нынешнем дне.

В 1935 году к нам в Советский Союз приезжал великий французский писатель Ромэн Роллан. Этот снимок сделан на вокзале перед самым от'ездом Роллана. Алексей Максимович Горький провожает своих друзей— Роллана и его жену Марию Павловну Роллан.

Недавно мы попросили Ромэн Роллана написать советским ребятам о своей дружбе с Горьким. Письмо Роллана мы здесь помещаем.

Je vous adresse quelques lignes de souvenirs sur notre cher Maxim Gorki.

Je ne pense jamais à lui sans tendresse profonde — sans douleur.

Aimez-le bien, chers Pionniers! Il vous aimait.

Affectueusement à vous

Romain Rolland

Посылаю вам несколько строк воспоминаний о нашем дорогом Максиме Горьком. Я никогда не думаю о нем без глубокой нежности и боли. Любите его хорошенько, дорогие пионеры! Он вас любил.

Сердечно ваш

Ромэн Роллан

Памяти Максима Горького

Блеском своего искусства открылся Горький нам, на Западе, в первые годы столетия. После мощных творений Льва Толстого, глубокие психологические откровения которого порой выражались тяжелым языком, писательский гений Горького проявил себя свежим и прозрачным светом своего стиля, его точностью и эластичностью, которые особенно чувствуются в его коротких рассказах и автобиографических воспоминаниях. Весь мир был захвачен его волнующей искренностью. До нас долетело звонкое эхо этой молодой жизни бродяги, восставшего против угнетения и преступлений социального строя; а для меня этот великий художник, без всяких оговорок ставший в ряды армии революционного пролетариата, был чарующим примером.

Между тем никаких личных отношений у меня с ним не было до войны 1914 года, когда мы оказались по одну сторону баррикады: против войны народов и против капиталистического империализма, подлинного виновника взаимного истребления народов, созданных для того, чтобы жить в согласии. Из разных концов Европы мы писали друг другу. Во втором письме Горький в порыве радости сообщал о только что разразившейся русской революции.

С этих пор между нами завязалась тесная переписка. Мы были братьями по вере в революцию, братьями также по тем ранам, которые наносили нам горестные противоречия между необходимостью действия, иногда жестокой, и нашей мечтой старых гуманистов. Мы оба научились равнять свой шаг по шагам движущейся и борющейся революции. Покинув свой рай в Сорренто, вокруг которого фашизм воздвиг барьер из колючей проволоки, Горький вернулся в Москву, горя новой жизнью; и он был для меня ее рефлектором, отражавшим жар и энтузиазм.

Мы были очень близки друг другу в 1935 году, накануне моей поездки в Москву, самыми близкими из всех писателей Европы. Но это еще было ничто по сравнению с тем, чем стала наша дружба после месяца, проведенного вместе. Ибо что может сравниться с реальной встречей: глазами, голосом, руками, непосредственным излучением всего существа? Между нами вставало еще только одно: завеса наших двух языков, — так как мы не говорили на языке друг друга; моей жене приходилось нам переводить. Но я решил выучить русский язык, чтобы разговаривать с ним один на один, и я рассчитывал вернуться в СССР через несколько месяцев. Уезжая, я доверчиво смеялся (как о том свидетельствует эта фотография), так как я уже думал о разговорах будущего года; а Горький был грустен: у него было предчувствие темных сил, грозивших — как оно и случилось — превратить наше «До свидания» в вечное «Прощай».

Но смерть вовсе не разделила нас. Ушедший друг стал для меня еще ближе. Я чувствую его возле себя. Он сопровождает меня. И я надеюсь, что как при жизни были связаны наши сердца и мысли, так наши имена будут связаны в будущем. И мы будем продолжать бороться вместе с вами, мои молодые товарищи, за справедливость и разум, за счастье человечества, освобожденного, наконец, от тиранов и своих собственных предрассудков.

РОМЭН РОЛЛАН

Высота Заозерная

Рассказ пограничника-орденоносца тов. А. Зуева

Пересказал Р. Фраерман *Рис. Г. Орлова*

Сидели мы все за длинным столом в большой светлой комнате, в высоком доме. И было это далеко от Хасана. Но среди нас за столом сидел еще совсем молодой красноармеец Зуев, награжденный за храбрость самой высокой наградой — орденом Ленина.

Мы спросили его, сколько ран получил он в бою под Хасаном.

Он ответил:

— Больших — пять.

И мы решили, что были у него, значит, и мелкие.

Но их он постеснялся считать. И сразу начал свой рассказ так:

«Учился я таким же пионером, как и вы, ребята. И было мне хорошо жить и в родной деревне у матери, и в Москве на работе, и на Дальнем Востоке бойцом.

Знаменит и обширен тот край. И когда посадили нас на пароход, чтобы отвезти в пограничную часть, я глаз не сомкнул во всю ночь. Первый раз видел я океан. А ночь была светлая, и рыба одна все плыла впереди перед нами. Большая рыба, но как ее звать, позабыл; то появлялась она на воде, переваливаясь, то уходила по струе в глубину. А глубина там и ночью видна. В ней собираются звезды.

Жили мы на заставе прекрасно. Были там дикие яблони, сливы, черемуха, были виноград и рябина. А лесу нет. Мелкий дуб все шумит по горам, и кругом орехи, орехи. Даже в воде находили мы их, в том месте, где весной вымывает из озера и кидает на камни водоросль, травянисто-зеленые шары. В них и орехи. Ешь их и ешь — не оторвешься, все вспоминаешь подсолнух.

А озеро чистое, тихое. Хоть волны бывают по ветру, но вода в нем легка, коней купать хорошо. Хорошо рыбу ловить. В речках там есть головли, щука и карась, но все больше окунь. А раков нигде не видал. Жалко!

Зато уток мы стреляли вдоволь! Любил я смотреть из окна, как летят они дружно на ночлег, свистом крыльев своих поднимая с огорода фазанов. Дикие козы за ними следят из травы.

Били мы часто и коз. Но мясо их ели неохотно. Дикие кабаны вкусней, пасутся они на камнях под орешником — черные, сильные звери. И весу в них много. На двух лошадях привезли мы однажды кабана.

Я и маленьким очень охоту любил. Стащу, бывало, у отца дробовик и пойду по лугам выслеживать уток на старицах. Луговая у нас сторона!

Ну, а там, на заставе, другое: и лугов нет тихих, заливных, как у нас, и не каждый день на охоту сходишь. Ждешь выходного.

Но и без этого на заставе у нас было жить хорошо. После учебных занятий в

волейбол играем или смотрим кино. Даже дети к нам приезжали на каникулы, вместе с бойцами за травою ездили, зимой на коньках катались. Жила с нами и собака Рекс — лучшая собака в отряде. По самому старому следу врагов повсюду находила. Идешь с ней, бывало, по участку, слушаешь: ничего не слышишь, только ветер шумит — вертит лист на дубовом кустарнике, — а она остановится, уши наставит, вытянется вперед. Значит, берись за винтовку.

А то сам вдруг услышишь треск: вскинешь винтовку на руку, на Рекса посмотришь. А он молчит, муравьями забавляется или давит комаров на носу. Вот, думаешь, лентяй собака.

Раздвинешь кусты, выглянешь — и видишь: ходит по границе коза. Рекс коз никогда не трогал. Вот до чего чутка была собака. Умница! Не верили иные просто.

Как-то командир отделения говорит собаководу:

— Что твой Рекс? Хвалишься только. А вот меня зимой он ни за что не найдет.

— Давай, — говорит тот, — попробуем. Брось только что-нибудь на дорогу, и все будет в порядке.

И вот часа два лазал командир по скалам, все прятался.

Пошла собака его искать. В две минуты нашла, да как схватит, так он ни жив, ни мертв. Куртку на нем порвала, к горлу стала подбираться. Только хозяина послушалась, а тот и сам побелел.

Бодрая была собака. И когда только спала,— неизвестно. Хозяин ляжет, и она чуть вздремнет. А как солнце над краем покажется, спать не дает. Подойдет к хозяину и сразу одеяло с него стащит. Хочешь, не хочешь,— вставай.

А коз, говорю, не трогала.

Много их там на границе. Бывало японцы на той стороне подпалят траву, пустят по ветру огонь, чтобы в дыму легче было шпионам пройти. Только напрасно! Ни с огнем, ни с водой не удавалось им к нам перебраться. Только коз пропускали, и выходили они к нам из травы черные все до одной.

Пошел я как-то в выходной — шестого— на охоту. Уток собрался пострелять. Винтовка со мной малокалиберная — на уток там лучше не надо. Только отошел я с километр, слышу: кричит кто-то громко. Выглянул из травы и вижу: козел стоит. Стрелять далеко — он шагов за двести, а пуля мелкая. Стал я к нему пробираться. Подпустил он меня немного и опять отбежал, стоит, смотрит, губами стрижет. Пополз я. Но с земли мне его не видать, только рога над травою торчат. А трава там высокая, сильная, чуть не до плеч. Встал я на ноги, прицелился, выстрелил. Захромал козел, бежать не может. Догнал я его. Взял за рога и повел на заставу. Интересно, думаю, все же живого привести. Тащу и тащу, и сил уж у меня не стало. Могучий был козел. Повалил я его на землю — ремнем хотел связать, а он все вертится, рубаху на мне всю порвал... Стал я кричать: думал, с заставы придут, помогут. Но никто не слыхал. Пришлось мне того козла пристрелить. И было это шестого.

А седьмого мы сено косили, всем отделением, так в километре от заставы. Косили мы допоздна. А среди ночи подняла нас на ноги тревога. Начальник участка передал дежурному, что сегодня в ночь японцы хотят занять высоту Заозерную.

Вскочили мы на коней, и только стук по земле покатился — это копыта о камни стучали. Прискакали мы на заставу галопом. Тут пришлось нам коней оставить и двинуться на Заозерную пешком: болото мешало. Шли мы по камышам, по кочкам, плечи потели от жары. Но все же пришли вовремя — до рассвета,— заняли высоту. Опередили японцев. Залегли и лежали целый день и ночь. Дождь пошел, стала вода в траве собираться, на камнях шипеть. Но мы и не думали о дожде. Все равно мокрые. Хуже дождя донимали бойцов комары. Взглянешь на соседа, а он весь серый от комариных крыльев.

Так пролежали мы до утра девятого, когда уж нас сменили. Отдохнули мы на заставе сутки и снова пошли в наряд. И больше уже не возвращались. Привезли нам на сопку палатки, и стали мы там жить. Гармошка у нас была и даже газеты получали. И жили мы так еще два дня.

Одиннадцатого числа четверо переодетых японских жандармов нарушили нашу границу, — хотели ее заснять. Одного мы убили, а другие убежали назад.

Японцы пред'явили нам ультиматум: просили с сопки сойти.

А мы и не думаем отходить. Сопка-то наша. И видно нам: совсем близко стоит под сопкой деревня. Ребятишки сидят на лавочках. Взрослые меж фанз прохажи-

ваются, только не поймешь, кореец ли это, мужчина или женщина. Одежда на них одинаковая: вся белая и шляпа на голове.

После того как уложила наша пуля ихнего жандарма, никого в этой деревушке не осталось.

Исчезли из деревни корейцы, и видим мы стали в ней появляться другие люди. Хотя и одежда на них была гражданская, но военного человека под любым кафтаном узнать не мудрено. Выправка сама показывает.

Начали они привозить рабочих — рис, кукурузу полоть. Плугами у них там не пашут и косилками не косят, а все копают. Сидят целый день на корточках и копаются, а на шляпе у них горшок с гнилушками дымится, чтобы комары не мешали.

Видим мы: и коров на траву пустили, возле деревни пасутся. Мирная, значит, картина. Хорошо. Живем и мы спокойно до самого двадцать девятого. Небо было ясное; ночью звезды видны были в нем. Удивительно даже, потому что туманы там в это время густые, ничего в них не видно. Но утром в тот день было пасмурно. С полдня посветлело немного, а после обеда снова стал туман заходить. Идет полосами, колышется, потом развеется немножко, а к вечеру тащится снова на сопку, лезет снизу вверх.

В четыре часа пополудни двадцать девятого я находился в наряде.

Одиннадцать человек из наших занимало высоту Безымянную — километра полтора от нас.

В это время с наблюдательных пунктов донесли нашему старшему, что группа японцев — человек семьдесят — движется в направлении высоты. Лейтенант приказал занять огневые точки. Пограничники заняли места. Японцы подходили уже к линии границы, но наши огня не открывали: враги были еще на своей территории.

Но как только первый из них нарушил границу, он был тотчас же сбит пулей нашего снайпера.

И тут враг начал наступать, открыв сильный огонь.

Командир отделения Шляхов вел наблюдение с тылу и вскоре заметил, что еще человек семьдесят японцев обошли лощину, окружили наряд и пошли слева. Наряд оказался в кольце.

Я находился на высоте Заозерной, на самой вершине, и наблюдал. Но из-за тумана было плохо видно: то закроет лощину, то снова откроет ее. Однако я видел, как они перебегали через сопку.

Лейтенант Михалин отдал команду:

— Прорвать вражеское кольцо!

Но только он приподнялся с земли, как вражеская пуля убила его. И еще четыре бойца мертвыми легли на камни.

Остался командир отделения Шляхов, остались еще пять человек, но и они были ранены.

Шляхов взял на себя команду и стал прорывать кольцо. Врагов было сто двадцать, а наших бойцов шесть. На одного красноармейца набросились сразу трое. Одному японцу он прямо штыком попал в горло, второго сбил прикладом. Третий рассек ему руку клинком, но наш боец вырвал клинок и зарубил врага сильным ударом наотмашь.

Наши прорвали кольцо.

Командир Шляхов все время таскал за собой телефон, все связывался с заставой, и за ним японцы охотились больше всего. Одному из офицеров удалось схватить кабель рукой. Шляхов тянул его к себе, а японец к себе. И тот и другой не отпускали. Тогда офицер разрубил провод саблей.

Связь с заставой прервалась.

Японцы вели гранатометный огонь.

Шляхов был ранен во второй раз.

На помощь к нему мы послали отделение. Но японцы удрали тотчас же. После них остались нам винтовки, гранаты и один убитый солдат. Убитых у них было больше двадцати, но они успели их перетащить к себе.

И все это было двадцать девятого. А всю ночь на тридцатое мы просидели в окопах, и я в том числе.

Было холодно, лил дождь без перерыва. И не спали мы уже трое суток. Только утром при свете солнца мы соснули на полчаса. Днем стало ясно, камни на солнце подсохли, трава после дождя поднялась. Послали меня снова в наряд, на этот раз с пулеметом. Засел я в окопе получше и тут же мой второй номер — красноармеец Кошкин.

Снова ложбину стало заволакивать туманом. Японцы выстрелили раз пять по моему окопу. Я не ответил: стреляли они со своей территории. Стреляли они и рядом, по окопу моего соседа. Пуля попала в гранату. Он едва успел выскочить. Граната взорвалась. Мы не ответили и на это: не поддавались на провокацию.

Пробыли мы в наряде день. А вечером поужинали наскоро, стоя... И у повара нашего на плече была винтовка, и в карманах — гранаты.

К вечеру, как темнеть стало, выслали мы четырех человек на разведку. Во главе ее был товарищ Чернопятко, ныне Герой Советского Союза. С ним — собака Рекс. Ни луны, ни звезд не было видно на небе.

В полной темноте сошлась наша разведка с японской. Только они через границу ступили, а наши тут как тут. Хоть и тьма кругом, но Рекс сразу схватил одного офицера. Задержали его. Чернопятко вернулся к нам в окоп, где был я, Кошкин и лейтенант Хрусталев. И тут мы от Чернопятки узнали, что японцы снова нарушили границу.

Мы укрепились в окопе.

Через несколько минут слышу я, будто шуршит трава. Но кругом темно. Глаза не видят, только ухом ловлю, что можно.

— Шуршит,— докладываю лейтенанту.

— Наверно, японцы идут,— говорит он,— направь пулемет. А я сейчас дам осветительную ракету.

Дал он ракету — все равно только камни видны и трава по ложбинкам. А кустов на Заозерной нет. Еще посидели тихо. Снова слышу: шуршит, будто шелестит по камням большая змея.

— Шуршит,—говорю,— товарищ лейтенант.

— Наблюдай, — отвечает, — а я снова ракету дам.

Но только она осветила местность, японцы открыли огонь. Как дождем поливало нас из пулеметов. Японцы были близко, шагах в ста, не больше. Дико закричали они «Банзай!» и пошли на нас.

Окружили высоту со всех сторон.

Их была тысяча, а нас семьдесят человек. Стали мы гранаты метать, из пулеметов бить. Как проведешь пулеметом хорошенько линию, так японцы и валятся.

Заставили мы их залечь. И так держали их часа полтора, не давали продвинуться. Ни пулеметами, ни гранатами ничего они не могли с нами поделать.

Слышим: артиллерия ударила. Упал возле нас снаряд.

Я был ранен в голову, еще были ранены лейтенант и младший командир. Мой пулемет от разрыва снаряда отказал в работе.

Но мы знали, что отходить нам нельзя, хотя помощь скоро не придет. Ведь кругом болота, хорошей дороги нет. Сзади нас озеро, а единственный узенький кори-

дор, по которому могли подойти наши, обстреливали японские пушки и пулеметы.

Японцы бомбили высоту, подтянули силы и опять пошли на нас.

Лейтенант Христолюбов скомандовал:

— Приготовиться к атаке!

С возгласом «За Сталина, за родину!» бросились мы вперед. И сошлись с врагами грудь в грудь, схватились врукопашную. И хотя их было много, не вынесли они нашего удара. Повернули, бросились бежать. Но ведь тут далеко не убежишь.

Отбили мы их первую атаку и опять вернулись на свои места.

Из бойцов нашей заставы был ранен в бок пулеметчик Ермолаев. Взял я у него пулемет, а ему отдал винтовку.

Японцы усилили огонь, снова подтянули силы и снова двинулись в атаку. Встал лейтенант Христолюбов во весь рост, ничего не боится, марля на нем повсюду болтается, весь он изранен.

— За родину! Да здравствует Сталин!— закричал он.

И второй раз сошлись мы в рукопашной схватке с врагом и снова отбросили его назад, далеко.

Во вторую атаку я ходил с пулеметом. Стал с руки косить на ходу, и все... А рядом со мной лейтенант Христолюбов и еще пулеметчик. Вдруг ручная граната ударила в приклад его пулемета, и пулеметчик упал на месте. Меня она не задела. А через несколько времени попала вторая граната прямо на середину окопа. Лейтенант Христолюбов только отпихнул ее ногой, как она взорвалась. Его ранило, и меня зацепило.

Передал лейтенант командование, а сам пополз в палатку на перевязку. Перевязали его там простыней, уняли кровь коекак, и снова он вернулся к нам, бесстрашный человек. Лег со мной рядом.

А ночь уже к рассвету подходит. Тают звезды над Заозерной, выступают камни из тьмы, куриться начинает трава.

Но свету все же мало. А ракет у нас чуть-чуть, и гранатам вот-вот конец. В это время открыли японцы огонь по нашему станковому пулемету. И тут был сильно ранен пулеметчик.

Тогда лейтенант Терешкин сам берется стрелять из пулемета. Я подполз к лейтенанту, помогаю.

А японцы вытащили на левый скат нашей высоты свой станковый пулемет.

Лейтенант спрашивает:

— Ты видишь его?

— Вижу, — говорю.

— Дай мне, — говорит, — последнюю ракету. Я ее пущу, а ты уж смотри целься верно.

Я дал очередь. Замолчал у японцев пулемет. Лежим. А там ведь как? Ты, скажем, лежишь по эту сторону камня, а он, враг, за пять метров — по ту. Держишь в одной руке наган, а другой за пулемет держишься. Лежишь и ждешь, пока выглянет. Позвякивают камни от пуль, трава от гранат вся желтая, и порохом пахнет. Лежишь не шелохнешься, а выглянет японец, — дашь ему пулю в лоб. И долго лежали мы с Терешкиным. А еще подмоги нам не было, потому что подойти к высоте было очень трудно под ураганным огнем.

И начали японцы нас в третий раз бомбить. Снаряды падали рядом. Терешкину перебило руку, ногу поранило осколком.

И поднялся он из-за камня, в последний раз закричал:

— За Сталина, за родину, вперед!

Схватились мы разом и пошли в атаку. А Терешкин пробежал шагов двадцать и упал. Тут бойцы забрали его и в тыл унесли.

В этой, третьей атаке бились мы одними штыками и прикладами. А если у кого и было два — три патрона, то берегли уж их и не знаю как. Боеприпасов больше не было. Но все равно отбили мы и эту атаку. Лег я за камень, замаскировался.

А тут и светло уже стало. Солнце взошло. Знаем мы, должна скоро поддержка придти. Решили мы: лучше помрем, но ни на шаг не отступим. И ничего с нами враг не поделает... А солнце уже над горами стоит, светит прямо в голову.

Оглянулся я, вижу: наши подходят. Вбегают на гору бойцы. Что и сказать, весело стало на душе.

Припал я опять к пулемету, начал стрелять. Но тут обнаружил меня враг. Вижу: скачут камни вкруг меня, как живые, землю пули роют. Ударила пуля мне в грудь и другая прострелила руку. Пошла горлом кровь. «Ну,— думаю,— тут, видно, придется помирать!» Но смотрю: минут через пять кровь перестала идти. «Так, — думаю, — хорошо! Буду, значит, жить! А если и помру, то хоть еще одного врага да убью!»

Но тут как раз подошла к нам поддержка. Приказали нам с Заозерной сходить. Пополз я вниз по горе. А японцы стреляют по мне из пулеметов. Рвут пули траву, а в меня не попадают. Я ползу. Раньше камни здесь были, а теперь ни одного: все пули смели.

Выполз я к озеру, метров сто не дополз, как увидел наши танки. А раз так,— надо на ноги вставать, потому что если ползти, то тебя танк раздавит. Ведь не знают, кто ползет: свой или не свой...

Я встал, а командир танка кричит:

— Иди скорей! В танк садись!

Только я сел, как японцы снова открыли огонь, — теперь уж по танку. Только искры летят кругом — что они делают! И из пулеметов стреляли и из пушек били, били, а все без толку... Крепкие танки у нас!

Перевязали меня, и пошел я дальше. Одна нога в сапоге, а другая босая. Уж не мог я надеть сапога.

Прошел я с километр, а потом чувствую: голова закружилась. Ведь за эту ночь я потерял много крови!

Один из командиров взял меня и повел. Подошли мы к озеру. А вода в нем зеленая, шары эти самые с орехами плавают. Все дно снарядами подняло наверх.

А там, где кончается озеро, — узкая полоска земли, и по ней без перерыва артиллерия бьет.

«Дай, — думаю,—попробую, какая здесь глубина. Быть может, водой пройти можно?»

Но командир не пустил меня, сам в озеро влез, а вода ему сразу по горло. И пришлось нам снова ползти под огнем.

Ползли, ползли и добрались-таки до перевязочного пункта. А оттуда меня уж на бричке отправили, привезли в комендатуру. Тут у меня оказался знакомый парнишка один. Набежал народ, набежали женщины, притащили яиц и всего остального.

— Кушать,— говорят,— хочешь?

А какой там кушать! Как сижу, — ничего, а как нагнусь,— дух захватывает. Повезли меня в госпиталь, а там жены командиров за нами ухаживали. Два дня пролежал, а потом в Хабаровск отправили.

Встретили нас там пионеры. Комсомольцы пришли, нанесли подарков. Навещали нас часто хетагуровки: кровь свою отдавали раненым бойцам.

Как раз напротив жила одна пионерка — Галя Корякова. Так она с балкона бывало кричит:

— Книг вам не нужно?

Натащила нам книг и цветов, и в гости мы ходили друг к другу, пока я не уехал в Сочи.

Весело после победы жить!

Человек, спасший тысячи жизней

Жизнь этого простого и скромного человека полна героизма. Шестьдесят лет проработал Мамед Бедия на центральной батумской водно-спасательной станции. За эти годы он спас *четыре тысячи шестнадцать человек!*

...Был жаркий летний день 1932 года. На возвышенности, недалеко от берега, сидел Мамед Бедия. Он курил пахучую самокрутку и поглядывал на синюю гладь моря, в котором весело плескались купающиеся. Работа на спасательной станции приучила его быть всегда наготове. Ведь в любую минуту может раздаться зовущий на помощь крик: «Спасайте! Тонет!»

Три девушки - подруги плавали в море. Вдруг одна из них почувствовала себя плохо. Вторая бросилась на помощь. Но утопающая крепко схватила ее за руку и потащила за собой под воду. На помощь поспешила третья. Но тонущие ухватились за нее и потащили на дно.

Все это произошло в течение нескольких секунд. И в эти же секунды к месту происшествия подоспел Мамед Бедия и бросился в море...

Девушки были спасены. Когда они пришли в себя, Мамед Бедия шутя попросил у них извинения. Он рассказал девушкам, что под водой они вели себя недисциплинированно, пытались и его схватить за руки и утащить на дно. Пришлось схватить их за волосы и таким, не совсем деликатным способом прибуксировать к берегу.

Всю свою жизнь посвятил Мамед Бедия спасению утопающих. Советское правительство присвоило самоотверженному моряку звание Героя труда и наградило орденом Трудового красного знамени.

Тигролов Калугин

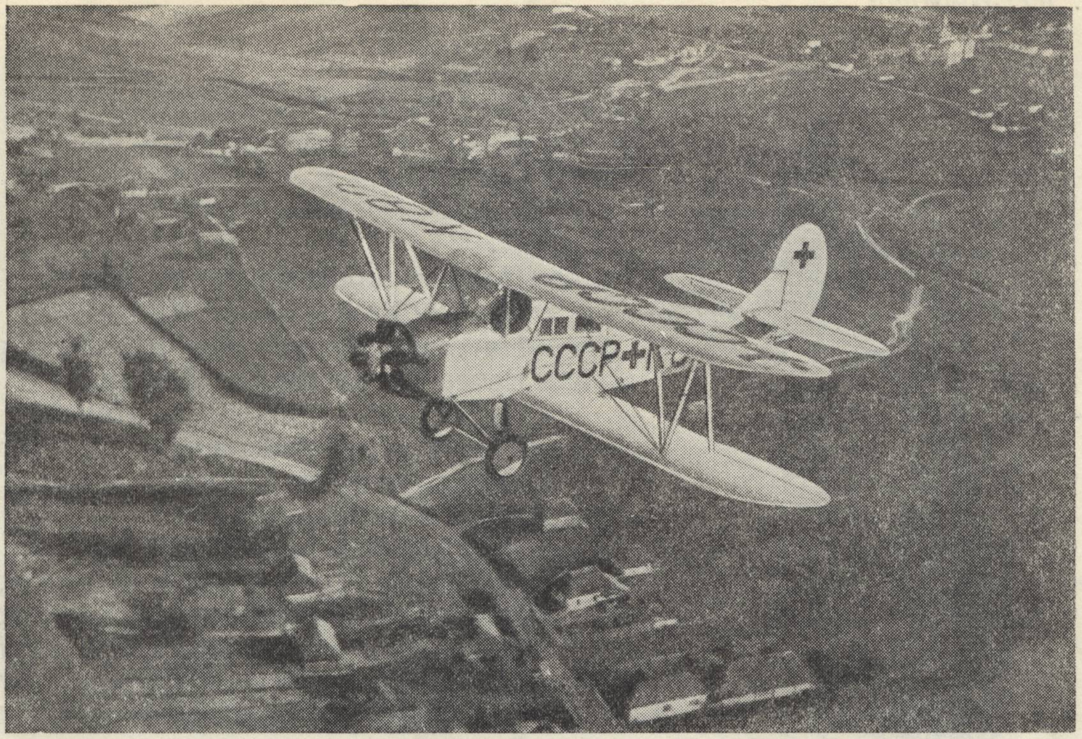

Бригадир охотников Трофим Васильевич Калугин со связанным уссурийским тигром. Это уже восьмой тигр, пойманный Трофимом Васильевичем.

В зоопарке, у клетки, в которой сидит тигр, всегда можно видеть толпу любопытных ребят. Тигр ходит по клетке из угла в угол, а под его пестрой шкурой, словно ртуть, переливаются мускулы. Когда этот огромный хищный зверь раскрывает пасть и обнажает зубы, становится страшновато, хотя и сидит хищник за крепкой решоткой.

А вот на Дальнем Востоке есть такие смелые люди, которые встречаются с тигром не в зоопарке, а в глухой тайге с глазу на глаз,—это охотники-тигроловы.

В районе реки Имана выследили охотники трех молодых уссурийских тигров. Окружили их и выгнали на долину реки в глубокий снег. Звери ревели, бросались на охотников, но глубокий снег связывал их движения. Охотники все суживали кольцо и, изловчившись, прижали тигров деревянными рогатинами к земле. Так смелые охотники ловят тигров для наших зоологических садов и зверинцев.

На самолете к больному

Вот летит самолет скорой воздушной помощи над полями, лесами и реками нашей родины. В любой, самый отдаленный уголок Советской страны привезет он к больному врача. В любых, самых трудных условиях пилот постарается посадить машину, а врач сделает все, чтобы помочь больному. Если уж машину никак не удастся посадить,— врач прыгнет с парашютом...

Однажды в Архангельске получили телеграмму, что в районе Усть-Цильмы, за семьсот километров от Архангельска, тяжело заболела колхозница Торопова. Спасти ее жизнь могла только срочная операция. Через 30 минут с аэродрома поднялся самолет, на борту которого находился врач Плотников.

Вскоре самолет благополучно приземлился на маленьком аэродроме Усть-Цильмы. Больная колхозница жила на противоположном берегу реки Печоры. Врачу нужно было перейти через реку, но Печора только что замерзла, и лед был очень тонкий. Как быть? Ведь совсем недалеко, вон в той избе, лежит больной человек. Ему надо помочь. Плотников осторожно ступил на лед. Лед затрещал. Переходить по тонкому льду было опасно.

— Я должен перейти на тот берег,— твердо сказал врач, ставя на лед чемодан с хирургическими инструментами.

Пилот и врач стояли на берегу и обдумывали, как им перебраться.

— Придумал!— вдруг сказал врач.

— Что такое?— спросил пилот.

— Мы сейчас найдем две доски и доберемся до того берега.

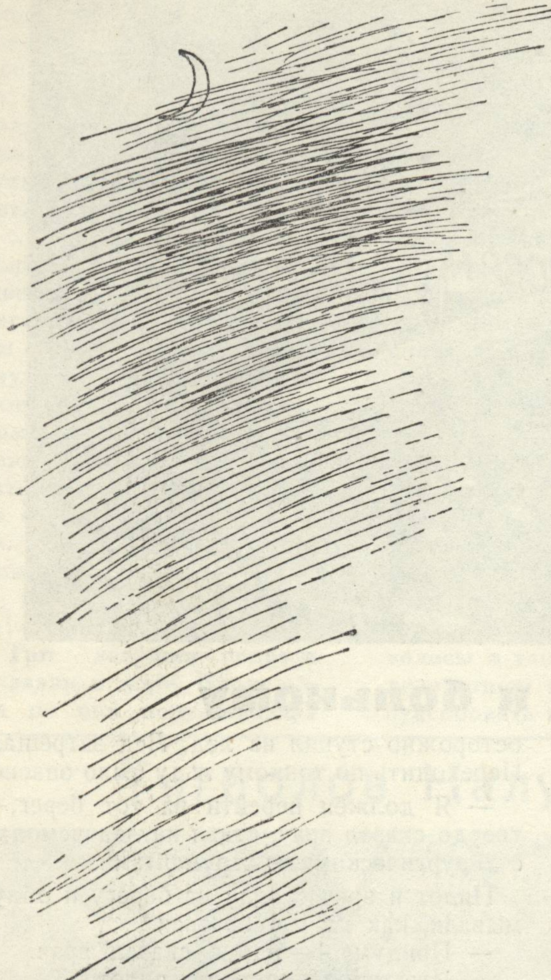
Нашли доски. Врач положил доску на лед и лег на нее плашмя. Лед выдержал. Он подтянул вторую доску. Переполз на нее. Потом подтянул первую. Так, переползая с доски на доску, отважный врач преодолел реку.

В избе лежала больная. Сердце ее почти не работало. Врач впрыснул ей камфару. Но нужно было сделать сложную операцию, такую, какие обычно делают в больницах. Но переправить больную к самолету по тонкому льду было невозможно. И вот врач решил сделать операцию на месте.

Жизнь колхозницы была спасена.

Стихи З. Александровой
Рис. Ю. Кискачи

Вечер

Далеко видна рыбачья лодка,
Это рыбаки из Партенита.
На закате желтом — черный парус,
Ветер гонит белые барашки,
Наклоняет к морю кипарисы.
Если платье снимешь, — дунет ветер,
Платье унесет и бросит в море.
Я купаться вечером не буду:
Вечером купаются дельфины.
Надымил над морем миноносец,
Вышел месяц тонкий и холодный.
А в горах костер дрожит и тает.
Чабаны варят кулеш бараний.
Под тягучую простую песню
Задремали черные овчарки.
И внизу, на берегу отлогом,
Рыбаки костер себе сложили,
Чистят рыбу с крупной чешуею.
В котелок упал листок лавровый
С деревца, склоненного с обрыва.
В котелке вода кипит сильнее,
Сладко пахнет дымною ухою.
Вот и все. Уходит катер в Ялту.
Огонек доверчивый зеленый
Скроется сейчас за черным мысом!

Кипарис

От вечно зеленых предгорий
Сбегаем тропинками вниз —
Туда, где у синего моря
Растет молодой кипарис.

Лежит как минутная стрелка
От дерева острая тень.
В том месте у берега мелко
И солнышко греет весь день.

Мы встанем на розовый камень,
Горячие майки сорвем,
Махнув на прощанье руками,
Навстречу волне поплывем.

А по морю катер несется,
Подводная лодка плывет:
Уходят опять краснофлотцы
В далекий учебный поход.

Доплыть бы до тонкого мыса,
До белой песчаной гряды,
Но длинная тень кипариса
Велит вылезать из воды.

Далеко, высоко от моря
С дороги оглянемся вниз
И видим: в бессменном дозоре
Стоит молодой кипарис...

1 августа откроется Всесоюзная сельскохозяйственная выставка

В Баку при агробиологической станции работает кружок юных натуралистов. Ребята из этого кружка воспитывают шакалов и кроликов, кормят их, чистят, водят на прогулку.

На снимке: ученица 175-й школы пионерка Сара Звингер (слева) и ученица 188-й школы комсомолка Ада Пинская кормят кроликов на свежем воздухе. Сара Звингер и Ада Пинская выкормили шесть кроликов в качестве экспонатов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Самый северный из всех колхозов, участвующих во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке,— колхоз «Красная звезда» Якутской АССР. Он находится за полярным кругом, у берегов Северного Ледовитого океана.

Стахановец-бригадир пушной бригады колхоза «Красная звезда» Н. И. Горохов с добытыми им песцами.

Табун лошадей колхоза «Красная звезда» на выпасе. Зимой на севере снег покрывает траву толстым слоем. Но северные лошади приспособились к суровой природе. Разгребая копытами снег, они достают траву.

Георгий Шторм

„Мла́денческое играние“

«В тысяча семьсот первом годе,
Во месяце было во июле,
Стояли солдаты на границе,
А ни ве́стки, ни грамотки с Руси нету...»

ВЕКОВОЙ спор был у России со Швецией из-за берегов Балтийского моря. Шведы и немцы еще со времен Александра Невского стремились затворить русским людям морскую дорогу, пытались замкнуть их в железное кольцо.

В 1617 году шведский король Густав Адольф перенял эту дорогу. Московское государство, ослабленное долгой войной, уступило шведам древние свои крепости: Орешек, Иван-город, Копорье, Ям.

Заключив выгодный мир, Густав Адольф сказал:

— Русские — опасные соседи: у них многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могут выставить большое войско; но теперь они не смеют без нашего позволения ни одного судна спустить на Балтийское море. Финляндия охраняется Невой и широким озером Ладожским — через этот ров русским нелегко будет перескочить...

Но борьба продолжалась. «Спорной» была Ижорская земля, или, иначе, Ингрия, названная так по имени жены киевского князя Ярослава Ингигерды: русские уже в XI веке прочно владели этой землей.

Шведы захватили ее, оттеснили Россию от Балтики и стали взимать торговую пошлину со всех судов, проходящих устьем Невы.

К началу XVIII века Швеция сделалась могущественной европейской державой. Под властью ее находились города Штетин, Бремен, Рига, Ревель, вся Эстляндия и Лифляндия. Швеция господствовала на море. У нее был самый сильный флот.

В 1697 году на шведский престол вступил юный и воинственный Карл Двенадцатый. Спустя три года завязалась борьба шведов с датчанами. Но у Дании был союз с Россией, Саксонией и Польшей.

Началась Северная война.

* * *

Петр Первый не стал дожидаться, пока враг разобьет союзников и нападет на Россию. Он решил предупредить его и осенью 1700 года об'явил указ:

«За многие неправды Свейского[1] короля итти на свейские города ратным людям войною с фельдмаршалом и адмиралом Головиным...»

Сорокатысячное русское войско осадило Нарву. Это была молодая, почти не видавшая боев армия. Бо́льшую ее часть призвали в строй лишь недавно, многих — только перед самым выступлением в поход.

---

[1] Шведского.

Пушки, отправленные под Нарву, оказались устаревшими и самых нелепых калибров; их станки и колеса рассыпались от выстрелов либо ломались в пути.

Среди них были такие страшилища, как пищаль «Лев» в 320 пудов весом и пищаль «Медведь» в 290 пудов. Русские мастера Андрей Чохов и Семен Дубинка отлили эти пушки еще в XVI веке. Многие снаряды не входили в орудия; из некоторых же мортир «только камнем можно было бросать...»

Ровно месяц длилась осада.

За это время Карл Двенадцатый успел разбить датчан под Копенгагеном и высадиться в Лифляндии. Он быстрым маршем двинулся к Нарве и атаковал русские войска.

Левый их фланг сперва стойко отражал натиск, но затем пришел в расстройство. Среди пехоты раздался крик: «Немцы нам изменили!» — и солдаты начали избивать командиров. Тогда генералы и офицеры — сплошь иностранцы — сдались врагу.

Правый же фланг держался непоколебимо. Это были семеновцы и преображенцы. Меткий огонь их пушек долго сдерживал противника. Они засели в укреплении, убили под королем лошадь и заставили его воскликнуть: «Каковы московские мужики!»

Два геройских этих полка не могли одни выиграть битву. И царь проиграл ее, потому что русская армия еще не была как следует обучена и вооружена.

Но Петр не упал духом. Узнав о поражении, он сказал:

— Над нашим войском шведы одержали победу, это бесспорно; но надлежит понимать, над **каким** войском они одержали ее!

Он называл эту битву «младенческим игранием» (ребяческой игрою) и не переставал твердить:

— Пусть шведы бьют **нас**, они научат нас бить **их**...

И нарвский урок не прошел даром: с невиданной быстротой начала создаваться в России новая армия.

Прежде всего был об'явлен набор в солдаты людей всякого звания, не исключая и крепостных.

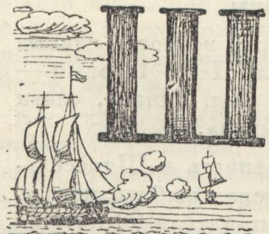
На Пушечном дворе закипела работа. Весь запас меди в стране пошел на орудия. В 1701 году в одной Москве их было отлито 269 — много лучших чем прежние образцы.

Петр по-новому повел ратное дело. Особое внимание он обратил на артиллерию, добиваясь того, чтобы войска не теряли с ней связи и без пушек не вступали в бой.

Военная старина этого не знала. Теперь же готовые заряды стали возить в гнездах двухколесных ящиков, запряженных лошадьми попарно цугом, и «прислуга» следовала за орудиями верхом.

После битвы под Нарвой Карл, считая Петра неопасным противником, бросил все свои силы на борьбу с Саксонией и Польшей. А «неопасный противник» не терял ни дня, ни часа. И русская армия за короткий срок стала втрое сильней.

„Небываемое бывает“

ШЕСТЬ крепостей было у шведов в Ижорской земле: у истоков Невы, запирая проход из Ладожского озера, высился Нотебург — древний русский Орешек; укрепление Ниеншанц стерегло невское устье, Нарва с Иван-городом — выход из реки Наровы; между Ниеншанцем и Нарвой стояли Копорье и Ям.

Весной 1702 года Россия перешла в наступление.

Петр широко распустил слух, что шведы хотят напасть на Архангельск. Он послал против них два отряда — в Польшу и Лифляндию, а сам с гвардией и обозом двинулся на север — к Белому морю. О своем походе он велел публиковать в иностранных газетах. Истинных же замыслов его никто не знал.

В Архангельске он снарядил два только что построенных фрегата и нанял под войска и припасы одиннадцать иноземных торговых кораблей. В начале августа караван судов, выйдя из двинского устья, взял курс на север. Цель похода попрежнему держалась втайне. Поморы же гово-

рили, что царь поплыл Северным океаном воевать норвежские берега.

Но флот пошел к Соловкам. Там иноземные купеческие суда были отпущены, и Петр пошел вдоль берега Белого моря на двух фрегатах и судах, взятых в монастыре.

В приморской деревне Нюхоцкой люди вытащили фрегаты на берег, поставили на толстые, заготовленные заранее, бревна и покатили их через непролазные топи и непрохо́дные леса.

Тронулись в путь, ободренные радостной вестью: русские войска под начальством Шереметева дважды разбили шведов в Лифляндии.

И Петр с еще бо́льшею яростью повел по́-суху свои корабли.

Он сам рубил бревна, подставлял катки, не давал фрегатам крениться. Ночевал с командирами в землянках, а ел у костров вместе с солдатами. Так от деревни Нюхоцкой проделали путь более чем в двести километров до озера Онежского и города Повенца́.

Оттуда рекой Свирью прошли в Ладожское озеро, и секретный план стал всем ясен: Петр готовил удар на Орешек-Нотебург.

Русские речные ладьи были бессильны против шведских судов, крейсировавших в этих водах. Чтобы начать осаду крепости, нужны были боевые корабли.

И русские совершили великое дело: прорубая просеки, строя мосты и настилая гати, они внезапно появились у заветной твердыни, почти что пронеся на руках свой флот...

И Нотебург пал: не выдержали осады ни десять его башен, ни двухсаженной толщины каменные стены.

«Нотебург взят сверх всякого чаяния человеческого...— писал Петр Первый.— Зело жесток сей орех был, однако, слава богу, счастливо разгрызен».

Он переименовал крепость в Шлиссельбург (Ключ-город) и велел выбить медаль с надписью «Был у неприятеля 90 лет».

* * *

Не прошло года, и русские войска взяли вторую крепость шведов: Ниеншанц,— стоявшую при впадении в Неву Охты. Спустя несколько дней Петр разбил шве-

дов на взморье и захватил два их фрегата. Так была одержана над врагом первая морская победа и выбита другая медаль, со словами «Н е б ы в а е м о е б ы в а е т». А на месте разрушенного Ниеншанца Петр построил новую крепость и назвал ее: Санкт-Питербурх.

* * *

В следующем, 1704 году сдалась русским войскам Нарва, а за нею — Иван-город, Ям и Копорье.

Завершив завоевание Ижорской земли, Петр сказал коротко и твердо:

— Итак, Ингрия в руках.

„Чорт советовал прежде, пусть он советует и теперь“

«Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
Скатерти расстелем — полк Семеновский,
Мы кушанья сахáрны — полк гусарушек,
Потчевать заставим — полк пехотушек...»

КАРЛ Двенадцатый закончил победоносную войну с поляками и стал распоряжаться в Саксонии и Польше, как у себя дома. Он был честолюбив, молод и самонадеян. Победы вскружили ему голову, и он решил двинуть в Россию свои войска.

Покинутый союзниками, Петр предложил было королю почетные условия мира, но Карл отклонил их, сказав, что помирится только в русской столице, где заставит возместить ему все расходы, понесенные Швецией за время войны.

Весной 1703 года армия шведов уже была между Сморгонью и Вильной. Она шла маршрутом, разработанным советником Карла Двенадцатого — Гилленкроком. И хотя походные карты были составлены вовсе не плохо, шведы вскоре по вступлении в пределы России поняли, что они не знают, куда идти.

Блестящая свита окружала Карла: советник Гилленкрок, фельдмаршал Рейншильд, генералы Спарре и Лагеркрона, первый министр граф Пипер и Адлерфельд — придворный историк, писавший труд о войнах и победах своего короля.

— Неприятель не осмелится воспрепятствовать нашему походу к столице,— сказал Спарре, когда они приближались к Минску. И, обращаясь к Карлу, добавил: — Есть старинное предсказание, что один из Спарре будет губернатором в Москве.

Король понял, что генералу очень хочется стать московским губернатором и что этого ему никто никогда не предсказывал. Он улыбнулся и промолчал.

Вскоре затем русские отошли за Березину, и Карл торжествуя воскликнул:

— Ну вот мы и на большой Московской дороге!

Но Гилленкрок охладил его пыл, заметив:

— До Москвы еще довольно далеко...

Близ местечка Доброго, на речке Черной Напе, король убедился в этом на деле: князь Голицын разбил правое крыло шведов и положил их на месте три тысячи человек.

Но русские отступали. Петр отдал приказ: уничтожать мелкие отряды, заставы и караулы, но избегать решительного сражения — вести до времени «малую войну».

К осени шведы продвинулись — через Головчин и Шклов — к Могилеву. Противник попрежнему ускользал; добывать продовольствие становилось все труднее, и Карл заколебался: какой избрать далее путь?

— Что вы об этом скажете? — спросил он у Гилленкрока.

— Не зная плана вашего величества, я не могу сообщить и своего мнения, — ответил советник.

— У меня нет никакого плана,— честно признался король.

Советник отправился к графу Пиперу и, волнуясь, изложил щекотливое дело. Но тому вовсе не хотелось идти дальше: он считал поход этот опасной затеей. И первый министр сказал с сердцем:

— Чорт советовал прежде, пусть он советует и теперь!

Тогда Гилленкрок об'явил Карлу:

— Мне известно, что неприятель укрепился на Смоленской дороге. Этой дорогой идти нельзя, ибо русские уничтожат там провиант и фураж. Другое средство вывести армию — это переправить ее назад, за Днепр, в Витебскую область. Но и там с провиантом будет не лучше. Третья дорога ведет в Северский край, на Украину...

И шведы двинулись в Северский край.

„Шведскую армию преследует судьба“

ОСТОРОЖНЫЙ советник предлагал Карлу вывести войска из России и оставить мысль о движении на Москву.

Но король еще не утратил надежды побывать в старинной русской столице. Он ожидал подкреплений. И помощь к нему действительно шла.

Пятнадцатитысячный отряд генерала Левенгаупта с громадным обозом продовольствия и боевых припасов шел из Риги на соединение с главными силами шведского короля.

В этом отряде находился Фридрих Христофор Вейе, лейтенант шведской армии, по происхождению немец. Он оставил любопытные записки о Северной войне.

По словам Вейе, все его товарищи по оружию считали поход в Россию чрезвычайно выгодным. «Всякий, кто имел хоть искру честолюбия, думал, что наступил удобный момент добыть богатство и славу. Я придерживался той же мысли», — писал лейтенант.

Но путь шведов к богатству и славе вскоре прошел через деревню Лесную — недалеко от города Пропойска, в бывшей Могилевской губернии. Там встретили их русские войска.

Узнав о переходе Левенгаупта через Днепр, Петр решил действовать без промедления. Восьмитысячный «летучий» отряд двинулся навстречу шведам, причем вся пехота была посажена на коней.

28 сентября при деревне Лесной началось сражение. Четыре раза «разгоралось ружье» в руках русских солдат так, что стрелять становилось невозможно. Четыре раза наполняли они патронами сумы, пазухи и карманы и не только не уступили врагу поля, но даже «шеренг не помешали», хотя весь день стояли в огне.

Бой утих к вечеру из-за темноты и наступившей непогоды. Наутро Петр хотел возобновить битву. Но драться было не с кем: шведы тихо снялись и ушли ночью, бросив в лагере часть обоза и оставив гореть бивачные огни.

Карл Двенадцатый, король шведский.

Посланные в погоню драгуны разбили неприятельский арьергард, когда головная колонна уже подходила к Пропойску. Переправа через реку Сож у города оказалась занятой русскими. Противнику пришлось бросить остатки обоза и двинуться вниз по Сожу в поисках брода. Эта битва стоила Левенгаупту пяти тысяч повозок с припасами и девяти тысяч людей.

«Дело» под Лесной лишило Карла ожидаемых подкреплений, ибо шведы потеряли там всю артиллерию и почти весь обоз.

По словам лейтенанта Вейе, они «утратили все, что было у них за душою», и в течение последующих дней «изнывали от голода, холода и тысячи иных невзгод».

Левенгаупт соединился с главными силами, но отряд его уменьшился на две

трети. Целый полк шведских солдат тотчас после злополучной битвы повернул назад — туда, откуда он пришел, в Лифляндию. Не пожелало продолжать поход и несколько командиров. А один из них, написав королю донесение, старался уверить его в том, что «шведскую армию преследует судьба».

* * *

Король и сам был уже изрядно недоволен судьбою. Его разочаровала страна, откуда хотел он черпать силу для дальнейшего наступления на восток.

Украинский гетман Мазепа изменил России и предался шведам. Но к изменнику примкнули только козацкие старшины; простой же народ стоял за московскую власть.

Напрасно король сулил украинцам разные «льготы».

Украина встретила Карла хмуро. Она не поверила «льготам» и не пошла за Мазепой. Народу ни к чему были чужеземцы, топтавшие родную землю и рыскавшие по селянским халупам. И он, как умел, оборонял свою «волю», крепко «ховал» своих коней, скот, хлеб и сено и норовил хватить шведа дрючком или топором.

Мазепа укрепил для шведов Ромны и Гадяч, а в Батурине приготовил к приходу их хлебные магазины и целый арсенал.

Но русские войска разнесли все, без остатка.

Ни в Батурине, ни в других городах Карл не нашел ничего из провианта и военных припасов: все было вывезено либо уничтожено. Приходилось довольствоваться захватом опустевших городов — «деревянных, некрепких и почти негодных» и трубить об этих «победах» на весь свет.

А население разбегалось.

Мазепа рассылал грамоты, убеждая крестьян, что «шведы — люди добрые» и незачем прятаться от них в лесных чащах. Но крестьяне выходили из лесов только затем, чтобы увести шведских коней или подстрелить шведского солдата. И многие из них были пойманы и казнены.

С жителей, обитавших в расположении Прилуцкого полка, шведы велели собрать 12 тысяч волов, 17 тысяч свиней, 20 тысяч баранов, около 4 тысяч кулей овса и муки и 7 тысяч бочек соли. Все это взяли в один месяц и велели столько же припасти на другой.

И Петр не даром говорил, что украинцы «так твердо стоят, как больше нельзя от них требовать».

Имени Мазепы народ не хотел слышать.

Жители подкладывали огонь под избы, где расположились пришельцы, хотя за это им резали носы и уши. А на реке Десне крестьяне изрубили сто пятьдесят шведов и взяли в плен целый отряд.

„Всяк защищать себя умеет“

«— Ах, ты батюшка, король земли
Шведской!
Колько под го́родом ни стояти,
Нам Полтавы го́рода не взяти...»

ЗИМА в 1709 году была лютая. Шведы, дожидаясь тепла, страдали от морозов и недостатка провианта. Многие ночевали у костров, огородившись от стужи соломенными щитами. Ко всему этому их непрерывно тревожили русские войска.

Первый министр, граф Пипер, писал в Швецию:

«Невозможно представить, насколько настоящая кампания несчастна и затруднительна».

Другие писали более подробно: о том, что множество солдат отморозило себе руки и ноги, а иные и вовсе замерзли, особенно из числа тех, кто слишком согревался русским вином...

В середине февраля шведская пехота вступила в слободу Коломак, откуда открывался «великий шлях» прямо на Харьков. То была часть древней Муравской дороги; татары ходили по ней из Крыма в Москву.

Она пролегала вдоль левого берега Ворсклы, ее защищали крепости, и сильнейшей из них являлась Полтава. Путь этот вел на Харьков — Белгород — Ливны — Тулу и выводил на Окские верховья. Исстари говорилось, что между Ворсклою и Донцом «иной дороги нет».

Были еще другие пути: они вели с берегов Псла, но их хорошо прикрывала русская армия. В течение всей зимы Карл

упорно пытался обойти ее слева и для этого уходил все дальше на юг.

Но русские искусно передвигались. К началу весны главные силы их заслонили Белгород, ибо шведы стремились туда, чтобы, взяв эту крепость, открыть себе путь в глубь страны...

Слава продолжала кружить голову Карлу. Вскоре по вступлении в Коломак он сказал Гилленкроку:

— Узнайте, какие дороги ведут в Азию.

— Азия далеко отсюда,— ответил советник,— и совсем не в этой стороне.

— Нет, — возразил король, — Мазепа сказал мне, что она близко. А мы должны идти туда, чтобы можно было сказать: мы были в Азии!

Гилленкрок не выдержал:

— Ваше величество изволите шутить со мной! Вы, конечно, не думаете о таком походе?

— Я не шучу,— сказал король спокойно.— Вы должны осведомиться о дорогах туда...

Гилленкрок разыскал Мазепу, вступившего в Коломак с отрядом козаков, и передал вопрос Карла.

— А на що вона менi здалась — та дорога? — произнес Мазепа, прищурясь.

Гилленкрок посмотрел в упор:

— Вы говорили королю, будто Азия близко.

Мазепа очень встревожился и признался, что пошутил...

* * *

И в Азию идти не пришлось. Не пришлось и продвинуться дальше по большой Муравской дороге. Вскрылись реки. Началось половодье. В грязи тонули обозные фуры. А главное, перед войсками встала преграда, которую весьма нелегко было взять.

Между речками Коломаком и Можью открылась сильная позиция русских, запиравшая путь к Белгороду. Это был узкий, шириною в три километра, проход; его стесняли болота и леса.

Штурмовать его в оттепель было невозможно. И Карл повернул назад, чтобы овладеть оборонительной линией Ворсклы, втянуть русские войска в битву и, только выиграв ее, атаковать коломакский проход.

Адлерфельд, придворный историк, писал: «Его величеству королю Карлу Двенадцатому не оставалось другого средства, как дать сражение». При удаче шведы смогли бы возобновить свой марш на восток либо спокойно отступить в Польшу, без боязни, что их станут преследовать русские войска.

Между Пслом и Ворсклой Карл собрал свои силы. Они сильно растаяли за зиму. От общего числа — пятидесяти тысяч (включая и корпус Левенгаупта) — теперь насчитывалось не более тридцати.

Тем временем половина русской армии — под начальством Меншикова — сосредоточилась у Ахтырки, на берегу Ворсклы, а другая—под начальством Шереметева — на берегу Хорола, у Миргорода.

Карл решил начать осаду Полтавы, считая ее местом, «удобным ко входу в Россию». Главной же его целью было заставить Петра принять генеральный бой.

Почти девять лет избегал русский царь решительной встречи со шведами; называя всякую битву «зело опасным делом», он старался обеспечить себе победу, снаряжая, обучая и дисциплинируя свои войска.

В «деле» под Лесной стало ясно, что время для этой встречи настало. «Сия победа,— говорил Петр,— может первой назваться... тут первая солдатская проба была».

Но Карл плохо знал, насколько возросла сила противника, или, вернее, ничего не хотел знать об этом. Шведский король боялся лишь одного: как бы Петр не уклонился от битвы — и мечтал о часе, когда войска встретятся один на один...

Главную свою квартиру шведы расположили в селе Будищи — к северозападу от Полтавы. Вскоре после начала осады Карл под'ехал к крепости, чтобы осмотреть укрепления. Его сопровождал, как всегда, Гилленкрок.

— Полтава — крепость ничтожная! — об'явил король.

— Крепость, конечно, не из сильных,— заметил его спутник,— но по многочисленности гарнизона она не слаба.

Король настаивал:

— После первого выстрела они сдадутся.

Советник не уступал:

— Такая случайность от меня скрыта.

— Говорю вам, что дело не дойдет до штурма. Мы совершим необыкновенное дело и приобретем честь и славу.

— Не знаю, необыкновенное ли это дело. Я только страшусь необыкновенного окончания его...

Первого апреля шведы пошли на штурм Полтавы, но отступили. Ее укрепления — земляной вал с деревянной «одеждой» и бревенчатый палисад — были недавно усилены. Город защищали четыре с лишним тысячи регулярного войска и две тысячи шестьсот вооруженных полтавчан.

На виду у крепости расположились шведы. Часовые расхаживали на валах, зорко следили за врагом и протяжно перекликались: «Добрый хлеб!» «Доброе пиво!» В ночное время за шведскими окопами наблюдали с помощью светящихся бомб.

Третьего и четвертого апреля штурм повторился и также не принес врагу успеха. В течение апреля гарнизон отбил еще четыре приступа и произвел двенадцать вылазок. К концу месяца шведы подвели под крепостной вал подкоп и заложили порох, но осажденные — через встречный подкоп — вынули его.

В начале мая Меншикову удалось провести в Полтаву крупный вспомогательный отряд.

Ночью девятьсот русских солдат, одетых в шведские мундиры, под начальством бригадира Головина перебрели через топь и подошли к вражеским окопам. На окрик: «Кто идет?» — Головин ответил по-немецки: «Команда для осадных работ».

Шведы пропустили смельчаков и только тогда поняли свою ошибку. Отряд штыками проложил путь к воротам крепости и проник в город. Узнав об этом, Карл пришел в ярость: обнажив шпагу, он кричал, что прозевавшие отряд достойны смерти, и, стиснув зубы, произнес: «Вижу, мы научили русских воевать».

Вскоре затем войска Шереметева соединились с войсками Меншикова и вся русская армия стала лагерем у селения Крутой Берег, против Полтавы. Почти одновременно шведы предприняли новый штурм.

В этот день стрижи заметались над полтавской колокольней, набат поплыл над рекой и окрестными полями и багровый холм дыма вырос за крепостной стеной.

Огонь неприятельских пушек зажег несколько домов, и шведы успели взойти на вал, пока часть гарнизона была занята тушением пожара. Но старики, женщины и дети — все бросились на защиту города и, выдержав двухчасовой бой, заставили противника отступить.

На другой день шведский барабанщик подошел к крепостным воротам, рассыпал своими палками долгую трель и об'явил слова короля: сдаться немедленно или «все будут побиты».

Комендант города, полковник Келин, передал ответ:

«Приступов было восемь, и более трех тысяч штурмовавших на валах полтавских го́ловы положили. Итак, тщетна ваша похвальба: побить всех не от вашей воли зависит, потому что всяк защищать себя умеет».

Барабанщик удалился. А Келин тотчас выслал из крепости отряд в тысячу человек. Он разрушил ближайшие шведские окопы, захватил четыре медные пушки и вернулся в город.

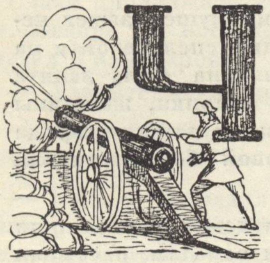
Так держалась Полтава, но свинец, ядра и порох уже подходили у осажденных к концу.

Русские солдаты времен Петра Первого.

„Нечем хвалиться, коли из рук валится“

«Не крупен чеснок рассыпался:
Смешалася Шведская сила.
Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью...»

ЧЕТВЕРТОГО июня русская батарея открыла огонь по своим: пушка ударила по полтавской крепости, и пустая бомба упала в город. В нее было вложено письмо Петра, извещавшее гарнизон и жителей, что он прибыл в армию и приложит все силы, чтобы разгромить врага.

Вслед за этим такая же бомба полетела из Полтавы в русский лагерь. Комендант сообщил, что пороху в городе осталось не более чем на две недели. Спустя двенадцать дней на военном совете было решено дать генеральное сражение, и войска начали переходить на левый берег реки.

Переход продолжался три дня, и шведы не могли помешать переправе. В первый же день гарнизон сделал отчаянную вылазку. Пехота же Лагеркроны действовала вяло. Она обратилась в бегство, едва раздалась русская команда: «Ружье по погонам, вынимай палаши!»

Двадцать первого июня шведский король увидел себя между переправившейся армией и осажденной Полтавой. Он отдал приказ — любою ценой взять город, и шведы произвели последний, самый яростный штурм.

Он продолжался с рассвета и до рассвета. Временами неприятель взбегал на вал и разворачивал на нем знамена. Все население дралось рука об руку с солдатами: косами, кольями, топорами. К четырем часам утра приступ был отбит.

В одну из следующих ночей Карл долго не мог заснуть и позвал к себе старого своего слугу, умевшего хорошо рассказывать сказки.

И старик завел речь о северном богатыре, о каком-то Ролфе Гётриксоне, в незапамятные времена якобы завоевавшем Россию.

Эта сказка очень понравилась королю.

Потом вспомнил слуга о Густаве Адольфе и о его войне с русскими. И спел он сагу о том, как Густаву Адольфу помогали финны-волшебники, как пытались они действовать колдовством и на́говорами, но русского оружия никак не могли заговорить.

Эта сказка королю понравилась меньше.

В ту же ночь русские войска продвинулись к Полтаве еще на три километра и расположились в укрепленном лагере в такой близости к шведам, что хорошо могли видеть и слышать врага.

И в подзорную трубу увидел Карл, что стоит перед ним могучее войско, и в лагере русском — полный порядок. На мешках с землей сложены пирамидкой гранаты, блестят жестянки с чугунной картечью; вон — бочки с уксусом для охлаждения пушек, а вон — котлы для плавки свинца...

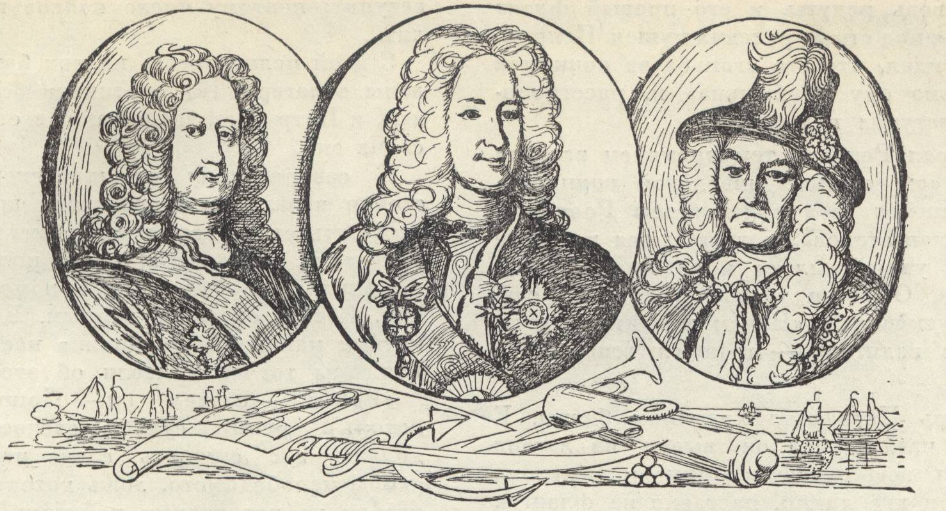
Тыл нового лагеря был прикрыт крутым берегом реки Ворсклы. Правый фланг упирался в глубокую лощину, а левый — в густой овражистый лес, тянувшийся до Полтавского монастыря. Перед фронтом лагеря лежала открытая равнина, замыкавшаяся синеватой грядою леса. Между этим лесом и тем, что примыкал к монастырю, находилось пространство шириной около двух километров. Это был путь к Полтаве и в неприятельский стан.

На этом-то участке поля Петр приказал возвести шесть отдельных редутов на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Четыре редута были возведены перпендикулярно к первым. Враг неизбежно должен был атаковать эти укрепления либо прорваться между ними. Но поперечные линии грозили ему огнем во фланг и убийственным штыковым боем, а линии продольные — расстройством сил и поражением их по частям.

Выбор места и направление этих редутов во многом предрешили исход битвы. Впервые в истории военного искусства была применена система укреплений — раздельных вместо непрерывных, «цепных».

Русская армия состояла из пятидесяти восьми батальонов пехоты, семнадцати полков конницы и располагала семьюдесятью двумя пушками. Общая численность войск доходила до сорока двух тысяч человек.

Накануне битвы основная масса пехоты сосредоточилась в укрепленном лагере.

Соратники Петра Первого: Шереметев, Меншиков и Брюсс.

Там же поставили всю артиллерию. Передовые редуты были заняты двумя батальонами пехоты, а за ними в шахматном порядке стали семнадцать конных полков.

Войскам был прочитан приказ:

«Те, которые уступят неприятелю место, в числе людей считаемы не будут; таковых следует не принимать в компании и гнушаться вступать с ними в брак».

А король Карл об'явил своим войскам, что для них уже расписаны в Москве квартиры; он сказал, посулив им верную удачу: «Приглашаю вас завтра пообедать в шатрах московского царя...»

Двадцать седьмого июня [1], еще при звездах, в предрассветной прохладе и тишине, шведская армия покинула свой стан.

Противник рассчитывал напасть внезапно.

Шведам было слышно, как впереди стучат топоры и заколачиваются гвозди: это достраивались редуты. С одного из них враг был замечен. Всадник вынырнул из темноты, быстро повернул коня и выстрелил из пистолета. И тотчас же повсюду раздался барабанный бой.

Шведская пехота четырьмя густыми колоннами, а позади конница — шестью двинулись к редутам. Первый же выстрел русских орудий оторвал головы двум гвардейским генералам, а второй — повалил капитана и четырех мушкетеров Остготского полка.

Но противник устремился вперед. Два продольных укрепления не были еще закончены, и шведы без труда овладели ими. Однако тут же сказалась система редутов. Их огонь стал поражать врага в тыл и фланги. В то же время русская кавалерия под начальством Меншикова отрезала шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии от главных сил шведов и вынудила их отступить к монастырскому лесу. Этими частями командовали генералы Шлиппенбах и Роос.

Меншиков трижды опрокидывал шведскую конницу, но ее всякий раз поддерживала пехота и наносила его частям сильный урон.

И удаль Меншикова едва не испортила дела. Его задачей было сдерживать шведов лишь до тех пор, пока русская армия выйдет из лагеря. Прикрывать же долго редуты было бесцельно. И Петр уже дважды приказал ему отступить.

Но Меншиков стоял на своем. Он слал Петру трофеи и доносил, что «изрядно» бьет шведов; приказать же коннице «Налево кругом!» нельзя: неприятель может слишком осмелеть.

Но вот шведский фельдмаршал Рейншильд понял, что редуты взять невозможно, и заставил пехоту пройти м е ж д у н и м и. Тогда Петр отдал решительный приказ: главным силам кавалерии отступить вправо, но при этом «крепко смотреть», чтобы враг не мог загнать ее в лощину, то есть прижать к горе.

Маневр оказался для противника гибельным. Неся огромные потери, он про-

[1] По новому стилю — 9 июля.

шел сквозь редуты, и его правый фланг оказался под огнем русских пушек. Неприятель увидел, что его «гоньба за конницей не весьма ему прибыльна» и, расстроенный, отступил в лес.

Генерал Ренцель тем временем завязал бой с «отрезанной» шведской конницей, сражавшейся под начальством Рооса. А Меншиков атаковал укрывшуюся в овраге пехоту, уничтожил ее и захватил Шлиппенбаха. Отнимая у него шпагу, он сказал с усмешкой: «Нечем хвалиться, коли из рук валúтся!» — и повел генерала в плен.

Теперь Петр стал хозяином битвы. К шести часам утра он вывел из лагеря *почти* всю русскую армию и выстроил пехоту в две линии, поставив на флангах драгунские полки.

Перед этим он сказал:

— У нас сорок семь полков, а у шведов только тридцать четыре. Если вывести *все* войска, то неприятель в бой не вступит; поэтому число полков надо умалить.

С этой целью шесть из них были оставлены в лагере. Но противник бездействовал, и Петр решился на новое ослабление своих сил.

К северозападу от шведского стана стояли козаки, преграждавшие врагу удобный путь отступления на Кременчуг и Переяславль. Шесть драгунских полков были посланы туда, будто бы в помощь козакам. Расчет оказался верным. Шведы заметили маневр и перешли в наступление. Раз'езды тотчас донесли об этом Петру.

«Воины! — сказал он. — Пришел час, который решит судьбу отечества... Не должна вас смущать слава неприятеля, якобы непобедимого, ложь которой вы доказали не раз своими победами... Имейте в сражении перед очами вашими правду... а о Петре вéдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии...»

И русские двинулись вперед.

„Непобедимые шведы хребет показали“

К девяти часам армии сошлись на *орудийный выстрел.*

Заговорили русские пушки — «батарейки, сделанные по новому манеру». Картечь и ядра посыпались на шведов, но они шли, стойко выдерживая огонь.

Расстояние между войсками уменьшилось до двадцати пяти сажен, и началась ружейная подготовка атаки. В это время шведская пехота вытянулась в одну линию, а кавалерия построилась на флангах — в две.

Залп следовал за залпом. Но войска стояли как неподвижные стены. Когда пальба затихала, были отчетливо слышны слова команды. И затем вновь гремели шведские мушкеты и длинные русские ружья — солдаты называли их «турками»; они били на пятьсот шагов.

Карл за несколько дней перед тем был ранен в ногу. Обложенный подушками, держа в одной руке пистолет, в другой — шпагу, он лежал на носилках, в открытой «качалке», запряженной двумя лошадьми.

В центре русской пехоты резко выделялся батальон Новгородского полка, одетый в серые мундиры. Карл, считая этот полк «новобранным», решил, что *здесь будет легче всего сделать прорыв.*

Новгородцы мужественно встретили натиск, но были не в силах устоять против двойного числа наступавших. Шведы «на штыках» прошли сквозь первую линию и уже грозили отрезать левое крыло.

Тогда в сумятице боя мелькнули темнозеленый мундир Петра и его пробитая шведской пулей шляпа. «За отечество принять смерть — весьма похвально!» — закричал он, потрясая шпагой. И, взяв из второй линии батальон пехоты, бросился с ним навстречу шведам, сомкнул прорванный строй и начал теснить врага.

Гром семидесяти двух русских пушек сотрясал землю. Шведы отвечали только из четырех орудий. Остальная их артиллерия из-за недостатка боевых припасов вынуждена была молчать.

Рукопашный бой завязался на всем пространстве поля. Зеленые мундиры перемешались с синими. Желтые и белые знамена переходили из рук в руки. Снова — в который раз! — сошлись грудь с грудью русский и швед.

Пробитые солнечными лучами, тянулись над землей полосы терпкого порохового дыма. Они окутывали места смертельных схваток, гасили блеск и парадное велико-

Полтавская битва. *Гравюра XVIII века.*

лепие битвы с ее знаменами, барабанами и литаврами и дурманили разгоряченных коней.

В самом разгаре боя распахнулись ворота крепости и отважный гарнизон ударил на шведов. Но те отбили атаку. Осажденные не могли долго держаться и ушли в город: у них почти не было пороху и пуль.

В это самое время Гилленкрок увидел вне линии огня то́лпы шведской пехоты, в беспорядке рассеявшиеся по полю. «Сомкнитесь, ребята! — сказал он, приблизившись.— Разве с вами нет командира?» «Мы ранены, а все наши командиры перебиты»,— отвечали они.

А русская конница уже охватывала противника справа и слева. Прямо к королю прокладывал себе путь козацкий отряд.

Пушечным ядром были разбиты носилки Карла. Он велел посадить себя на скрещенные пики. Но его никто не слушал. Шведы уже бежали. Козаки прорывались к нему, и он явственно слышал голос: «Хлопцы! За короля тысячу дукатов! Берите его живьем!..»

Но Карла спасли. Его вынесли из гущи боя, посадили в генеральскую коляску — шесть пар лошадей цугом,— и он помчался прочь, опережая бегущие свои войска.

Тогда всадник отделился от королевской свиты и поскакал к крепости. Он помахал шляпой с белой обшивкой и крикнул:

— Впустите меня!.. Я первый министр короля — граф Пипер!.. Сдаюсь в плен!..

Многие же из свиты Карла остались лежать на роковом для шведов поле.

Ядром, разбившим носилки, был убит Адлерфельд — придворный историк. Он успел довести свой труд до Полтавской битвы и умер во́время — в тот самый день и час, когда славе и могуществу Швеции пришел конец...

Уже бой затихал, когда эскадрон конницы во главе с Роосом прорвался к шведским окопам под Полтавой. Но туда подоспел Ренцель; он занял окопы, заставил Рооса положить оружие, и город был освобожден.

Петр Великий пирует после победы. *Рис. Ю. Коровина.*

Так закончилась битва, продолжавшаяся не более двух часов, ибо «непобедимые господа шведы скоро хребет показали», — битва, стоившая Швеции утраты ее могущества и поставившая Россию в ряд великих держав...

* * *

Впереди разбитого войска мчался Мазепа, спасая два бочонка с золотом и собственную свою жизнь.

По пыльным украинским шляхам бежали шведы. Горячий июньский ветер гнал зеленые волны садов. Под ветром склонялись вековые вербы и тополя, будто кланялись и лепетали: «Прощайте, шведы, бегите, шведы, вовек вам Украины не видать!..»

На другой день Карл прислал в Полтаву гонца, предлагая Петру мир на условиях, какие ставил ему русский царь ранее.

Но Петр ответил, что «король слишком поздно ухватился за мир» и что «на прежних статьях» договор заключить нельзя, ибо «дела́ обращение свое переменили».

А тридцатого июня, застигнутые у местечка Переволочны, остатки шведских сил (около пятнадцати тысяч) под начальством Левенгаупта сдались Меншикову, выдав все оружие, знамена, полковые кассы и котлы.

О «неописуемой храбрости» русских солдат говорил Петр в своих письмах с поля Полтавской победы. Сам он «в выс-

шем градусе» показал храбрость и военное искусство. Такую же доблесть проявило и все русское войско и защищавший Полтаву народ.

«Волею судьбы,— так закончил свои записки лейтенант Вейе,— шведская армия, которая столь славилась в глазах своих противников, за четыре дня вконец погибла!»

Лейтенант был прав.

Пятьдесят тысяч шведов вторглись в пределы России, и только несколько сот ушло за Днепр, сопровождая бегущего короля.

* * *

Шестого июля на раздольном Полтавском поле снова выстроились в боевой порядок русские и шведские войска.

Полки стали на тех же местах, где стояли они во время недавнего боя. Но битва не могла начаться сызнова: это был парад.

Девятнадцать тысяч пленных стояли без оружия и без шляп. Мимо них везли трофеи: палаши, мушкеты, пистолеты, шпаги; проходила артиллерия; колыхался ворох отбитых штандартов и знамен.

А кругом — насколько мог охватить глаз — толпился народ, пестрели балаганы и палатки и шла бойкая торговля всякой снедью. Перед рядами войск стояли бадьи с питьем; были разложены на блюдах хлеб, соль, яйца. Петр обходил полки, останавливался у каждой роты, поздравлял солдат и черпал ковшиком из бадей...

А утром другого дня пальба из пушек возвестила начало большого пира. В просторных шатрах-намётах были вырыты рвы; земля из них выложена, утрамбована и накрыта холстом от палаток. Генералы — русские и пленные шведы — сели за эти «столы».

Петр сказал:

— Брат мой, король Карл, просил вас в шатры мои на обед, и вы, по обещанию, в шатры мои прибыли. Но брат мой, король Карл, с вами ко мне не пожаловал и тем слово свое нарушил, хотя я весьма его ожидал и усердно того хотел...

Вежливо улыбаясь, слушали едкую речь шведы. Среди них были фельдмаршал Рейншильд и Пипер — первый министр.

Они долго молчали. Но, выпив изрядно вина, разговорились и оба сказали одно и то же: шведы «не чаяли», чтобы у русских было столь регулярное войско; правда, Левенгаупт твердил, что Россия «пред всеми имеет лучшее войско», что оно «непреодолимо», но никто из шведов не верил ему...

Потом Рейншильд вспомнил о Переволочне, где пятнадцать тысяч шведов сдались девяти тысячам русских, и осторожно заметил, что лишь «несчастные обстоятельства» заставили их пойти на такой позор.

А граф Пипер сказал:

— Надо надеяться, что царь Петр вскоре свидится со своим братом, королем Карлом, и на Балтийском море будет попрежнему добрый мир.

— Не попрежнему! Нет! — сурово поправил его Петр. — Ныне уже совершенно камень для основания Санкт-Петербурга положен!..

В это время было принесено несколько шведских генеральских шпаг.

Их стали показывать пленным, прося прочесть сделанные на клинках надписи.

Но те ничего не отвечали.

Тогда позвали Петра Шафирова, человека ученого, знающего иностранные языки.

Разглядев начертания на клинках, он стал качать головой и приговаривать:

— Это — безумие и детские вракушки!

Но Петр велел ему прочесть вслух.

— «Немецкая кровь все приводит ко благу», — разобрал на одной шпаге Шафиров.

— «Горе вам, саксонцам, полякам, козакам и москалям», — прочел он на другой.

Потом он взял третью шпагу и притворился, будто на ней было написано:

— «Северных львов ярость обратилась в робость зайцев...»

— Ну, полно! — прервал его Петр и, смеясь, сказал генералам.— В шатрах моих вы уже отобедали, а теперь прошу на расписанные вами квартиры в Москву...

Советы мастеров спорта

Победу приносит ТРЕНИРОВКА

Г. Федотов,
левый край футбольной команды ЦДКА

Я должен предостеречь вас: не думайте, что, прочитав эти строки, вы сразу станете хорошо играть. Только постоянная, разумная, осмысленная тренировка дает футболисту ту легкость, непринужденность, четкость, которые восхищают вас в больших матчах. Вот вы видите, как нападающий легко, не замедляя хода, обошел защитника. Это на первый взгляд так естественно, легко и просто, что каждому думается: да и я сумею это сделать! Попробуйте, однако...

Мои советы предназначены нападающему. Как вы могли заметить или испытать на практике, форварду часто приходится бить по мячу из самых неудобных положений. Могу привести пример из собственного опыта. Однажды я выходил на мяч, переданный с правого края. Вижу, что достать его не могу. Тогда я «нырнул» как заправский вратарь и уже почти у самой земли головой забил мяч.

Чтобы бить точно из всех положений, надо хорошенько разучить все основные удары. Я советую не бить бесцельно по воротам, а каждый раз ставить перед собой какую-либо задачу. Изучите, например, сначала удар по неподвижному мячу. Тренируйте обе ноги одинаково (одному из французских беков, которого переквалифицировали с левого бека на правого, пришлось в течение нескольких месяцев тренироваться наполовину обутым: тренер не разрешал ему надевать левый бутц). До тех пор, пока вы не научитесь правильно ударять по мячу, не старайтесь бить сильно.

Удар по неподвижному мячу — наиболее легкая и реже всего встречающаяся в матчах возможность. Большей частью приходится бить по катящемуся мячу. Попросите товарища подкатывать вам мяч спереди, с боков, сзади. Бейте, не останавливая мяча и не прикладывая много сил.

Большое искусство — остановка мяча да еще таким образом, чтобы он далеко не ушел. Гостившие в СССР баски удив-

ляли нас своим уменьем «обработать» мяч. Они не только виртуозно останавливали его, но после остановки мяч всегда оказывался в удобном для удара положении. Когда вы научитесь останавливать катящийся мяч, прижимая его ногой к земле, переходите к остановке мяча с воздуха телом, ногой или головой.

Как останавливать мяч? Если он катится, его можно остановить подошвой либо внутренней или внешней стороной стопы. В момент соприкосновения с ногой мяч прижимается к земле. Трудней остановить высокий мяч. Надо рассчитать так, чтобы в момент, когда он коснется земли, ваша нога как бы наступила на него.

Конечно, играть интереснее, чем разучивать удары, хотя вы сами понимаете, что хорошо играть без специальной учебы нельзя. И так как специального тренера у вас, конечно, нет, то позвольте мне посоветовать вам, как построить тренировку.

Во-первых, перед тренировкой обязательно сделайте небольшую гимнастическую разминку и пробежку, разогрейте свои мышцы. Затем приступайте к тренировке, заранее намечая программу. Пусть капитан соберет команду и вместе с ней такую программу выработает. Если у вас есть возможность посоветоваться с кемнибудь из опытных игроков, тогда это проще. Если же нет, то учтите при составлении плана тренировок, что изучение владения мячом состоит из ударов по мячу, остановок мяча, ведения мяча (бег с мячом) и выбрасывания мяча. Каждый из этих элементов надо разучивать отдельно.

Когда будете изучать удары, не забудьте, что очень большое значение имеет положение ноги, на которую вы опираетесь, как говорят футболисты, опорной ноги. На это ребята обычно обращают мало внимания и всегда жалуются, что мяч уходит куда-то вверх. Опорная нога при ударе обычно бывает чуть согнута, пружинит, а корпус бьющего отклонен в ее сторону. Мяч уходит вверх потому, что опорная нога в момент удара не находится рядом с мячом, а чуть сзади. Существуют следующие виды ударов ногой: носком, средней частью под'ема, внутренней частью под'ема, внешней частью под'ема, внутренней частью ступни, каблуком, подошвой. Каждый из них надо тренировать. Вам, вероятно, и сейчас приходится пользоваться многими из перечисленных ударов, но выработайте в себе сознательное отношение к удару, понимайте, что вы делаете, и тогда станет ясным вопрос, который часто волнует ребят: почему у меня иногда «получается» удар, иногда нет?

Наиболее сложны удары с воздуха, их трудно рассчитать, и с ними приходится повозиться. Но лучше повозиться на тренировке, чем «мазать» в матче.

Играть головой легче научиться. Надо только понять, что как бы вы ни били: лбом, боковой частью головы или затылком, — надо не подставлять голову под летящий мяч, а ударять его. Большей частью удары головой исполняются в прыжке. Когда вы усвоите отдельные виды ударов головой, соберитесь в кружок и постарайтесь играть только головой.

Если перед вами нет противника и вы можете пройти вперед, вы сразу почувствуете, как много значит уметь вести мяч, бежать с мячом. Вести мяч надо обеими ногами, не отпуская его далее 1—1,5

Федотов (Москва) забивает мяч в ворота Ленинграда.

метра. Постарайтесь сделать так, чтобы во время ведения удары по мячу производила только стопа. Когда вы выучитесь бежать по полю с мячом, — проводите такой бег с преодолением препятствий: воткните во многих местах поля колышки и обводите мяч вокруг них, изучая по пути обманные движения (финты).

Если вы будете уделять время тренировке и проявите в этом настойчивость, можно смело сказать, что вы быстро достигните хороших успехов.

ВРАТАРЬ не может ошибаться

А. Акимов, орденоносец, вратарь футбольной команды московского „Спартака"

Помни, вратарь, ты последняя надежда команды! Когда все линии защиты пройдены, единственный, кто может спасти положение, — это ты. Любой игрок может сделать ошибку — ты же не имеешь права на ошибку. Почетна и ответственна роль вратаря.

Хорошим вратарем может стать почти каждый. Для этого нужны небольшие способности и большая, длительная работа над собой. Какие же качества требуются от вратаря?

Внимательность, внимательность и еще раз внимательность. Я никогда не забуду, как по моей вине мы проиграли киевскому «Динамо». Мяч был довольно далеко от ворот, и я на минуту ослабил внимание. Как раз в эту секунду мяч попал к одному из киевлян, и тот сильным далеким ударом с полулета пустил мяч под самую крестовину. Я бросился, но было уже поздно. Этого мяча я себе никогда не прощу.

Следите все время за игрой, за переменами на поле, ни на минуту не теряя из виду мяча. Будьте готовы каждую секунду вмешаться в игру. Я вспоминаю смешной случай. Вратарь ленинградского «Спартака» Хитров взял мяч и, не посмотрев, бросил его защитнику. А того не было на поле, он ушел к воротам выпить стакан воды. Эта небрежность едва не стоила гола.

Матч «Спартак» — «Динамо». Спартаковцы бьют корнер.

Вратарь должен прекрасно ориентироваться. Хороший вратарь—не тот, кто в эффектном броске достает «мертвый» мяч, а тот, кто сумеет предвидеть ход событий, занять наиболее выгодную позицию. Продуманный расчет, точный глазомер, быстро принятые решения, смелость, решительность—вот какие качества должен вырабатывать в себе вратарь.

Конечно, не все эти качества можно выработать на тренировке, но никогда

не упускайте на тренировках случая выбежать и перехватить мяч, приучайте себя к своевременному выходу из ворот, рассчитывайте полет мяча. Вспомните, сколько голов было забито только из-за того, что вратари либо слишком рано либо слишком поздно выбегали из ворот. Конечно, только настоящая игра даст возможность проверить все эти качества, но старайтесь их развивать все время на тренировках.

Изучайте броски в дальний угол, так называемую «рыбку», но в матчах, если вы имеете возможность просто принять мяч, не делайте бросков ради красоты. Эти дешовые эффекты пользы не принесут, а испортить дело могут. Надо играть как можно проще и полезнее.

А теперь несколько практических советов. Вратарь должен уметь хорошо прыгать. Поэтому работайте со скакалкой, занимайтесь легкой атлетикой.

Самое главное для вратаря — это ловля мяча. Попросите кого-нибудь из ваших товарищей, чтобы он бросал вам в ворота мяч рукой. И тренируйте поочередно все виды мячей: низкие, полувысокие, высокие. Низкие мячи берите, опустившись на одно колено, полувысокие — берите на грудь или живот, прижимая мяч руками, высокие — останавливайте мяч руками, снижайте его и прижимайте к груди. Ладони рук должны быть направлены навстречу мячу. Когда вы овладеете техникой ловли мяча в разнообразных положениях, попросите, чтобы мячи вам бросали с большей силой. Особо много работы потребует изучение бросков в верхние и нижние углы.

Мне лично много помогло то, что я играл, да и сейчас играю в баскетбол, для которого требуется высокая техника ловли мяча. Занимаюсь я также со всей командой легкой атлетикой, гимнастикой, кроссами.

Не думайте, однако, что дело только в том, чтобы поймать мяч. Надо научиться выбрасывать мяч руками далеко и точно, отбивать мяч кулаком и ногами, когда нет времени или нельзя взять руками, далеко и точно выбивать мяч ногой. Каждый из этих элементов вратарской техники требует большой работы.

Когда все это в основном усвоено, надо заняться изучением тактики игры. Присмотритесь, как передвигается хороший вратарь в пределах ворот, как в зависимости от передвижения мяча меняется его позиция. Он весь напряжение, ничто его не должно застать врасплох, он должен предугадывать ход событий, по крайней мере, на две десятых секунды раньше, чем они произойдут. Он должен быть готов и к броску и к выбегу в любой момент. Вратарь иногда руководит защитой: он видит, что происходит на поле лучше, чем остальные. Но эти качества может дать только большой опыт.

Больше внимания мелочам

Г. Знаменский, орденоносец, заслуженный мастер спорта

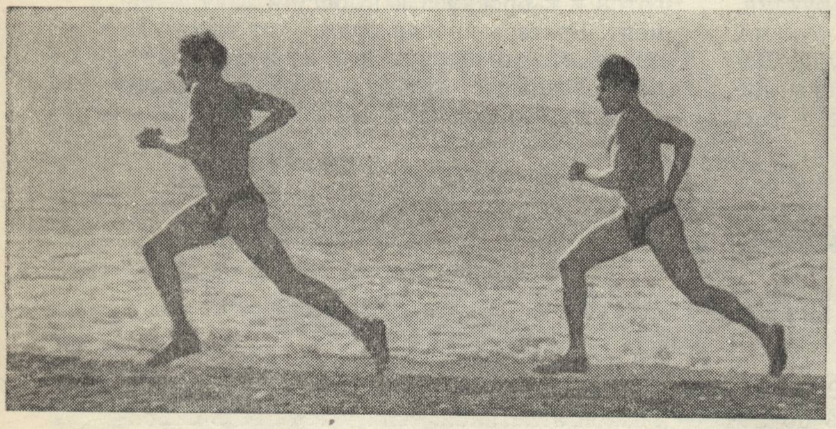
Что может быть лучше кросса? В спокойном, ровном темпе ты бежишь по лесу, пробираешься сквозь кусты, пересекаешь овраги, перепрыгиваешь через ручьи. И дышишь. Глубоко, полно, всей грудью вдыхая чудесный смолистый воздух. Каждая частица твоего организма живет. И пусть ты не участвуешь в специальных соревнованиях, пусть кросс не служит тебе для подготовки к занятиям другим видом спорта (а без кросса не обходится ни один спортсмен), — все равно, попробовав однажды, ты уже не откажешься от этого чудесного удовольствия.

Вообще, если ты захочешь заниматься легкой атлетикой, если у тебя есть склонность к одному из видов легкой атлетики, — без кросса не обойтись. И еще не надо забывать, какое большое значение имеет кросс для подготовки бойца Красной Армии.

Как надо начать совершать кроссы? Дистанция для начала не должна превышать 2 километров, причем нужно выбирать мягкую, сравнительно ровную почву луга, леса. Ты можешь воспользоваться одной замечательной особенностью кросса: каждый может контролировать свою тренировку в зависимости от самочувствия.

Итак, мы начали наш первый кросс. Вот программа первого дня тренировки. 250 метров спокойным и медленным шагом, затем умеренный бег (150—200 метров), затем снова шаг и снова бег, пока не закончим дистанцию. По мере того как организм втянется в работу, а это произойдет через 3—4 тренировочных дня, увеличивай дистанцию бега за счет ходьбы, применяй уже не медленный шаг, а ускоренную ходьбу. Так, в конце концов, увеличивая дистанцию и темп бега, ты выработаешь в себе силу, поставишь дыхание, укрепишь сердце и приобретешь выносливость. Теперь можно начинать заниматься любым видом спорта.

Имей в виду, что хороших результатов сразу достичь трудно, какими бы способностями ты ни обладал. Каждый вид легкой атлетики требует специальной подготовки, тренировки, овладения стилем. Взять, например, спринт — бег на короткие дистанции. Конечно, 100 метров пробежит любой здоровый человек. И ты пробежишь 100 метров. Но как? У бегуна на короткие дистанции должно быть все отшлифовано до мелочей. Он должен уметь вовремя очень резко взять старт, сразу же набрать полную скорость, правильно, с максимальной пользой, плавно и естественно, но вместе с тем сильно работать руками. Надо добиться, чтобы корпус не качался во время бега, как это бывает у новичков, чтобы ты бежал изо всех сил, сохраняя при этом стиль, и чтобы все-таки у финиша ты мог еще усилить бег.

Братья Знаменские на тренировке. Обратите внимание на стиль бега.

Каждый из этих элементов бега требует специального разучивания и систематической тренировки. Такое же положение и с бегом на любую дистанцию. Разница лишь в том, что для бега на более длинные дистанции ненужна такая законченность техники, как в спринте.

Если ты захочешь заняться прыжками в длину, то и здесь окажется для тебя достаточно много работы над собой. Немало дней пройдет, пока ты научишься правильно прыгать. Надо разучить и разбег, который должен начинаться спокойно и постепенно усиливаться, доходя до предела. Нужно научиться точно попадать ногой в планку при разбеге, надо освоить работу рук и ног в воздухе во время полета и, наконец, научиться приземляться.

Еще трудней прыжок в высоту, где требуется почти акробатическая точность в работе над планкой, особенно в современных стилях прыжков. Я уже не говорю о прыжках с шестом, которые требуют очень высокой техники, хорошей координации движений и немалой физической силы.

Захочешь ли ты толкать ядро, бросать молот, метать диск, копье, гранату, — всюду ты столкнешься с необходимостью тщательной подготовки. Можно очень много рассказывать о каждом виде спорта, о тренировках, об этом написаны книги, и все же этого будет недостаточно, потому что в легкой атлетике, как и вообще в спорте, самое главное, основное, изучается не по книге, а на практике, на беговой дорожке, на стадионе. Наблюдай внимательно, как бегают и прыгают хорошие легкоатлеты.

Помни при этом, что не всегда тот вид спорта, который тебе нравится, даст наилучшие результаты. Вот, например, Озолин не сразу пришел к шесту, и шест отнял у него 12 лет серьезной тренировки, прежде чем ему удалось побить европейский рекорд. Только настойчивость, работа над собой могут в легкой атлетике, да и не только в легкой атлетике, дать хорошие плоды.

ИЗ ВАС *могут вырасти* МИРОВЫЕ РЕКОРДСМЕНЫ

Ю. Кочеткова,
рекордсменка по плаванию

Мне еще не приходилось встречать пловца, который жаловался бы на плохой апетит, бессонницу или головные боли. Знаменитый мировой чемпион Джонни Вейсмюллер был в детстве хилым ребенком, вечно простуживался, страдал головными болями. Врачи посоветовали ему заняться плаванием. И вот Джонни стал образцом хорошо развитого человека.

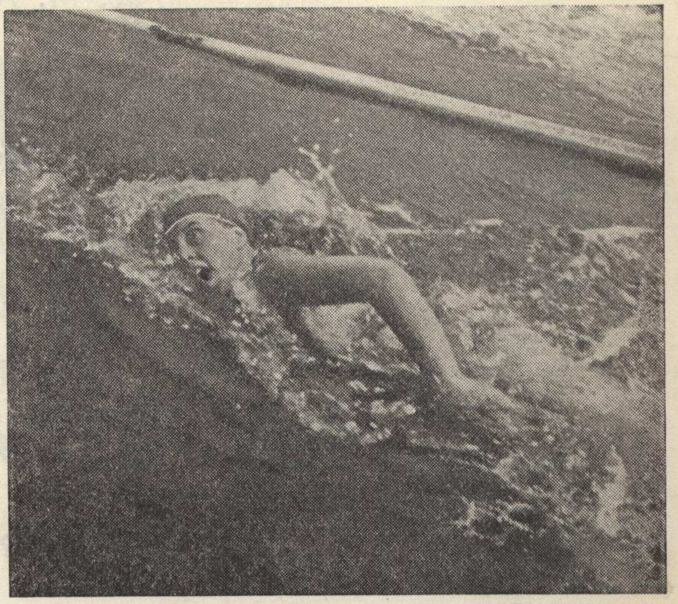
Поэтому я горячо рекомендую каждому из вас заняться плаванием. Не забывайте при этом, что советские пловцы должны стать лучшими в мире, они должны, так же как Бойченко, побить мировые буржуазные рекорды. А для этого надо научиться правильно плавать, хорошо владеть стилями плавания.

Помните, однако, что одному выучиться правильно плавать очень трудно. А если вы уже приобретете неправильную технику, какие-нибудь доморощенные «саженки», то отучиться от этого будет трудно и вы не сможете плавать долго не утомляясь. Поэтому соберитесь группой или звеном и попросите комсомольскую организацию или добровольное спортивное общество, чтобы вам дали в помощь кого-либо из хороших пловцов.

Кстати, не увлекайтесь долгим пребыванием в воде. Ничего, кроме вреда, это дать не может. Сколько раз приходилось видеть ребят, уже совершенно посиневших и обессиленных, а все-таки не вылезающих из воды. Следите за собой и не начинайте плавать без медицинского осмотра.

Существуют четыре основных стиля плавания: кроль, брасс, на спине и на боку. Для начала надо ознакомиться с подробными описаниями каждого из этих стилей, разобраться и мысленно себе представить, как работают руки и ноги. Потом внимательно присмотритесь к какому-либо пловцу, владеющему стилем.

После этого надо немного поработать на суше, изучая отдельно движения рук и ног. При изучении стиля кроль вы садитесь на скамью и, опираясь на руки, делаете движения ногами, как в кроле, т. е. двигаете выпрямленными, но не напряженными ногами вверх и вниз («ножницы»), причем размах «ножниц» не должен превышать полуметра. Сначала эти движения делаются медленно, потом быстро. Затем делайте это же движение лежа животом на скамье, ноги при этом должны «висеть» в воздухе.

Момент вдоха в кроле.

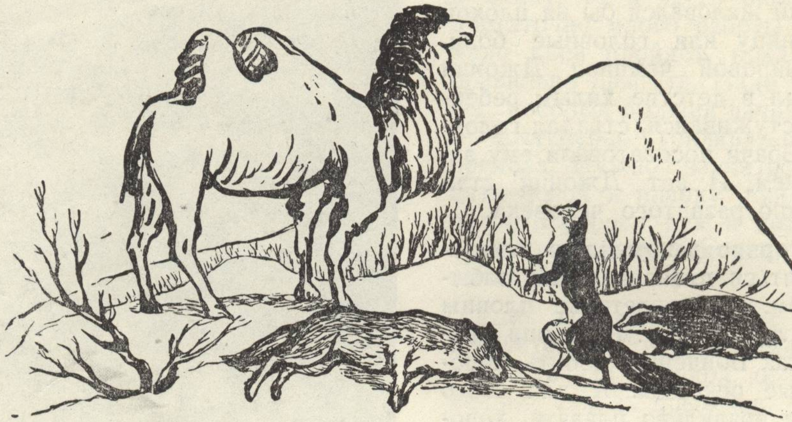
Работу рук можно изучать стоя, наклонив туловище до горизонтали, и лежа на скамейке. Сначала изучайте движение одной руки, потом — другой, потом — обеих вместе. Сделав гребки (вперед, вниз и назад), вы свободно выносите сзади руку в расслабленном состоянии, так чтобы кисть висела, проносите ее «над водой». Проносится рука быстрее чем гребок, и потом будут моменты, когда обе руки будут находиться в воде.

После этого переходите к разучиванию совместного движения рук и ног, заботясь о ритме: при кроле два—три движения ногами должны совпадать с одним полным движением рук.

Волк и лиса

Дагестанские сказки

Рис. М. Аксельрода

Верблюжье мясо

Не стерпел Верблюд хозяйского тиранства и ушел куда глаза глядят, хоть уж зимнее время подходило.

Вдруг навстречу ему Лиса:

— Будь здорова твоя голова, Верблюд. Куда бредешь?

— Да умножатся твои бараны, Лиса. От хозяина ушел вольного корма искать.

— О! И я того же ищу. Пойдем вместе.

Пошли дальше. Встретился им Барсук и тоже в товарищи назвался. А потом и Волк присоединился.

Забились они в горы, в самую глушь, зимовать. Немного пожили: пошли снега глубокие, наступили морозы лютые — нечего товарищам есть. Лиса и говорит Волку с Барсуком:

— Не миновать нам, братцы, Верблюда есть.

— Оно бы хорошо, — говорит Волк, — только нам с Верблюдом не справиться: ишь, какой он большой да сильный.

— Эх ты! Все бы тебе насильно! — говорит Лиса. — А я и без силы управлюсь, только ты помогай мне: лежи, как мертвый, и не шевелись, что бы я с тобой ни делала. А когда я крикну «Оживи, Волк!», — сразу вскочи.

Волк согласился. Подошла Лиса к Верблюду и говорит:

— Что, плохо тебе, Верблюд?

— Плохо, Лиса. Так зимы не выживешь: с голоду пропадешь.

— То-то и есть. А мы, дикие звери, ничего: чудесно зиму терпим. Вон, смотри, Волк уже приспособился: умер на зиму, лежит и не дышит. Придет весна, я кину его в живую воду — он и оживет. Зимой-то ему есть и не надо.

— Неужели правда? — спрашивает Верблюд.

— Ну вот, стану я тебя обманывать! Чтобы моя шерсть вылезла, если вру! Да чего лучше, смотри: я его сейчас оживлю, вот здесь в ручье и живая вода.

Кинула Лиса Волка в ручей и закричала: «Оживи, Волк!» Волк тотчас ожил.

— Чего там думать, — говорит Лиса. — Давай, Верблюд, мы тебя зарежем на зиму. А как травка зеленая весной покажется, я тебя оживлю. Все лучше, чем голодной смертью исподволь помирать.

Подумал-подумал Верблюд и согласился:

— Ну, хорошо, — говорит, — режь, только сразу.

Зарезали звери Верблюда, сняли шкуру, разделили мясо на куски, и пошла Лиса с Барсуком к ручью — голову и внутрен-

ности верблюжьи мыть. Моют-моют, Лиса и говорит:

— Есть хочется; давай, Барсук, с'едим кусочки, какие полакомее.

— А Волк-то? Он ведь все куски пересчитал.

— Вот важность! Выпутаемся! Ты только смотри на меня, когда он спрашивать будет.

С'ели Лиса с Барсуком верблюжий мозг и сердце, а остальное принесли к Волку. Волк посмотрел-посмотрел и рассердился:

— Ах вы, разбойники! — кричит. — А где же мозг?

Барсук обернулся к Лисе, а Лиса отвечает:

— Ишь, чего захотел — мозга! Да кабы он был у Верблюда, разве бы Верблюд позволил себя зарезать?

— Ну ладно, — говорит Волк, — а сердце верблюжье где?

Барсук опять оглянулся на Лису.

— Э-э, — говорит ему Лиса, — чего, кум, на меня смотришь? Небось, когда сердце ел, на меня не оглядывался!..

Как кинется Волк на Барсука, тот — бежать, Волк — за ним. Гонялся-гонялся и все без толку. А Лиса тем временем все верблюжье мясо собрала и в свою нору запрятала.

Пришел Волк сердитый, не поймавши Барсука. Смотрит: а мяса нет.

— Где мясо?

— Какое мясо?

— Как, какое? Ведь мы вчетвером тут жили?

— Вчетвером жили.

— Верблюда зарезали, а Барсук убежал?

— Убежал.

— Так где же верблюжье мясо?

— Какое мясо? Ты спрашиваешь: «Барсук убежал?» Я отвечаю: «Убежал». А ты — мясо!

— Фу ты, бестолковая какая! — рассердился Волк и опять давай Лису сначала спрашивать.

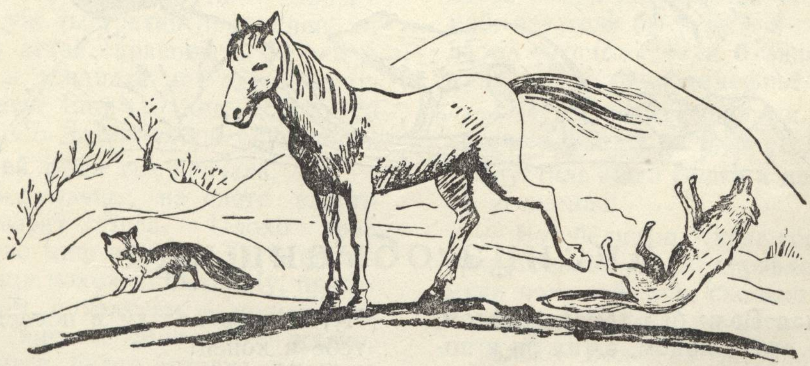
Та все хорошо помнит, а как дойдет до верблюжьего мяса, точно заколодит: ничего не помнит и не понимает.

Бился с ней Волк, бился.

— Нет, — говорит, — ты, Лиса, меня за нос водить хочешь. Говори, где мясо, а то разорву тебя.

Лиса шмыг в свою нору и затаилась там. Лег Волк около норы и говорит:

— Хоть пропаду здесь, а дождусь, когда ты вылезешь, и разорву тебя: из твоей норы верблюжьим мясом пахнет.

Кто старше?

Выглядывает Лиса потихоньку из норы и видит, что невдалеке бредет Конь: от табуна, должно быть, отбился.

— Волк, а Волк, — говорит Лиса, — ведь это о тебе пословицу сложили: «Кто бросать не умеет, — за большой камень хватается». Ну куда тебе со мной сладить! Гляди-ка вот Конь идет — это нам аллах посылает за то верблюжье мясо, которое ты во сне видел. С'едим-ка Коня.

Волку давно надоело Лису стеречь да и есть смерть как хочется. Согласился он

Лису из норы выпустить, отошел в сторонку. В то время Конь совсем близко к ним подошел, Лиса ему и говорит:

— Что, Конь, видно, «плохие шутки зимой с горой, а летом с рекой». Голодаешь?

— Голодаю, Лиса: от табуна отбился.

— И мы с голоду пропадаем. Видно, одного из нас другим с'есть придется.

А Волк ей потихоньку:

— Чего ты с ним, мокрый язык [1], лясы точишь? Накинемся сразу и зарежем.

— Нельзя: убежит он от нас, куриная ты голова! Надо, чтобы он сам согласился. Да я его уговорю. Слушай, Конь, давай так решим: того есть, кто из нас самый младший.

Конь и Волк согласились.

— Я, — говорит Волк, — самый старший из вас, потому что молодым еще с Ноем в ковчеге ездил. Помню: когда умер он, сыновья его между собой долго воевали; я еще их и помирил.

Как заплачет Лиса:

— Ох, Волк, не напоминай ты мне, ради аллаха, об этой войне: я в ней старших внуков потеряла, уже женатые были, мне, старухе, пришлось сирот-правнуков поить, кормить и няньчить...

А Конь говорит:

— Ну я, должно быть, старше вас; только не знаю, сколько мне лет: я неграмотный. Первый хозяин на моей кривой задней подкове мои годы и свое имя написал.

— Врет, должно быть, — говорит Лиса, — что он старше нас. Прочти-ка, Волк, что у него там написано, а то я от старости плохо уже вижу.

Волк сдуру сунулся, а Конь его как хватит копытом по лбу — так Волк и покатился; лежит кверху ногами, высунул язык.

— Спасибо тебе, Конь, — говорит Лиса, — не то Волк и тебя и меня разорвал бы!

И ушла в свою нору верблюжатину есть, а Конь побрел к табуну.

Лисица-обманщица

Долго лежал Волк без памяти. Потом, как пробрало его холодом, ожил он и поплелся кое-как: только бы подальше от этих мест.

Перезимовала Лиса в своей норе и тепло и сытно; а как кончился у нее запас, сошла с гор вниз, к жилью поближе, около курочек кормиться. Раз украла она где-то книгу и бежит, вдруг навстречу ей Волк.

— А, — кричит. — Вот где попалась! Ну, молись аллаху в последний раз: тут тебе и конец!

— Что ты, что ты? — говорит Лиса. — С ума сошел? Я отродясь тебя и не видала.

— Как так не видала? — говорит Волк и рассказал все, что он из-за Лисы вытерпел. — Что же теперь, отпираться что ли будешь?

— Да мне и отпираться нечего. Я здешний лисий мулла, уже тридцать лет ребят учу...

— Ишь, — говорит Волк, — а я чуть

[1] Мокрыми языками называют в Дагестане болтунов.

было тебя, эффенди[1], за ту мошенницу не принял: очень уж она на тебя похожа. Ну, коли ты мулла, так и то кстати: пора мне моих детей в науку отдавать. Возьмешься, что ли, их учить?

— Отчего не взяться? Приведи. У меня сорок учеников, с твоими больше будет.

Привел ей Волк своих волчат.

— А сколько, — спрашивает, — за ученье тебе платить, эффенди?

— Будь сам богат и здоров. Мне ничего не нужно. А вот ребятам твоим надо бы пары две баранов на шубы: зима скоро.

Пригнал Волк Лисе три пары баранов. Лиса первым делом волчат с'ела, а потом и барашков по одному прикушала. Минуло немало времени — приходит Волк своих детей проведать.

— Эх,— говорит ему Лиса,— не вовремя ты! Ведь сегодня пятница, у нас — мусульман — праздник, ученья нет, так твои ребятишки с другими учениками гулять до вечера ушли. Приходи завтра.

Пришел Волк на другой день — нет ни Лисы, ни школы, ни его волчат... Заплакал он с горя и со злости, что опять его Лиса обманула, и побежал искать ее, чтоб отомстить.

А Лиса сидит на бугорочке, корзинки плетет да песенку поет. Вдруг, откуда ни возьмись, Волк:

— Попалась, злодейка!.. Признавайся: куда моих волчат девала?

— Да что это за напасть! — говорит Лиса. — Вот уж ты третий приходишь ко мне каких-то детей спрашивать! Почем я знаю, когда я тридцать лет здесь сижу, корзинки плету. Еще и дед мой здесь то же делал. Да что с тобой случилось?

Рассказал ей Волк все сначала.

— Экая, подумаешь, на свете злость бывает, — говорит Лиса. — Плохо твое дело! А каково мне, честной Лисе, на такую разбойницу похожей быть. Ну, присаживайся рядом, потолкуем, — может, что и выдумаем вместе. Мне тебя жалко, хоть и говорится, будто «стрела в чужом плече, что в дереве».

Потолковали о том, о сем; Волк и говорит:

— Эх, худо мне, ага[2], совсем разорился, детей потерял... Надо хоть чем-нибудь кормиться. Научи меня, что ли, корзинки плесть.

— И чудесно: будем себе здесь поси живать да вдвоем работать. Вот я корзинку начала, садись в нее и смотри, как я заплетать буду.

Сел Волк в корзинку, а Лиса давай ее вверх заплетать да все у́же и у́же вокруг волчьей шеи. А сама видит, что к ним сзади большое стадо баранов подходит с пастухами и собаками. Только что Лиса Волка плотно оплела, заметили их собаки — как кинутся!.. А за ними пастухи с дубинами... Лиса верть хвостом — и поминай как звали! Наскочили собаки, давай Волка в корзине катать... За ними пастухи набежали — дубинами Волка колотят... Рвался он, рвался. Насилу корзину разломал и убежал, весь избитый, изгрызанный.

А Лисе и горя мало. Забралась она на мельницу, в муке выкаталась и сидит у порога. Шел мимо избитый Волк, увидел Лису, — так зубами и заскрипел:

— Ну, — говорит, — теперь не вывернешься! Отплачу я тебе за твои услуги!

А Лиса точно сроду его не видала:

— Добрый путь тебе, бедный прохожий, — говорит. — Зайди ко мне на мельницу, закуси, отдохни с дороги.

Волк так глаза и вытаращил: «Неужели, — думает, — не та Лиса? И вправду, точно та потемнее была».

— Да ведь это ты,— говорит Лисе,— меня сейчас оплела? Ты детей моих с'ела?

— Вот тебе на!.. Да я тридцать лет с мельницы-то не уходила, и отец мой и дед здесь мельниками были. И сам ты подумай: неужели бы я тебя к себе звать стала да угощать, если б знала, что ты на меня злобу такую имеешь?

— Ну, прости, ошибся я, видно! Только очень уж ты на ту злодейку похожа.

Впустила Лиса Волка и давай хлопотать об угощении:

— Вот беда: не ждала гостя, ничего не приготовила. Пока справлюсь, ты хоть муки покушай, вон, сколько ее на жернове лежит. Садись на него да закусывай.

Только Волк на жернов забрался, — Лиса выскочила, будто за делом, и пустила воду на колесо... Завертелся жернов, загудел — как ударит Волка о балку головой, из того и дух вон...

— Слава аллаху и пророку его Магомету,— говорит Лиса,— что избавили меня от врага. Справедлива пословица, что «Ста друзей мало, а одного врага много». И за что только, не понимаю, на меня Волк так сердился?

---

[1] Эффенди — почетное звание ученого.
[2] Ага — господин.

КАК МЫ ПРОВЕДЕМ ЛЕТО

Я звеньевой 3-го звена 6-го класса «Б» 161-й московской школы. Несколько дней назад ребята моего звена собрались и рассказали друг другу, как они провели прошлое лето и как собираются провести эти летние каникулы. Самые интересные рассказы мы записали и послали в редакцию журнала «Пионер». К этим рассказам ребята нарисовали картинки.

Все наше звено на лето раз'езжается; мы записали адреса друг друга и будем переписываться.

А осенью, когда все соберутся, мы устроим специальный сбор, на котором ребята расскажут о своих летних делах и приключениях.

Роберт Давидович

Будем работать в поле

Миша Горьков

Домодедово, кудя я поеду этим летом,— очень красивое дачное место. Особенно мне нравится речка Рожайка. У нее крутые, обрывистые берега. С обрывов хорошо удить рыбу. Сидишь наверху, кругом тихо-тихо. Иногда задумаешься о чем-нибудь и позабудешь про поплавок, глянешь — он дергается.

Друзей в Домодедове у меня много, тоже рыболовы. Каждый день мы с ними удим рыбу, часто ходим в лес. Но бывает так, что человеку хорошо, а ему хочется чего-то нового.

Так и с нами случилось. Надоело нам удить рыбу и ходить в лес.

Раз сидим мы около дачи, идти никуда не хочется. Мимо нас идут колхозники на поле. Кто-то из них крикнул, обращаясь к нам:

— Эй, ребята, хотите вместе с нами картошку собирать?

Мы, не сговариваясь, почти в один голос сказали:

— Хотим!

— Ну собирайтесь,— сказал нам кто-то из колхозников.

А нам и собираться-то нечего. Встали и пошли.

На поле бригадир нам показал, как надо собирать картошку. Дал каждому по

Я нарисовал самого себя за своим любимым делом—рисованием. В лагерь, куда я поеду, я возьму с собой масляные краски, карандаш. Буду зарисовывать красивые виды. Познакомлюсь с колхозными ребятами. Буду ходить на речку, на прогулку в лес по грибы и по ягоды, буду удить рыбу и кататься на лодке.

Слава Гаранин

корзинке. Колхозники рыли картошку, а мы собирали ее. Работали долго, до обеда, но не устали. Мы собирали картошку наперегонки — у кого скорей корзина будет полна. После обеда нас всех повезли на гумно. Там мы стали убирать прошлогоднюю солому.

А вечером бригадир похвалил нас за то, что мы хорошо работали, и дал много зеленого гороху.

Работать в поле нам понравилось.

В это лето, как только соберется много наших ребят на даче, мы не будем ждать, когда колхозники позовут нас, а сами пойдем к бригадиру — он теперь наш знакомый — и скажем, что хотим помогать.

Будем работать в поле и вместе с колхозными рыболовами ловить рыбу сетями.

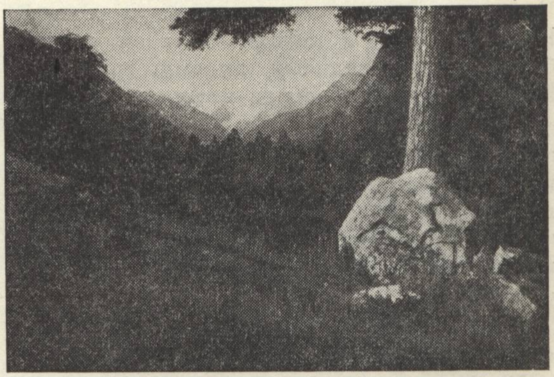
Легенды Теберды

Роберт Давидович

Этим летом я поеду в Теберду. Я езжу туда не первый год, но каждый раз, когда на улице становится тепло, я начинаю считать дни до от'езда. Скорей бы!

Теберда — это аул в большом ущелье Кавказских гор. Туда надо ехать на автобусе через город Микоян-Шахар. Дорога идет вдоль обрыва, а внизу текут реки: сначала Кубань, а потом Теберда — узкая и очень быстрая. По другую сторону дороги — высокие и крутые скалы. Они идут длинной грядой, и не видно, где они кончаются.

Сама Теберда — очень красивое место, и я каждое лето делаю много снимков своим фотоаппаратом «Турист».

Один из снимков, которые я сделал в Теберде.

Там есть особенно интересное место — ледник Ама-Науз и озеро Кара-Кель. На языке местных жителей — карачаевцев — Кара-Кель означает Черное озеро. И, правда, вода в нем темная, иногда кажется совсем черной.

Мальчик-карачаевец рассказал мне легенду об этом озере.

Очень давно в ущелье, на месте Теберды, жил страшный дракон. Кроме дракона никого не было, и он жил спокойно. Но вот явились люди. Дракон не взлюбил их. Он хотел, чтобы они ушли из его царства. Люди не уходили. Тогда дракон со злости ударил своим хвостом по земле и улетел. На том месте, где он ударил, образовалась впадина и заполнилась водой. И стало это озеро называться Кара-Кель. Кара-Кель — большое и глубокое озеро. Говорят, оно соединяется подземным ходом с рекой Тебердой. В этом озере я научился плавать и очень люблю купаться в нем.

Я с нетерпением жду встречи с моими друзьями — карачаевцами. Они учат меня говорить по-карачаевски. Правда, я еще плохо знаю их язык, а мне хочется знать его в совершенстве, чтобы хорошо понимать их легенды. А легенды у них очень интересные!

В этом году я обязательно буду собирать легенды, самые интересные из них запишу, чтобы потом рассказывать московским ребятам.

В деревне Хлопки

Шура Леонтьев

Обычно я на лето уезжаю из Москвы к своим родным в деревню Хлопки. Там очень хорошо, кругом широкие луга, поодаль большой лес. Мой брат знает в этом лесу каждый кустик, все грибные и ягодные места. Сколько я ни ходил с ним за ягодами или грибами, не было такого случая, чтобы мы вернулись с пустыми корзинками. Очень хорошо летом в деревне!

Целыми днями мы ходим с ним по лесу, читаем, купаемся в речке.

Как-то мы пошли на речку, разделись, вдруг слышим частый колокольный звон. Мы сразу сообразили: что-то случилось. Кое-как оделись и побежали в деревню. Еще издали мы увидали дым и пламя. Видно, случился пожар. Со всех сторон бегут люди с ведрами, вилами, граблями. Мы побежали следом за ними.

Горел стог колхозного сена. Лето было сухое, пожар мог быстро разрастись, поэтому все торопились скорей потушить пламя. Мы побежали за водой, притащили несколько ведер, вылили воду, схватили вилы, стали откидывать солому подальше от пламени.

Пожар потушили быстро, сгорел только один стог.

Когда потушили пожар, стали выяснять, отчего он возник. Оказалось, что кто-то стал жечь старую солому. Было очень жарко, подул ветерок, и огонь сразу перебросился на стог.

Хорошо, что пожар успели потушить быстро, не то колхоз потерпел бы большой убыток.

Пожар можно было бы потушить еще быстрее, но во многих бочках не было воды, пришлось воду таскать издалека.

Мы тогда решили, что около каждого дома должна стоять бочка с водой. И мы хотели поговорить с ребятами из колхоза имени Ворошилова и добиться того, чтобы весь противопожарный инвентарь был в порядке. Но в прошлом году мы этого

Горел стог.

сделать не успели: уехали в Москву. А сейчас обязательно займемся этим делом.

Мы будем следить за тем, чтобы у каждого колхозного дома стояла бочка, всегда наполненная водой, чтобы весь пожарный инвентарь был в исправности и чтобы у стогов хлеба и сена никто не курил и не разжигал костров.

У окна

Стихи Сени Крыцина, Тербунский район, с. Покровское

Оперишись на подоконник гладкий
И вдыхая свежесть ветерка,
Я сижу, склонившись над тетрадкой,
И смотрю на солнечный закат.
Я смотрю на молодую зелень,
На далекий месяц и ручей,
На деревья, что порозовели
От багровых солнечных лучей.
Я сижу и слушаю, как туча,
Проплывая где-то стороной,
Бьет дождем по зелени пахучей
И скворец щебечет надо мной.
На востоке ночь полнеба охватила,
Потемнело, как перед грозой.
Вот и солнце закатилось
За холмистый светлый горизонт.
Потемнели пышные деревья,
Только ветер шепчется с листвой.

Неудачная охота

Рассказ и рисунки Шуры Примаченко, гор. Запорожье

Я условился с Петей пойти на охоту с восходом солнца. Я боялся опоздать и спал очень беспокойно. Я встал, едва рассвело, взял охотничьи принадлежности, вышел на улицу. На темном, сером небе кое-где мигали звезды; изредка налетал влажный ветерок, и тогда деревья слабо шумели. Петя дожидался меня.

Переплыв Днепр на лодке, мы зашагали по извилистой тропинке. Она юлила между деревьями, то ныряя в заросль ольховых кустарников, то скрываясь за толстыми стволами дубов и тополей, переплетенных диким виноградом.

Тропинка вывела нас к зеркальному озеру.

Восток яснел, поднималось солнце. Его лучи весело заиграли в каплях росы. Вдруг где-то в глуши раздался первый выстрел.

— Заряжай ружье,— прошептал Петя.

— Заряжаю,— ответил я.

— Ну, а теперь давай замаскируемся.

Мы спрятались в кустах, окружавших озеро. Я вынул манок и начал приманивать уток. На призывной крик подлетела стайка чирков и опустилась на озеро близ наших кустов. Я быстро схватил ружье и готов был стрелять, но Петя быстро зашептал мне на ухо:

— Не горячись, осторожнее. Выдержка нужна, не горячись. Вот теперь, когда они выплыли из очеретов, можно. Приготовься.

Одновременно раздалось два выстрела, охнуло на другом берегу эхо, оно покатилось вдаль и, рокоча, замерло где-то в зарослях.

— Вот как нужно! — сказал Петя.— Нужно подпустить их поближе, а тогда и стрелять.

Облако дыма еще плыло над водой, но мы уже видели, что по озеру плавали убитые утки.

После первых выстрелов не следует выскакивать из засады, чтобы подобрать трофеи. Иногда, описав круг в воздухе, стая уток снова налетает на охотника. Учтя это, мы сидели в кустах довольно долго. Утки проносились непрерывно, мы стреляли, но безуспешно.

Облако дыма еще плыло над рекой.

Когда солнце всплыло над горизонтом, лёт начал замедляться, потом прекратился совсем. После того как лёт кончился, мы достали из воды убитых уток.

— Слушай, Шура!.. А не махнуть ли нам на болото? Подальше, в глушь,— предложил Петя.— А то с таким почином и домой совестно возвращаться. Только по одной утке убили.

— Что ты, Петя! Где же ты найдешь уток?.. Никуда не пойду, — протестовал я.— Ведь все утки днем прячутся в болотных зарослях. Попробуй-ка, найди их.

— Лесник показал мне одно место, хочешь сведу туда? Не пожалеешь.

Мы зашагали по зарослям острова. Путь нам преградила плотная стена низ-

Вдруг Петя встрепенулся и замер в выжидательной позе.

кого лозняка, переплетенного какими-то растениями. Под ногами хлюпала вода, везде лежали груды хворосту. Петя скользил незаметно, как тень, я шел следом. Он обернулся ко мне, показал на свой след пальцем и, сделав строгое лицо, махнул мне рукой. Это обозначало, что я должен не шуметь и ступать за ним след в след. Я ему завидовал: как он ходит! Идет быстро, не обращая внимания на кусты и ветви, сквозь которые мы пробираемся, а шума никакого нет. Я выбился из сил, стараясь подражать всем его движениям, шел по его следам, и все-таки под ногами что-то потрескивало. Ступая по мягкому дну болота, я вдруг почувствовал, что под моей ступней что-то заворошилось. Недолго думая, я запустил руку в мутную воду и вытащил огромную черепаху. Зеленоватый панцырь скрывал ее тело. Присмотревшись, я заметил, что она держит во рту рыбку.

— Ах ты, кровожадная,— произнес я, опуская ее в сумку.— Отнесу тебя домой, будешь жить у меня в живом уголке.

Вдруг Петя встрепенулся и замер в напряженной выжидательной позе. Его чуткий слух уловил какие-то отдаленные слабые звуки. Как я ни прислушивался, но ничего расслышать не мог.

— Утка! — прошептал мне Петя.

Мы подошли поближе и скоро очутились невдалеке от утки. Она спокойно сидела на воде между болотными растениями.

— Приготовься же, приготовься, Шура. Ну-ка стреляй,— донесся до меня шопот.— Не промахнись.

Второпях я схватил ружье, вскинул к плечу, выстрелил, и—удивительное дело—утка продолжала сидеть на воде и спокойно покрякивала. Мне стало не по себе.

— Ах ты, стрелок! — сказал Петя.

Прогремел второй выстрел. Это выстрелил Петя. И в этот момент я услышал свист крыльев. Стая уток, появившаяся из-за густых болотных трав, пронеслась над нами.

Но что такое?

Утка, в которую мы стреляли, спокойно сидела на воде и покрякивала. Я взбунтовался:

— Да что это я в самом деле? Сон, что ли?

Я схватил ружье и прицелился. Утка вдруг перестала кричать, вместо нее послышался человеческий голос:

— Отставить! — крикнул человек, внезапно появившийся из зарослей. — Будет переводить заряды. Всю охоту испортили. Что же вы за охотники, если неспособны различить крик утки от крика манка?

— Вы здесь?— спросил Петя, пораженный внезапным появлением лесника.— Здравствуйте!

— Здравствуйте...' — сказал лесник.— Пришел я, высадил чучело в воду, замаскировался в очеретах и принялся приманивать уток манком, они как раз опустились на воду. А вы тут как тут... Точно с неба свалились. Палили бы по уткам, а то нашли во что стрелять. В чучело! А я, увидев, что утки снялись, решил подшутить над вами. Ну, ладно, на этот раз прощаю.

Мы двинулись в обратный путь.

— Неудачная охота, — заметил я печально.

— Да, — подтвердил Петя. — Самая неудачная из всех наших охот.

Каким должен быть пионер

Письмо Вали Кутеповой, Нины Пантелеевой, Коли Морозова, Толи Толстунова, Туси Ромм, Маи Дидич, Нюры Ильиной, Вовы Кулешова (Москва).

Мы прочли письмо Толи Плитт и то, что ему ответил тов. Ярославский.

Ребята, о которых Толя написал, — плохие пионеры. Они, наверно, не понимают самого главного, что у нас люди должны относиться друг к другу с уважением, должны любить друг друга.

А Буянов, о котором написал Толя, поступил со старушкой очень нехорошо. Она купила себе новый платок, а Буянов нарочно испортил ей платок, вылил на него чернила. Он очень расстроил старушку. Это не озорство, а злая, плохая шутка.

Мы не хотим, чтоб у нас были такие ребята, которые сидят всегда в углу, не играют, не бегают и не делают ничего: ни хорошего, ни плохого. (Такие ребята тоже бывают.) Ребята без игр, без веселья, без шума — скучные люди. Но надо ли так веселиться, чтоб другим от этого становилось грустно? Так «веселится» Буянов, а мы думаем, что это — не веселье, ему самому потом, наверно, было очень неприятно, потому что нельзя радоваться чужой беде.

У нас в отряде есть мальчик Юра Пашинцев. Юра — человек очень веселый, наверно, бо́льший выдумщик чем Буянов, он вовсе не тихоня, но однажды, когда он увидел на улице старушку, которой было плохо, он поступил совсем не так, как Буянов, он и не подумал смеяться над ней. Он поднял старушку с земли (она упала) и бережно проводил ее домой.

Мы не думаем, что это какой-то особенный поступок: Юра поступил как пионер. Увидал, что человеку плохо, и помог ему.

Вова Кулешов у нас, пожалуй, один из самых шумных. Но он хороший товарищ. Раз в коридоре одного мальчика стало тошнить, он очень побледнел, прислонился к стене и не мог идти дальше. Одна девочка, увидев, что товарищу плохо (она, кстати, сдала нормы на значок БГСО), быстро убежала. Вова помог мальчику, а потом, когда ему стало лучше, отвел к врачу.

И в этом поступке тоже нет ничего особенного: так должен поступать каждый товарищ.

Пожалуй, во всем свете не сыщешь такого отряда, где ребята ходили бы на цыпочках и были бы такие хорошие и послушные, что их ни в чем нельзя было бы упрекнуть.

Мы согласны, что ребята не должны избивать друг друга и драться, но и быть безответными тихонями тоже нельзя.

У нас есть такие девочки: если кто-нибудь их ударит или дернет за волосы, они скорей бегут жаловаться. Мы думаем, что девочка в таких случаях должна дать сдачу. Тусю Ромм никто из мальчиков не трогает, все знают, что она не только сильная, но и смелая: если ее заденут, она спуску не даст. И мы думаем, что Туся права.

Толя просил ребят посоветовать ему, как поступать с такими ребятами, как Буянов, Феоктистов. Есть такие люди, которые не любят вмешиваться в «чужие» дела, они думают, что их дело — сторона. Очень бывает плохо, когда совет отряда состоит из таких «невмешателей».

У нас, к счастью, совет отряда состоит из активных ребят, которые очень любят свой отряд и не молчат, если видят что-либо плохое.

У нас одно время в классе мальчики стали курить. Они доставали где-то папиросы, забирались в самые глухие места и там курили. От них пахло табаком, они стыдились и, разговаривая с кем-нибудь, отворачивали голову в сторону. Но курить не бросали и попрежнему выпрашивали друг у друга окурки. Тогда мы пригласили отца одного из этих мальчиков и устроили совет отряда. Не было ни одного человека в совете, который бы молчал; говорили все, говорили очень горячо, сказал свое слово и отец мальчика. Мальчик дал слово, что больше не будет курить, и действительно не курит.

И мы считаем, что пионеры не могут проходить мимо таких дел, надо, чтобы все ребята чувствовали свою ответственность перед пионерской организацией.

Наш совет всем ребятам: никогда не молчать, если видишь что-нибудь плохое. На то мы и пионеры, чтобы бороться против плохих дел.

Заходите к нам в форпост

Рассказы ребят форпоста имени Л. М. Кагановича. г. Одесса.

Акробатика — хотя и трудное дело, но интересное.

Враг не застанет нас врасплох. На занятиях кружка ПВХО мы готовимся к обороне нашей родины.

Дверь комнаты нашего форпоста выходит прямо на улицу. Над дверью надпись «Форпост имени Л. М. Кагановича». Дверь комнаты открыта по вечерам. К нам ходят и маленькие ребята, которые еще не учатся в школе, и ученики 8—9-х классов. Для каждого в форпосте вожатый и активисты стараются найти занятие. Около бильярда всегда очередь. Около стола нашей библиотекарши Тамары стоят любители чтения. За столами ребята играют в шахматы и настольные игры.

Попозднее начинают заниматься кружки. Их у нас много: кройки и шитья, драматический, ПВХО...

Мы решили провести беседу о детстве И. В. Сталина. Кто-то из наших ребят принес вырезки из газет и журналов о юности товарища Сталина. Ребята с интересом их рассматривали. Гриша Гонтарь говорит:

— Давайте наклеим вырезки из газет на бумагу и повесим на стену...

Ребятам это предложение понравилось. У нас организовался монтажный кружок. Он собирает газетные вырезки на различные темы и

делает из них плакаты, фотогазеты, альбомы. Даже родители приходят их рассматривать.

Пионер Фима Пискун руководит хоровой капеллой.

Нашими кружками руководят или сами ребята или родители.

Иногда мы устраиваем вечера, на которые приглашаем родителей.

Мы очень любим наш форпост. Если вы попадете в Одессу,— обязательно загляните к нам, и мы вам подробно расскажем о нашей работе.

Председатель актива форпоста **М. Адашев.**

Г. Гонтарь и М. Чачко.

Когда мы будем в костюмах, вы сразу поймете, что тут происходит. Но попробуйте догадаться сейчас, на репетиции драмкружка, какую сцену мы репетируем.

Драмкружок — наша гордость

Самый любимый кружок — это драматический. Все ребята хотят играть, и ролей в пьесах всегда не хватает. Хотя есть роли, в которых никто не хочет играть: ребята отказываются от ролей фашистов, офицеров, капиталистов.

Самое трудное — это достать хорошую пьесу. Сначала вожатый нам расскажет содержание пьесы, и если мы одобрим ее,— начинаем распределять роли. Иногда у нас главные роли готовят двое ребят. Были у нас такие случаи, что перед самым спектаклем играющий ведущую роль вдруг говорит: «Не буду играть» (он поссорился с кем-то из артистов) — или даже совсем не приходит. Но у нас есть замена, и спектакль проходит хорошо.

Очень тяжело репетировать пьесы. У нас одна комната, мы отгораживаем половину ее скамейками и там репетируем. Ребята никак не хотят выходить и смотрят на нас. А потом им не так интересно смотреть спектакль.

Сейчас мы разучиваем пьесу из испанской жизни «Томас Орбе». Я играю в ней сеньору. Эта роль мне не особенно нравится, но я все же решила над ней хорошо поработать, чтобы показать настоящий образ.

Еще я хочу написать, что на городской олимпиаде мы разделили первое место с другим форпостом.

Л. Пульвер

Люблю читать

Я очень люблю читать. Когда-то я не любила книг, плохо училась. Потом как-то незаметно я приучилась читать. А теперь я очень полюбила книги. По секрету скажу вам, что беру книги в четырех библиотеках. Особенно люблю читать про войну.

Ребята знают о моей любви к книгам, и когда выбирали библиотекарей, я и Мара Райкис получили в свое заведывание библиотеку форпоста. Книг в ней мало, мы берем передвижку.

Мара сначала работал хорошо, а теперь забросил библиотеку. Если я не открою ее, он не заботится о ней день, два и три.

Мне очень хочется, чтобы у нас в форпосте было так, как в настоящей библиотеке. Я решила провести у себя беседу и разбор книжки «Павлик Морозов». Потом хочу устроить литературные игры, посвященные Шевченко и Некрасову.

Когда ребята возвращают книги, я их расспрашиваю, как им она понравилась, что больше всего было интересно. Стараюсь подобрать книги по возрасту ребят, но это очень трудно, так как у нас книг бывает мало, а читателей много.

Постараюсь все уладить в моей библиотеке и надеюсь, что мой товарищ Мара тоже будет работать.

Тамара Сидоренко

Сейчас мы сидим спокойно. Но в игре мы действуем как вихрь.

Футболисты

Все наши ребята — «болельщики» футбола и бывают на всех футбольных матчах. Поэтому мы очень обрадовались, когда при форпосте организовали футбольную команду.

Вожатый Гриша достал нам форму и бутцы, и мы играем как настоящая команда. Мы уже разбили в матчах несколько команд форпостов нашего района.

Тренируемся часто, а когда ходим на матчи, мы всегда изучаем, как играют лучшие футболисты, и стараемся играть так же. После каждой нашей игры разбираем, кто как играл.

Прежний капитан нашей команды Гриша Фишер уехал в город Горький. Недавно он прислал нам письмо. Он играет в команде подростков всего города. Вот какие игроки у нас в команде!

Надеемся, что в этом году наша футбольная команда завоюет первое место среди форпостов Кагановичского района Одессы.

Сема Гейер.

Песнь о Мурзаване

Легенду записал и обработал Парфен Бастан
(прииск Кумак, Оренбургской области)

Рисунки Глеба Баскакова (Москва)

Много, степь, ты знала былей,
Много песен ты слыхала.
И о горе, и о счастье,
И о подвигах бывалых.

О походах смелых, славных,
О степях широких крымских,
О полях зеленых, реках
И о горестях бывалых.

Слушай, степь, о Мурзаване
Песню, слушай о джигите,
О заступнике несчастных,
Об охотнике бесстрашном.

Каждый знает Мурзавана,
Беднякам он всем известен,
От Балхаша до Тургая
Говорят о нем киргизы.

Слава, как туман холодный,
Расползлася по аулам,
В горы белые Алтая
Мышью серой проскользнула.

Рядом с речкою Тургаем,
Рядом с берегом высоким,
Жил в своей кибитке бедной
Умирающий охотник.

У него был сын малютка.
Смелый, с ранних лет бесстрашный,
В десять лет ходил на барса,
В лёт орла пронзал стрелою.

В день рожденья был он назван
Мурзаваном — это имя
Дал отец ему, и вечно
Так оно за ним осталось.

Вырос он средь голой степи,
Среди горя и заботы,
И видал он в годы детства
Только голод лишь да степи.

И когда охотник умер,
Он несчастному оставил
Острый нож из чистой стали,
Колчан, стрелы, лук дубовый.

Мальчик жил, питаясь дичью,
Метко сбитою из лука.
Пас баранов злого бая —
Получал еду за это.

Много горя он увидел,
Много принял он побоев
От руки жестокой бая
За утерянных баранов.

Барс ли рвал их иль терялись,
Где-нибудь в степи оставшись.
Попадало Мурзавану,
Хоть и был он невиновен.

Но подрос он и, окрепши,
Затаил на баев злобу
И поклялся с ними биться,
Не жалея своей жизни.

Был у бая сын Катума,
Злой как бай. Вот раз, играя,
Мурзаван его ударил —
Он пожаловался баю.

Разозлился бай, и плетью
Стал хлестать он Мурзавана.
Отхлестав, велел тотчас же
Убираться в степь со стадом.

Мурзаван взял кнут, и стадо
Он погнал к ущелью барсов.
Далеко угнал и бросил
Стадо все зверям на ужин.

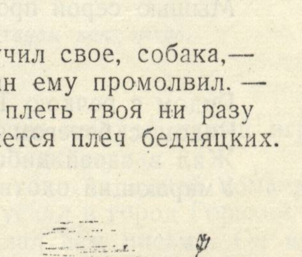
Сам к кошам назад вернулся,
Взял свой нож и лук дубовый,
Подобрался к кошам бая,
Долго так стоял недвижим.

Он решил: как только выйдет
Бай,— убить его и в горы
Убежать, к вершинам снежным,
И охотою заняться.

Долго, долго ждал он бая.
Поздним вечером бай вышел.
Смерти песнь стрела пропела
И насквозь его пронзила.

— Получил свое, собака,—
Мурзаван ему промолвил. —
Больше плеть твоя ни разу
Не коснется плеч бедняцких.

Он вбежал в конюшню бая,
Отвязал коня лихого.
Сел в седло, быстрее птицы
В степь широкую умчался.

И когда сбежались люди,
Увидали тело бая
Со стрелой каленой в сердце.
А над степью пыль клубилась.

Был Катума в гневе страшен,
Снарядил людей в погоню,
Разослал их и на север,
И на юг, восток, и запад.

Приказал им возвращаться
С головою Мурзавана.
— Без нее, — сказал, — вернетесь —
Разорю, пущу по свету.

И четыре те отряда
Разошлись в четыре края.
Разошлися и без вести
С той поры они пропали.

И прошло уж много весен,
Но все помнят Мурзавана.
Его помнят песнь степная
Да крылатые легенды.

Веселый лагерь

Письмо Вити Склянского (Москва)

Я хочу рассказать о нашем прошлогоднем пионерском лагере. Жили мы в лагере один месяц. Срок, правда, небольшой, но ребята и вожатые сплотились в один боевой, веселый коллектив. Старшим вожатым был Гриша Файнштейн.

Однажды он вывесил в зале лист бумаги с надписью:

Доска неожиданностей.

Ребята обрадовались. Наверное, на этой доске будет что-нибудь интересное! Но доска несколько дней пустовала. Как-то раз, вернувшись из столовой, ребята увидели на доске записку:

«Пропали вожатые!

Ищите их на территории лагеря».

Долго пионеры не могли отыскать своих вожатых. Вдруг кто-то закричал: «Вот они! Нашел! Скорей сюда!» Ребята прибежали и увидели: Гриша и вожатый 3-го отряда Ваня Пантелюшин, одетые в костюмы рабочих, приколачивали к крыше листы жести. Пионеры удивились: много раз они пробегали мимо рабочих и не могли догадаться, кто это на самом деле. Вскоре были найдены и остальные.

Как-то Гриша предложил организовать кружок юных поваров. Ребята засмеялись: да кто это захочет возиться с супами и кашами! Но кружок оказался таким интересным, что ребята постепенно стали перебегать в него из других кружков. Помню, пропал один из наших пионеров. Лагерники встревожились, засуетились, начали искать, но найти его нигде не могли. Хотели заявить в милицию, но потом кто-то обнаружил пропавшего на кухне, тот стоял и смотрел, как повар Яша приготовлял котлеты.

Наши повара сами варили малиновое варенье. Вообще варенья в лагере было много, но варенье, приготовленное самими ребятами, казалось особенно вкусным. Им угощали только самое лучшее звено. Это угощение среди лагерников называлось «пиром».

В свободное время «повара», вооружившись корзинками, шли в лес за малиной. Запасы малины пополнялись изо дня в день, и, когда набиралось достаточное ко-

личество, «повара» раскладывали костер, и начиналась варка. Место, где был костер, обносилось веревкой, на которой члены поварского кружка вывешивали табличку:

«Посторонним вход воспрещен! Правом кушать варенье пользуются только пионеры лучшего звена, а остальные

Получат варенье,
Коль будут достиженья,
А коль таких не будет,
Кружок про них забудет!»

Пионеры лучшего звена с победоносным видом расхаживали по лагерю, предвкушая прелести пиршества. А на следующий день многие из них, держась за животы, приходили к врачу и со слезами на глазах говорили:

— Дайте, пожалуйста, лекарство. Я вчера малиновым вареньем об'елся!

Ребятам надолго запомнилась проведенная в лагере военная игра. В день игры, рано утром, в соседний пионерский лагерь пришли двое наших пионеров, держа в руках небольшой ящичек. На глазах у всех они положили ящичек на пенек и, не сказав ни слова, удалились. В ящике лежал листок, на котором было написано:

«Ждите!

Наступаем в 10 часов.

Пионерлагерь завода имени Буденного».

Уже подходя к своему лагерю, наши пионеры услышали сигнал тревоги в лагере «противника».

Между нашими лагерями протекала речка, через нее был перекинут небольшой мостик, выдерживающий на себе одновременно не более двух—трех человек. В распоряжении «противника» были две лодки, у нас не было ни одной. Поэтому преимущество было у них. Но мы прибегли к хитрости: в 10 часов утра все пионеры, за исключением нескольких человек, посланных на разведку, остались в лагере. По условиям игры, она кончалась ровно в 12 часов. Мы думали, что «противник» будет наступать, и поэтому сконцентрировали все свои силы в лагере. Но никто не наступал. Незадолго до 12 часов мы «снялись со своих позиций», спустились вниз по течению реки на 3 километра, перешли реку по плотине и с криками «Ура! Наша взяла!» атаковали «врага» с тыла. С этой стороны атаки никто не ожидал — лагерь был взят. В этой игре в качестве консультанта принимал участие летчик. Вечером, пролетая над лагерем, он сбросил вымпел с запиской:

«Поздравляем с успешным окончанием игры. Думаем, что результаты грядущих настоящих боев будут похожи на ваш сегодняшний результат. Желаем успехов в дальнейшей работе!

Летчики».

Ребята были очень обрадованы этим дружеским поздравлением.

В лагере мы не только веселились, но вели и большую работу. Приближалась двадцатая годовщина ленинско-сталинского комсомола. Этой годовщине

Фотографам у нас раздолье. Целыми днями они ходят с фотоаппаратами и снимают.

Качели — любимое развлечение младших ребят.

мы посвятили лагерный поход. В походе принимали участие 45 пионеров. За три дня мы прошли 85 километров. Весь путь пионеры шли бодро, с веселыми песнями. Лишь к концу похода две пионерки стали отставать. Тогда Гриша поставил их впереди колонны, следом за знаменосцем и барабанщиками. Как только они начинали жаловаться на усталость, ребята запевали песню. Пионерки подбадривались и шли вперед. По дороге, в деревнях и селах, мы рассказывали о комсомоле и показывали свою самодеятельность. Деревенские пионеры обращались к нам за помощью и советами. Мы делились с ними опытом своей работы, рассказывали о Москве, о том, как мы живем и учимся. В лагерной книге отзывов записано много благодарностей от населения сел, через которые мы шли.

Все пионеры готовили подарки комсомолу. Сто двадцать два пионера приготовили сто сорок подарков.

В лагере каждый пионер сдал нормы на три оборонных значка: ПВХО, БГСО, БГТО. Пионеры и вожатые настолько сдружились, что сейчас, когда двое из вожатых — Ваня и физкультурник Володя Рябинин—находятся в рядах Красной Армии, переписка между ними и ребятами не прекращается.

В лагере акуратно выходила стенгазета. Мы сфотографировали членов редколлегии за работой.

Уезжая из лагеря, ребята пели:

«Здоровыми, сильными стали мы,
Улыбками лица горят.
Спасибо великому Сталину
И партии за лагеря!»

Наш друг

Игорь Вартанисьянц, Геня Розенберг, Леня Родин, Ляля Кехчер, Маруся Ревенко. 5-й класс „Б“, 29-я школа, Москва

Про наш класс трудно сказать — дисциплинированный он или нет. Иной раз у нас такая тишина, что слышно, как муха пролетит, а иногда такой гвалт и шум, что слышно в коридоре.

Так, наверно, бывает и в других классах. Если преподаватель хороший и рассказывает интересно, то никому и в голову не придет шуметь или читать какую-нибудь книжку исподтишка. Все сидят и слушают. А интересным может быть любой предмет, любой урок.

Вот, например, грамматика. Многим ребятам она не нравится, они говорят, что надо правила заучивать, а это скучно. У нас на уроке русского языка всегда хорошая дисциплина, мы часто остаемся в классе даже после звонка и беседуем об этой, нелюбимой другими ребятами грамматике.

У нас русский язык со второй четверти преподает Екатерина Васильевна Мартьянова. Когда мы узнали, что она будет у нас преподавать, то все очень заволновались. Во-первых, Екатерина Васильевна — директор школы, а во-вторых, она очень строгая. Это нам было хорошо известно.

И в первый день, когда она пришла в класс, мы боялись пошевелиться. И все ждали, что вот сейчас она станет нас ругать за что-нибудь. Но ничего подобного не случилось, наши опасения были напрасны. Екатерина Васильевна оказалась замечательным педагогом. Она строгая — это верно. Но уж давно никто не боится ее, а на уроках у нее — самая лучшая дисциплина. Екатерина Васильевна умеет обо всем рассказать очень интересно и просто. Когда она рассказывала нам про Александра Сергеевича Пушкина, то мы жалели, что урок такой короткий, нам не хотелось расходиться после звонка.

Екатерина Васильевна принесла нам много книг А. С. Пушкина. Мы читали их и передавали друг другу. Потом на занятиях мы говорили об этих замечательных книгах, спорили. Екатерина Васильевна разрешала наши споры. Это были очень хорошие уроки!

Екатерина Васильевна стала нашим большим другом. Со всеми делами мы шли к ней, она советовала нам, что читать, сама приносила книги, часто мы разговаривали с ней о жизни, о нашей будущности. Особенно интересной у нас была беседа о культуре.

— Кого можно назвать культурным человеком? — спросил кто-то из ребят Екатерину Васильевну.

Этот вопрос всех заинтересовал, можно ли назвать культурным человека, который чисто одет, ходит в кино, театр? Достаточно ли этого, чтобы считать себя культурным человеком?

Екатерина Васильевна очень хорошо ответила на этот вопрос. Она рассказала, что культурный человек — это человек, умеющий работать культурно, образованный, разносторонне развитый. Она привела много интересных примеров, и мы так увлеклись этой беседой, что не заметили, как пролетело время.

С приходом Екатерины Васильевны у нас стала хорошая успеваемость. Одна девочка в нашем классе писала очень неграмотно, у нее в диктанте было 49 ошибок, в каждом слове — ошибка, а сейчас она делает 3—4 ошибки. Наверно, скоро научится писать совсем без ошибок. Исправились также и другие ребята.

Екатерина Васильевна устроила дополнительные занятия. Вначале ей приходилось говорить с отстающими ребятами, чтобы они ходили на дополнительные занятия, а теперь этого делать не приходится: они ходят регулярно, и результаты занятий уже сказались.

Екатерина Васильевна особенно помогает тем ребятам, которые стараются учиться хорошо, — она очень уважает трудолюбие и настойчивость.

Мы очень обрадовались, когда Екатерине Васильевне присвоили звание заслуженного учителя нашей страны. Это правильно, потому что Екатерина Васильевна — прекрасный педагог. Мы желаем здоровья и бодрости Екатерине Васильевне, нашему хорошему другу.

Большая Волга

Стройка, подшефная комсомолу

«...Развернуть строительство величайшего в мире сооружения — двух Куйбышевских гидростанций общей мощностью в 3,4 миллиона киловатт, одновременно разрешающего проблему орошения засушливых земель для достижения устойчивых урожаев в Заволжье и дело судоходства по Волге и Каме».
(Из резолюции XVIII с'езда ВКП(б) по докладу тов. В. М. Молотова).

П. Лопатин

Дело только во времени

Зимние сумерки наступили рано, и заснеженный город погрузился во тьму. Лишь кое-где сквозь замерзшие окна мигали огоньки керосиновых ламп, да на востоке полнеба полыхало заревом далекого пожара: в ту суровую и грозную зиму 1918 года в Заволжье шли горячие бои.

Резкий морозный ветер гнал из Жигулевских ворот поземку, наметал на самарских улицах сугробы и сердито швырял колючие снежные иглы на унылую очередь закутанных женщин у продовольственных лавок.

В этот зимний вечер было необычно людно в зале бывшего Самарского купеческого собрания. К лепному потолку и темным, закоптевшим люстрам поднимался едкий дым махорки. В зале сидели красноармейцы.

На кафедре чадила коптилка. Она освещала исписанные листы блокнота и фигуру лектора в меховом полушубке.

Лектор волновался: завтра эти люди, что так тесно разместились в темном зале: грузчики, матросы, рабочие, крестьяне,— уйдут на восток, в бой за Советы, за народ, за отчизну. А сейчас лектор должен рассказать им о будущем их родной Волги, отвоеванной ими для Советской страны.

Его рассказ походил на волшебную сказку.

Лектор говорил о гигантских плотинах, что перегородят великую реку. О новых, бескрайних волжских озерах-морях. Об электрических станциях, таких могучих и грандиозных, каких не знал еще мир. Об оазисах в песках Прикаспия. О зеленых ветроломах и дождевых завесах, побеждающих засуху, и о новом, благодатном климате на приволжской земле...

Поздним вечером слушатели возвращались в казармы, в бараки, в теплушки. Они шли по сумрачным, пустынным улицам. Попрежнему жались к заборам молчаливые группы женщин с кошолками, полыхало зарево на востоке и в снежной замети раздавались одинокие выстрелы.

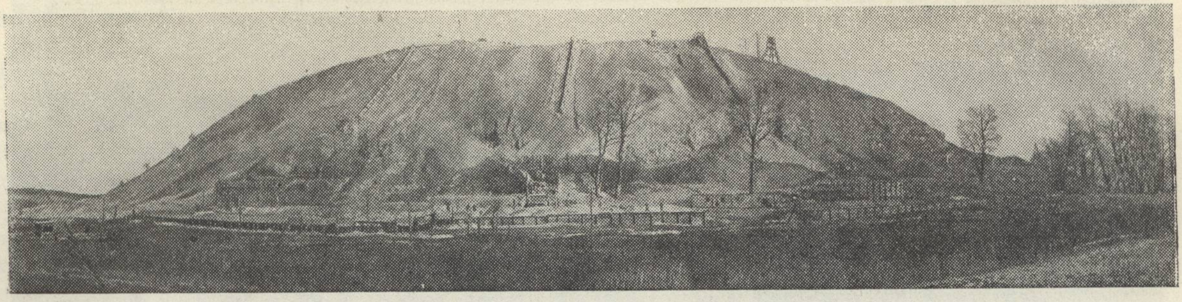
Но красноармейцы, шедшие по темным улицам, говорили о будущем изобилии пшеницы, о ярких электрических фонарях в рыбацких селах, о виноградниках на Жигулях и о невиданно богатых уловах стерлядей в новых волжских озерах-морях.

Скоро ли сказка станет былью?!.

Для этих людей весь вопрос был только во времени. И когда через несколько дней рвались снаряды над снежными окопами, многие из тех, кто в тот вечер слушал лекцию, вспомнив о рассказе, крепче сжимали винтовки в закоченевших руках, метче разили врага.

Весь вопрос был только во времени. И волжские грузчики, рабочие, рыбаки, крестьяне дрались за то, чтобы скорее пришло это время.

Сейчас это время наступает.

От этого Царева кургана ничего не останется: камни и земля высокого холма лягут на дно Волги, из них вырастет «тело» гигантской плотины.

Уже плещутся воды Волги у стен Московского Кремля. Уже гигантские плотины перегораживают великую реку у Рыбинска и Углича. Грохочут взрывы в Жигулях: рушат скалистые горы. То, о чем рассказывал красноармейцам лектор в холодном и темном зале и за что они сражались и умирали в горах Урала, в снегах Сибири, теперь изложено инженерами в сотнях чертежей, в длинных таблицах пояснительных записок, в сложных математических выкладках.

Пятнадцать новых морей

Пятнадцать плотин перегородят Оку, Каму, Волгу. Эти плотины будут громадны. Той, что строится сейчас у города Куйбышева (у бывшей Самары), в весеннее половодье каждую секунду придется сдерживать напор 80 тысяч кубических метров воды. Это значит, что весенняя Волга ежесекундно будет обрушиваться на плотину как могучий водяной таран тяжестью в 80 тысяч тонн. Как же прочна должна быть эта стена, перегородившая реку и как велико должно быть искусство инженеров, создающих это сооружение!

На Волге, у города Куйбышева, плотину построят из земли и бетона.

Возле левого берега вырастет массивная бетонная стена длиной около километра и высотой в пятнадцатиэтажный дом.

Ее продолжение — земляная плотина. Ни одна крепость, ни одно сооружение мира не знало такого грандиозного земляного вала: его ширина — свыше полукилометра, длина — 2,5 километра, высота — 45 метров. Около 50 миллионов кубических метров грунта пойдет на сооружение этой плотины. И если бы понадобилось всю землю, что будет вынута и уложена в плотины и дамбы Куйбышевского узла, перевезти на железнодорожных платформах, гигантский поезд вытянулся бы на 440 тысяч километров, одиннадцать раз опояcав по экватору земной шар.

Такова будет одна Куйбышевская плотина.

Но Волга, Ока и Кама окажутся перегороженными пятнадцатью плотинами.

Ударившись о плотины, реки отступят назад. Они зальют прибрежные луга, овраги, миллионы кубометров воды устремятся в русла притоков — и притоки потекут вспять. Но через несколько часов, будто собравшись с силами, они победят встречную волну и снова потекут вниз. А потом новая встречная волна опять повернет их обратно. В это время плоты на притоках остановленных рек то будут плыть вниз по течению, то подниматься вверх, несколько раз за сутки проплывая мимо одной и той же деревушки.

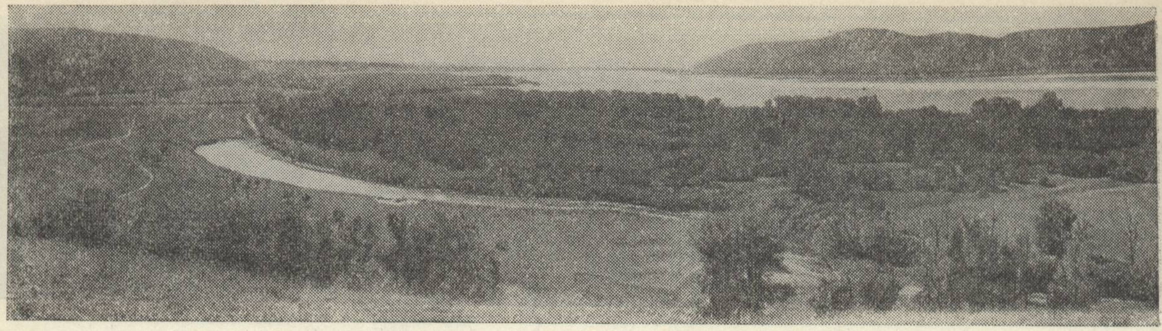
Так было, когда Иваньковская плотина остановила Волгу у входа в Московско-Волжский канал. Так будет, когда остальные четырнадцать плотин перегородят Волгу, Каму, Оку и превратят их в цепи озер — в своеобразные водяные лестницы.

Ступени этих лестниц будут грандиозны.

Куйбышевская ступень — «Жигулевское озеро-море», что разольется перед Куйбышевскими плотинами,— будет длиною в 700 километров и площадью в 7 тысяч квадратных километров. В европейской части Советской страны только два озера — Онежское и Ладожское — по своим размерам будут больше нового водохранилища. Жигулевское озеро будет равно трем четвертям Онежского.

По Волге новое озеро дойдет до Чебоксар, по Каме оно поднимется до устья реки Вятки, и строителям предстоит много потрудиться, чтобы подготовить чашу для новорожденного озера-гиганта.

На будущем дне «Жигулевского моря» сейчас стоят десятки деревень и три го-

Волга около Красной Глинки. Все это место будет затоплено «Жигулевским морем».

рода: Ставрополь, Спасск, Свияжск. В них живет около 200 тысяч человек. Их надо переселить на новые места.

На дне будущего озера сейчас широко раскинулись 170 тысяч гектаров леса и кустарников, по шоссейным дорогам бегут автомобили, по железнодорожным путям идут поезда. Придется начисто вырубить эти громадные лесные массивы, а 500 километров автомобильных дорог, железнодорожные пути, фабрики, магазины, клубы, колхозные хозяйства бережно перенести на новые места. Возле города Ульяновска нужно будет перебросить через Волгу новый железнодорожный мост.

«Жигулевское море» подойдет вплотную к Казани, сейчас удаленной от Волги. И строители окружат древний город высоким земляным валом, чтобы защитить его от наступления нового озера.

В «Жигулевском море» каждую весну будет собираться около 5 тысяч миллиардов ведер воды. Если бы всю эту воду потребовалось выпустить через трубу диаметром в один метр, на это ушло бы пять столетий.

Но не возникает ли опасности, что новое озеро «набухнет» сверх меры, выйдет из берегов, обрушится на прибрежные города, хлынет на улицы только что переселенных деревень? Нет. В контрольной будке Жигулевской плотины будут точно знать границы дозволенных разливов. И в нужный момент дежурный инженер одним нажатием кнопки поднимет громадные металлические двери-щиты бетонной плотины и спустит излишек воды вниз, в волжское русло.

Волга, Ока, Кама поступят в распоряжение инженеров, работающих в будках управления плотинами. В область преданий отойдут мели и перекаты. Волжане забудут, как в жаркие летние месяцы даже маленькие суденышки сутками безнадежно простаивали на песчаных отмелях обмелевшей реки. Страна получит новую судоходную дорогу длиною в 5500 километров. По этой водной магистрали в течение всей навигации — с ранней весны до ледостава — смогут свободно проходить невиданно громадные баржи; каждая такая баржа будет везти в трюме груз 1200 товарных железнодорожных вагонов.

А когда спустя несколько лет инженеры прорежут каналом 100-километровый полынный перешеек между Волгой и Доном у Сталинграда, эта великая советская водная магистраль получит выход — через Азовское и Черное моря — на простор океанов.

Таких электростанций не знает мир

Итак, Волга, Ока и Кама превратятся в цепи озер-гигантов. И все-таки эти реки попрежнему будут течь по своей старой дороге — от истока к устью. Но пропуская реки из озера в озеро, спуская их со ступени на ступень, советские инженеры заставят их работать.

У каждой из пятнадцати плотин встанет гидростанция. Нажатием электрической кнопки инженер бросит миллионы ведер воды в широкие стальные трубы. Падая с большой высоты, вода встретит на своем пути лопасти водяных турбин, приведет их в движение и затем вольется в следующее озеро. А водяные турбины заставят работать генераторы, и те дадут стране электрический ток.

Каждый год страна будет получать от Волги, Оки и Камы около 60 миллиардов киловатт-часов электрической энергии. Это вдвое больше, чем вырабатывают все электростанции Германии, и вчетверо боль-

ше чем все электрическое хозяйство Франции и Японии.

Многие из новых станций будут крупнейшими в мире.

До сих пор величайшими станциями земного шара считались «Бохарнау» в Канаде и «Грэнд Кули» в Соединенных штатах Америки. Мощность канадской станции — 1,5 миллиона киловатт, мощность американской — около 1,9 миллиона киловатт. А электрическое хозяйство одного только Куйбышевского узла на Волге будет обладать мощностью в 3,4 миллиона киловатт и даст стране в семь раз больше энергии, чем вырабатывали все электростанции Российской империи в 1913 году.

На строительстве Куйбышевского гидроузла. Гидрологи измеряют скорость течения.

Во все стороны от волжских гидростанций разойдутся линии электрических передач — ажурные металлические столбы с фарфоровыми гроздьями изоляторов. Провода понесут электрический ток в Москву и город Горький, в Казань и Златоуст, в Свердловск и Магнитогорск. За тысячу километров будет путешествовать волжский ток: так далеко еще ни разу не передавали электричество на земном шаре.

А миллиарды киловаттчасов электрической энергии пойдут на восток, в Заволжье, на борьбу с засухой.

Водяная завеса и зеленые ветроломы

Испокон веков на поля Заволжья обрушивался горячий воздух закаспийских пустынь. Волжане прозвали этот горячий ветер суховеем, мглой, помохами.

В те дни, когда дул суховей, трава выгорала, иссохшая земля трескалась. Солнце вставало красное, без блеска: так много пыли было в воздухе.

Душным жаром веяло с юговостока, оттуда, где на многие сотни километров раскинулись пески Закаспия. Казалось, далекая пустыня слизывала своим раскаленным языком поля, огороды, луга...

Старая, царская Россия даже не пробовала бороться с засухой на заволжских полях.

Ворожеи и знахарки, бормоча заклинания, жгли коровий помет. Попы с хоругвями выходили на поля. Но солнце палило попрежнему, ночи были душны. Зеленые поля становились белыми. Колосья высыхали, не успев налиться. Листья на деревьях свертывались.

В июне по пыльным дорогам растягивались бесконечные обозы беженцев. Жители заволжских сел и деревень бежали в Тамбовщину, в Сибирь, на Кубань. Двигались главным образом по ночам. Тут же, у дороги, наспех закапывали умерших и снова бежали дальше, прочь от мглы, помохов и страшной, потрескавшейся земли.

Так было тридцать четыре раза в XVIII и сорок раз в XIX веке...

...В январе 1934 года с трибуны XVII с'езда большевистской партии товарищ Сталин сказал:

«Что касается орошения Заволжья, а это главное с точки зрения борьбы с засухой,— то нельзя допустить, чтобы это дело было отложено в долгий ящик... Задача состоит в том, чтобы приступить к серьезной работе по организации дела орошения Заволжья».

Началась борьба с пустыней.

План этой борьбы разрабатывала Всесоюзная академия наук.

Прежде всего академики определили силы наступающей пустыни.

Враг оказался могучим. В одних Кара-Кумах, не считая других закаспийских пустынь, можно было бы разместить всю Великобританию. И вот с такой большой территории горячий, сухой песок движется на беззащитные поля, огороды, луга!

Ученые проследили и путь суховея. Суховей идет к нам прыжками. Его первый трамплин — пустыни Закаспия. Последний — прикаспийские пески. Здесь суховей получает новое подкрепление — мелкий сухой песок,— чтобы бросить его на поля Заволжья.

Как же бороться с пустыней?..

Ученые решили нанести удар суховею в Прикаспии, выбить этот последний трамплин из-под ног врага, обессилить его, лишить подкреплений.

Навстречу суховею будет послано около шести миллиардов киловаттчасов электрической энергии Куйбышевской ГЭС.

С могучей помощью электроэнергии насосы и каналы перебросят в прикаспийские пески гигантские массы волжской воды. Громадная площадь песков покроется травой. Среди лугов возникнут пруды-водоемы. А между водоемами — лесные насаждения. Зеленые оазисы в Прикаспии. Это передовые отряды, выдвинутые далеко вперед, навстречу врагу.

Ударившись о кроны тысяч деревьев и ветви кустарников, поток горячего воздуха разобьется на мелкие воздушные струйки: он потеряет свою силу и скорость. Сухой воздух впитает в себя влагу прикаспийских оазисов.

Через первую линию укреплений суховей прорвется уже обессиленным.

А Заволжье встретит его водяной завесой и мощной сетью зеленых ветроломов.

Прямые, точно лучи прожектора, линии зеленых насаждений рассекут поля на равные квадраты. Среди деревьев побежит вода каналов. Между зелеными полосами протянутся тонкие металлические трубы. Из труб высокими струями взметнутся тысячи фонтанов. Блестя на солнце всеми цветами радуги, вода живительным дождем упадет на поля.

Зеленые насаждения задержат ветер. Фонтаны насытят влагой нижние слои воздуха. И суховей разобьется о зелень и воду — он исчезнет...

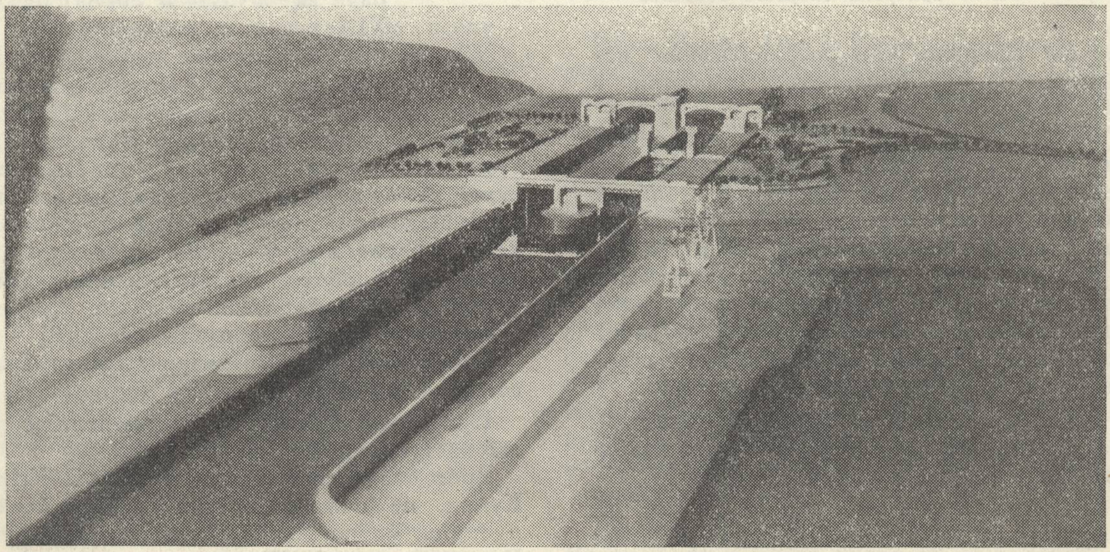
Мгла и помохи уже не будут страшны советскому Заволжью. Громадная площадь — 3 миллиона гектаров орошенных полей — даст Советскому Союзу триста миллионов пудов пшеницы в год. Это урожай всего австралийского материка — мирового поставщика хлеба.

Воды северных рек пойдут в Каспий

Итак, задача, казалось бы, решена.

Но тут возникают новые трудности: встает проблема Каспия.

В прошлые геологические эпохи Каспий не раз менял свой вид, то сокращаясь до пределов небольшого Бакинского моря (Волга доходила тогда до Апшеронского полуострова), то разрастаясь до огромных размеров и соединяясь с Ледовитым океаном и Черным морем.

Здесь вы видите шлюз — часть макета Куйбышевского гидроузла. Макет сделан из алюминия, в 1/500 натуральной величины и находится сейчас в павильоне СССР на Ньюйоркской выставке.

В последние столетия уровень Каспия как будто стал постоянным. Но за ближайшие двадцать лет Каспийское море снова начало мелеть. Его поверхность сократилась на 20 тысяч квадратных километров. Обмелели входы в заливы Каспия. Обмелели устья рек. Остров Челекен соединился с берегом, превратившись в полуостров. В Бакинской бухте вдали от берега из-под воды выступили развалины старинной сторожевой крепости Салхир, построенной в начале XII века и погребенной геологической катастрофой на дне моря.

Разрешая задачу орошения Заволжья, мы не забываем и о Каспийском море, заботимся о том, чтобы Каспий получал необходимый водный паек. Возникла мысль — бросить в Волгу, а значит и в Каспий, воду северных рек, впадающих в Ледовитый океан, и донскую воду.

После кропотливых изысканий было решено: там, где истоки Печоры и Вычегды близко подходят к истокам Камы, соорудить плотины на северных реках и прорыть каналы. Тогда Кама соединится с Вычегдой и Печорой. Три реки свяжутся цепью широких озер, и нельзя будет различить, где начинаются Печора и Вычегда и где кончается Кама. Получится мощный запасной резервуар, в нем сольются воды двух бассейнов — северного и каспийского. Оттуда в любой момент можно будет сбрасывать в Волгу и в Каспий громадные водные потоки...

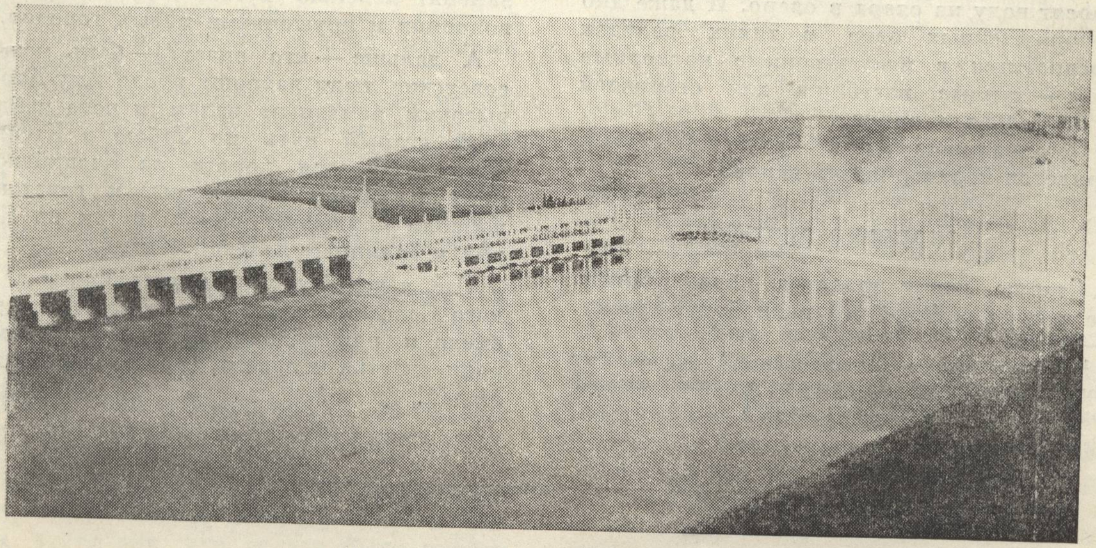
А стокилометровый канал соединит Волгу с Доном.

Реки подают друг другу руки

Человеку, воспитанному на старых учебниках географии, где карта земного шара преподносится как нечто незыблемое и окаменелое, трудно освоиться с этим новым сплетением водных артерий.

Действительно, до сих пор все было ясно и определенно: Волга впадала в Каспийское море, Дон нес свои воды в Азовское, Печора текла в Ледовитый океан. Это казалось таким прочным и нерушимым, что даже в сказках своих народ не мечтал о том, чтобы реки вспять побежали. И когда в теплые летние вечера у костров на волжских берегах рыбаки рассказывали друг другу древние легенды, Волга всегда выступала в них своенравной, непреклонной, свободной...

«... Это было давным-давно,—говорит одна старая волжская сказка.— Жили в те времена в Жигулях два брата. И был у них верный пес. Охотились братья, ловили рыбу и сторожили Волгу, чтобы ненароком не ушла бы она к Каспию. Но однажды прикинулась Волга красавицей-девицей и прокралась ночью, когда спал пес, к шатру братьев. Проснулись братья, увидели красавицу — и пришел конец их дружбе: заспорили, чьей ей быть, схватились за ножи. А Волге только этого и надо было. Убежала Волга. А братья в на-

Это тоже часть макета Куйбышевского гидроузла. Тут видны плотина и электростанция.

казание окаменели. И пес тоже. И стоят с тех пор в Жигулях две скалы — «Два брата»,— разлученные Волгой, и лежит у их ног третья скала—«Каменная собака»...»

Так рассказывала старая сказка о свободолюбивой Волге. А сейчас в Жигулях, недалеко от «Двух братьев», гремят взрывы, скрежещут экскаваторы и ревут водные пушки[1]: человек начинает свое наступление на Волгу. И скоро Волга послушно подаст руку Печоре и Вычегде, Москве-реке и Дону. Она будет связана и с Каспием, и с Белым и с Азовским морями, и с Ледовитым океаном. И на громадном отрезке земного шара — от вечной мерзлоты печорских тундр до каспийских песков, от Уральского хребта до Балтики — не природа, а человек будет управлять течением рек, соединенных в великое речное содружество.

Бросить четверть Печоры в Каму!

Утроить отпуск донской воды в Волгу!

Прекратить доступ Камы в Вычегду!

Так деловито будет выстукивать телеграфный аппарат. И четверть Печоры отправится в Каму, донская вода устремится в Волгу, и тяжелые, стальные щиты прекратят доступ Камы в Вычегду.

Реки подчинятся воле человека и, строго говоря, перестанут быть реками. Они превратятся в цепи озер-морей, полноводных, глубоких, бескрайних. Эти новые озера не будут знать ни песчаных перекатов, ни бурных весенних половодьев: разумные автоматы в нужный момент перебросят воду из озера в озеро. И даже дно новорожденных озер в тихих заливах превратится в искусственные подводные луга — тучные пастбища для стерлядей и зеркального карпа...

Сегодняшнюю карту Советской страны придется перечерчивать заново.

Покорение пустыни

Старую карту придется перечерчивать не только потому, что реки будут иными, что прибрежные города расселятся по-новому и теперешние высыхающие ручьи станут полноводными магистралями, но еще и потому, что страшная, неумолимая пустыня юговостока будет отброшена назад.

Столетиями она двигалась на запад, засыпая раскаленным песком пастбища, города.

Когда-то в Закаспии лежало богатое Хорезмское ханство. Но пустыня была неумолима. С каждым десятилетием она отвоевывала у человека возделанную землю и, наконец, осадила столицу — Гурганджу.

Город долго оборонялся от наступавшей пустыни. Тысячи людей спешно возводили укрепления. Высокой глиняной стеной столица отгородилась от врага.

Пески перешагнули через стену. Осажденные спешно подняли стену на рост человека. Но песчаные волны разрушили и это укрепление, ворвались в город и покрыли его сады, улицы, дома толстым слоем горячих песчинок.

Город умер. Столицу Хорезмского ханства перенесли в Хиву. Над погибшей страной встали песчаные барханы, и по горячему песку суетливо забегали сухопутные крокодилы-вараны. А пустыня двигалась дальше и страшной участью Хорезмского ханства угрожала нашему Заволжью.

И вот теперь человек впервые идет в контратаку против пустыни.

На картах желтый цвет вокруг Каспия заменят зеленью лугов, голубой краской водоемов и кружочками новых городов.

А дальше — кто знает? — быть может, советские люди закроют русло Аму-Дарьи высоким земляным валом и река найдет свой старый путь по Узбою в Каспий. Тогда откроется дорога из Каспийского моря к снегам Гиндукуша, и советские корабли поплывут прямым путем из Каспия к границам далекой Индии.

Где, в какой другой стране, кроме великого Советского Союза, техника может так смело и решительно менять облик земли ради счастья человека, счастья миллионов людей!

---

[1] Водная пушка (гидромонитор) напоминает мощный пожарный брандспойт, который сильной водяной струей размывает землю.

Мишка

С. Радзиевская

Рис. В. Цельмера

Солнце уже порядком перешло на вторую половину дня, когда я, отдохнув и умывшись после длинного пути, вышел на главную улицу заводского поселка. Улица эта заросла курчавой травой, только по середине ее вилась, обходя камни и выбоины, узкая дорожка. Высокие деревянные заборы с резными калитками тянулись по бокам, а внизу, под горой, с журчаньем пробивался к реке холодный прозрачный ключ.

Все это было совсем не похоже на московские улицы с накаленным асфальтом. До того не похоже, что я, пройдя несколько шагов по дорожке, остановился и долго смотрел то на покрытые темным еловым лесом горы, то на коричневого жука, важно переползавшего дорогу.

— Хорошо, — сказал я вполголоса и, глубоко вздохнув, встал на цыпочки и потянулся, так мне вдруг стало легко и приятно.

Но тут же я вздрогнул и обернулся:

— Ты что можешь?.. — раздался позади меня задорный голос.

Перед открытой калиткой стоял паренек, немного выше меня и пошире в плечах, стоял так, что нельзя было пройти мимо, не задев его. Он как-то особенно задорно упирался в землю босыми ногами в синих полосатых штанишках, руки засунул в карманы, а локти расставил широко и тоже по-обидному.

— Ты что можешь, а?.. — повторил он и, неожиданно шагнув за калитку, в глубь сада, прибавил: — А я — вон что.

Так же неожиданно он наклонился и, проворно встав на голову, вскинул ноги кверху и быстро зашлепал пятками друг о друга, затем опять перевернулся, подпрыгнул и, подбоченившись, занял прежнюю позицию в калитке.

— Эх ты, Москва, — резюмировал он презрительно и, тряхнув рыжими вихрами, хотел прибавить еще что-то, но тут уж я успел оправиться от первого смущения.

— Только-то! — презрительно протянул я. — Ну, брат, в Москве не этому учат.

Быстро наклонившись, я прошелся колесом, проворно вскочил на ноги и принял оборонительную позицию.

Но это было лишнее: веснушчатая физиономия задиры сияла искренним дружелюбием и восторгом.

— А ведь я тебя вздуть ладился, — заявил он так весело, точно это было самое приятное для меня сообщение. — При-

ехал, думаю, петух московский, — я-те покажу Москву. А ты — вон какой!

И разом, почему-то оглянувшись, переменил тон.

— Сюда, — сказал он. — Тут наискосок к речке ближе. Валяем? Живо!

— Куда? — недоверчиво отозвался я, и хоть и переменил позу на менее вызывающую, но кулаков не разжал: кто его знает, что ему еще вздумается, этому рыжику.

— На пчельник. Куда же еще? — даже несколько удивился мальчик. — К деду Софрону чай с медом пить. Колхозный сад. Теперь мы с тобой дружим, — деловито прибавил он после некоторой паузы, — коли Петюха к тебе вязаться будет, — ты мне только скажи, я ему наломаю. Айда!

Я смотрел на него во все глаза, все еще не решаясь двинуться с места.

— То ты драться, а то — на пчельник... — проговорил я нерешительно, но затем оглянулся и махнул рукой.

— Идем, — сказал я твердо. — Только скорей!

— Поспевай, — крикнул уже на ходу мальчуган и, завернув за угол сада, пустился рысцой вниз по тропинке, прямо к самой Серебрянке.

— Мы тут вброд, — продолжал он, немного запыхавшись от быстрого бега. — Моста у нас нету. Только скорей, а то мамка увидит — сейчас работы надает: она на это люта.

Глаза у нового знакомого были веселые, голубые в рыжих крапинках, точно и туда забежали веснушки, вихор топорщился во все стороны, и весь он мне вдруг страшно понравился.

— Сейчас дед Иван по саду ходит, на яблони глядит: где подрежет, где — что. А дед Софрон — за пчелами, — заговорил опять рыжик, ловко пробираясь сквозь кусты лозняка. — И ругаются. А потом вместе чай пить сядут, с вареньем. Мы, значит, в самое время и доспеем: нам либо варенья либо меду дадут.

— Так чего же они вместе чай пьют, если ругаются? — все больше удивлялся я, поспешно продираясь за ним к большому урону для нового костюмчика и красного галстука.

— Нельзя им, врозь-то, — и мальчишка, обежав кучу хворосту, остановился у самой воды и засмеялся. — Варенье как варили? Яблоки-то — ивановы, а мед — софронов. Как поделить? А поругавшись и чай лучше пьется, с устатку.

Говоря это, он с молниеносной быстротой скинул штанишки и рубашку и свернул их в узелок. — Ты тоже так-то, все в рубашку заворачивай, — заботливо об'яснил он. — На голову привяжем, чтобы в речку не попало. Живо! А сапоги сюда, под корягу сунь. На что их сейчас? Босому легче.

Через минуту, крепко привязав узлы с платьем рукавами под подбородки, мы уже входили в воду.

— Левей забирай, — говорил рыжик. — Омут тут. Ну, плыви. Тебя как зовут-то?

— Сережа, — отвечал я, старательно отмеривая сажонки, чтобы не ударить лицом в грязь. — А тебя как?

— Мишка, а еще — юла, — об'яснил тот, — потому как я на месте сидеть не могу. Все кручусь. А тому причина есть: иголка во мне ходит, вот она и гоняет меня, сидеть не дает.

— Игол... — от изумления я так широко раскрыл рот, что чуть не вся Серебрянка в него влилась, и я еле откашлялся.

— Как иголка? Как ходит? — продолжал я уже на берегу, надевая трусы и дрожа. (В Серебрянке вода даже и летом была как лед холодная, от ключей.) — Как иголка в живом человеке ходить может?

Мишка был, видимо, очень доволен произведенным впечатлением.

— В Москве-то, видно, не всему учат, — подмигнул он. — Вон сюда лезь, левей, тут тропка. Мамка, значит, мне штаны зашивала, как тут у соседа ястреб курицу потащил. Она в окошко увидала да бегом, а иголку в штанах и забыла. А я-то штаны надел, да на лавку сел — обуваться. А иголка р-раз, да в самое это место — вон сюда. Враз влезла, я и зацепить не поспел. А теперь со мной Васька на одной постели не спит: из тебя, говорит, иголка-то выткнется, а в меня воткнется.

Мы с трудом выбрались на крутой берег речонки, хватаясь за камни и прибрежные кусты.

— Слышишь? — на минуту остановился Мишка и, запыхавшись, вытер рукавом раскрасневшееся лицо. — Это осина шумит, она, точно заяц, ушами хлопает: лоп, лоп, лоп.

Я расхохотался и, опершись руками, вспрыгнул на край обрыва. Вдруг что-то серое метнулось у меня из-под ног и мячиком покатилось в лес.

— Ай — вскрикнул я было, но тут же загорелая рука мелькнула перед моими глазами, и камень со свистом пролетел и ударился в кусты.

— Немного не доспел, — с досадой вскрикнул Мишка. — Враз бы его положил. А ты — чего смотрел?

— Да я не успел, — сконфуженно оправдывался я. — Я ведь... — и тут же запнулся и замолчал: ни за что на свете не признался бы я Мишке, что сейчас видел живого зайца в первый раз в жизни.

— Ну, где тебе успеть. Ты ведь московский, — протянул Мишка. — Пожалуй, и попал бы, так зашибить не вздолил бы.

И он несколько пренебрежительно пощупал мускулы на моей руке.

Я вспыхнул. Крепкое пожатие мишкиных загорелых пальцев заставило меня почувствовать, насколько новый товарищ превосходил меня в силе.

— Мы про зайцев на уроках естествознания проходили, — начал я несколько неуверенно. — Заяц относится к отряду грызунов, у него передние резцы...

— Растут все длиньше, — перебил меня Мишка. — Ежели ему об дерево их не точить, — они ему рот раздерут. Слыхали... А вот как заяц следы путает, чтобы его лисе не соследить, видел?

— Нет... — признался я.

— А сколько зайчат зайчиха родит, знаешь? А сколько она их молоком кормит, слыхал? Раз один. А потом они под кустом три дня сидят нерухомо. Вот как. И лисица их не учует, потому как от них следов нету. Понял?

— Понял, — покорно ответил я, подавленный таким превосходством в познаниях.

И в порыве искренности прибавил:

— Ты знаешь, ведь я в первый раз на Урале. Папа говорил, что теперь на Урале никаких приключений и опасностей не бывает. А мама все-таки боялась и пускать меня не хотела. И потом думала, я тут соскучусь.

— Ишь ты, — удивился Мишка и даже присвистнул и тряхнул хохлом. — Тут ягоды, там грибы, рыбу ловить будем, какая скука? С чего это она у тебя такая?

Я растерялся и не знал, что ответить, но Мишка не дал мне времени на размышления: должно быть, в нем и вправду сидела иголка.

— Валим скорее! — крикнул он, поворачивая по тропинке вдоль реки. — Сейчас в ложбинку спустимся — тут тебе сад этот и есть.

Дорожка шла над крутым обрывом в густом и старом еловом лесу. Несмотря на яркое солнце в нем было сумрачно и темно: мертвые нижние ветви переплелись в сплошную сетку, загораживая путь вне тропинки, а голая, лишенная травы земля была густо усыпана сухими бурыми иголками.

— А вон и сад! — воскликнул вдруг Мишка и остановился так проворно, что я, не удержавшись, набежал на него.

Место для сада было выбрано с большим толком: небольшая долина, закрытая от северных ветров и открытая солнцу, спускаясь к реке, притаилась среди старых елей так, что ее нелегко было и заметить. Колхозная пасека находилась тут же, в саду, а что оба старика были на хозяйстве, об этом было слышно за километр кругом.

— Нет, ты мне скажи, по каким правам должен я теперь искусанный ходить? — визжал тонкий пронзительный голос. — По каким правам у меня теперь глаз запух и рот на сторону? Как я теперь прищепку делать стану, когда мне смотреть нечем?

— А ты руками-то не махай, козлиная борода, — говорил густой добродушный бас. — Руками не махай. Пчела, она суеты не любит. А ты бородой крутишь, руками вертишь — она и гневается. Ты глинки сырой приложи, он враз проглянет, глаз-то.

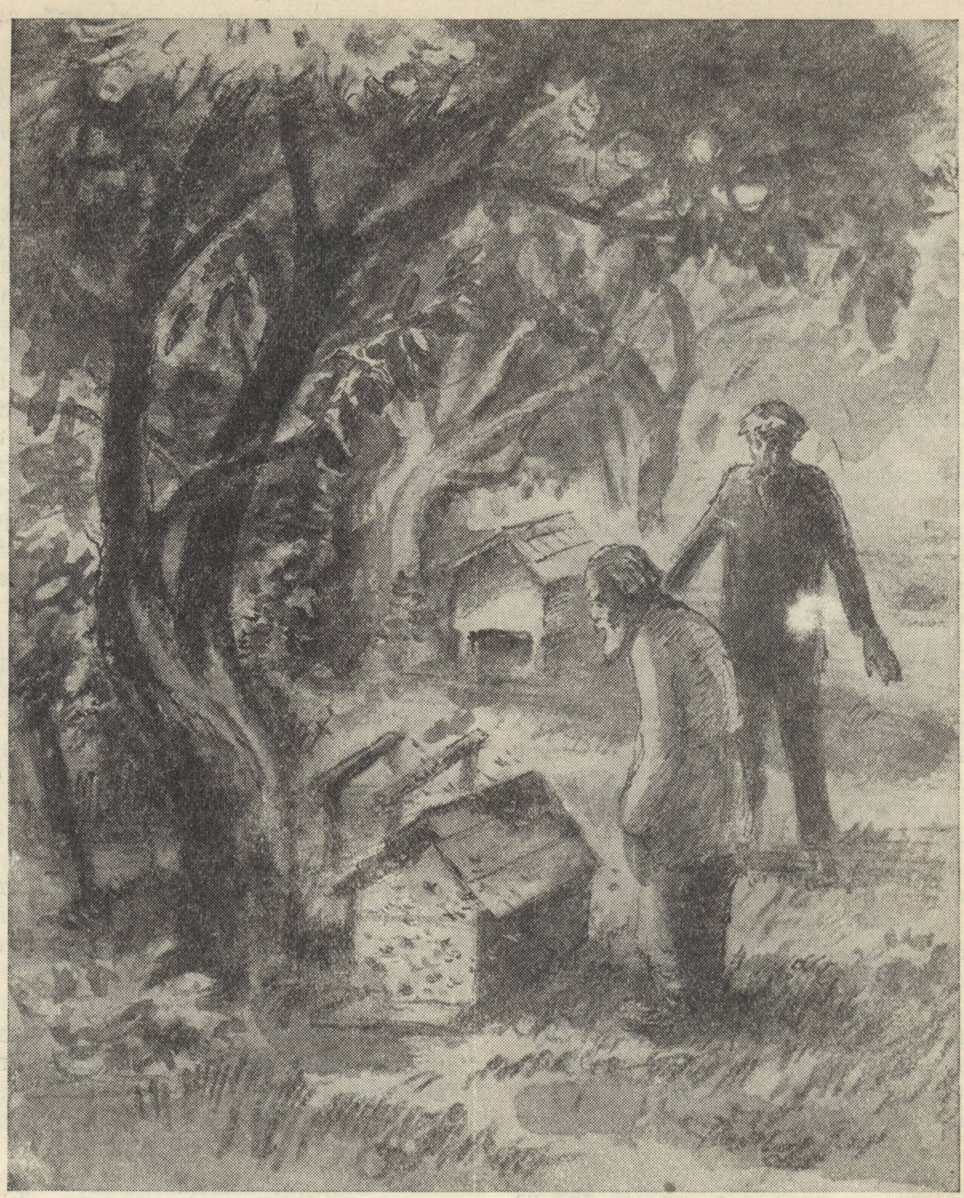
— Враз проглянет! — злобно передразнил первый голос. — Самому бы тебе так вот рот на сторону своротило!

Задыхаясь от смеха, Мишка зажал рот руками.

— Они вот всегда так-то, — шепнул он мне. — Здорово разошлись, теперь, видно, уж скоро чай пить сядут.

Мы пробрались сквозь густую чащу ольховника и вышли на поляну, к саду. Маленький старичок в длинной белой рубахе с красным пояском стоял под крайней от леса яблоней и горестно покачивал головой: большой зеленый улей, сброшенный с подставки, стоял на земле, и пчелы с жалобным и злобным гудением вились около его летка.

Немного подальше, раскинув в стороны руки и выставив вперед острую бородку клинушком, стоял другой старик, высокий и худой, в синей рубашке и босиком.

Большой зеленый улей стоял на земле, и пчелы с жалобным и злобным гудением вились около его летка.

— Не жеребец, а оборотень, — говорил он. — Три дня как с колхозной конюшни сбежал, по лесу бродит, конюху не дается, а на беду мастер, волки бы его сожрали. Никто как он: шел, да боком и своротил.

— Все-то ты, сват, с черным словом, — укоризненно покачал головой белый старичок. — Все с черным словом. Пчела, она, брат, этого не любит, она... — и, не договорив, он нагнулся, с трудом повернул улей, поднял и поставил его на место.

Дед Иван, распухший и злой, опустился на еловый чурбан и, водя ножиком по оселку, недоброжелательно следил за хлопотами деда Софрона.

— Ружье бы достать, — проворчал он, — да влепить этому чорту косматому дроби под шкуру, небось отвадится. Не то переваляет твои колоды, а тварь-то тихая тогда и вовсе меня со свету сживет.

— Что ты, что ты, сват, — заволновался дед Софрон. — Видано ли дело такого жеребца портить? Словить его надо — и весь сказ.

— Сказ-то выходит долгий, — ворчал дед Иван, осторожно пробуя пальцем остроту лезвия. — Как словить, когда сбаловался и конюху не дается. Я и сам не дурак, чтоб жеребца портить. Ясно — словить, да как словить?

— А я знаю, — отозвался вдруг Мишка, выступая из кустов и увлекая меня за собой. — Здравствуйте, дедушки! Я его вечером на тропе перестрену, Гнедка-то, как он на речку пить пойдет. На суку сяду, над самой над тропкой да ему прямо на спину ка-ак скокну...

Смешливый дед Софрон так и присел около улья на кочку.

— Ну и потеха, — приговаривал он. — Соколом да на утку сверху, стало быть.

— Дураку не ум помешал, — проворчал неукротимый дед Иван. — Чем малого за вихор рвануть: не блажи, мол, так он ему еще потакает.

И, сердито сунув ножик в карман, он направился к крытому берестой шалашу, приютившемуся под яблоней.

Мне вдруг стало очень обидно и за Мишку и за деда Софрона.

— Я тоже пойду, — сказал я громко, выступая из-за мишкиной спины и тут же чуть не сел обратно в кусты: такого тумака закатил мне обрадованный Мишка.

— Ловко, что я тебя там-то не вздул,— восхищался он своей догадливостью. — Я, брат, сразу оглядел, что с тебя толк будет. У меня, брат, глаз...

— Шишек на самовар пособирай ты, глазастый, — окликнул его дед Софрон.— Чашки и хлеб из сундучка достань. Сват, чай-то с медом пить будем аль с вареньем?

— Слыхал? — и Мишка, сияя, ткнул меня локтем в бок. — Дуй в шалаш, напьемся во!

— Показывай, откуда чашки доставать, — радостно откликнулся я и двинулся к шалашу.

Предстоящее приключение привело нас в самое радостное настроение, так что до шалаша мы, пыхтя и переваливаясь, добрались на руках.

— Я и чашку эдак-то до костра донесу, — хвастался развеселившийся Мишка. — В зубах ежели, а то — промежду коленок.

— Вот я тебя зажму промежду коленок, постреленок, — сердито отозвался дед Иван и замахнулся удилищем. — Будешь у меня бить чашки-то.

Чашки и хлеб ввиду такой угрозы были доставлены к самоварчику, стоявшему у костра, обычным способом.

Затем мы вперегонки бросились собирать сухие еловые шишки для самовара.

— Ты которые смолистее бери, — учил меня Мишка, проворно кидая шишки в берестяной коробок. — Смолюшки, они дыму поддадут, зато самовар от них враз закипит.

К самовару приспособили прогоревшую до дыр железную трубу, и мы, поднимая ее, принялись подкидывать шишки в пузатый и кособокий, но вместительный медный самоварчик.

Около костра хлопотал дед Иван, ежеминутно помешивая длинной ложкой в железном котелке, висевшем над огнем. В котелке булькало и шипело, а дед Софрон, присев на пенек, мастерил что-то из дощечек и проволоки и довольно кивал головой.

— Вот так, — приговаривал он. — Теперь будет ладно. Каша-то не поспела, сват?

— Сейчас поспеет, — отзывался сват и, заглядывая в котелок, морщился от пара, обдававшего лицо. — Упрела в самый раз. А вот у ребят с самоваром неуправка.

— Закипает уже! — воскликнул я и, нагибаясь над дымящей как вулкан трубой, храбро проталкивал в нее щепочкой сухие смолистые шишки.

Я кашлял и задыхался, но даже это доставляло мне большое удовольствие. Снимая и надевая трубу, я то и дело нагибался к Мишке и шептал:

— Так скоро он придет-то? А может быть и вовсе не придет?

— Придет, — отвечал Мишка тоном бывалого охотника за мустангами. — Не первый раз он так-то: убежит да по лесу и шатается. И все мимо пасеки вечером к речке пить ходит. Дошатается, пока попадет медведю в лапы.

Дед Софрон стал рассказывать истории про медведей.

...— И зашел он, детушки, ему сзади, да ка-ак рявкнет... — спокойным голосом досказывал дед Софрон, сматывая оставшуюся проволоку на щепочку и собирая свое рукоделье. — И подобрал его акурат под себя, да и зачал ломать, тот и стрелить не поспел. А мальчонка-то его хвать

полушубок, да скок косолапому-то на спину, да и ну ему голову полушубком мотать. Мотает да мотает, мотает да мотает, а медведь-то вскочил и крутится, ничего ему не видать, а отец...

— Кончай, кончай сказки... — ворчал дед Иван, вываливая целую горку душистой пшенной каши на широкое чисто выструганное деревянное блюдо. — От сказок еще отродясь толку не бывало, одна брехня на забавку, — докончил он и, сделав на верху пшенной горки ямку, бережно влил в нее немного растопленного масла из глиняного высокого кувшинчика с отбитым носиком.

— Садись, Мишутка,—приветливо сказал дед Софрон. — И ты, чужачок, садись, вишь чурбашки, подвиньте себе, а то и так, на травку, как способнее.

Мы уселись вокруг блюда с кашей, держа в руках круглые деревянные ложки. Ели, стараясь не сорить, брали кашу поочередно. Я старался подражать всем движениям Мишки, чтобы не ударить лицом в грязь.

Старики и Мишка разговоров за едой не признавали, поэтому у костра во все время ужина царило молчание. Тем временем уже начало смеркаться. Догоравший костер ярко вспыхивал, и отдельные ветви яблонь вдруг освещались так ярко, что повисали в воздухе точно руки, протянутые из темноты, отчего сумерки уже казались потемками.

Наконец Мишка со вздохом отодвинул от себя старинную чашку с золотым ободком.

— Спасибо, дедушки, за чай, за сахар, — солидно сказал он. — Идем, Серега, на засидку, а то еще Гнедка прокараулим.

Длинная ветка старой корявой березы протянулась над самой тропинкой. По бокам тропинки рос густой колючий кустарник. Гнедку не миновать было пройти к реке как раз под самой этой веткой. На ней-то мы и решили устроить засаду.

— Сюда садись, — шептал мне Мишка. — Вот увидишь, я враз управлюсь. Он только ско́кнуть на него не дается, Гнедко-то. А как сел уже, он тогда смирен. Ты меня за живот только не хватай, за живот, я страсть щекотки боюсь. Ну, не дыши теперь.

Я послушно старался не дышать, хоть от этого шумело в ушах и кружилась голова. Тишина наступила такая, что когда в траве внизу вдруг чирикнул сверчок, мы вздрогнули и схватились друг за друга.

— Тяжело мне от иголки сидеть так вот,— чуть слышно прошептал Мишка и вздохнул.

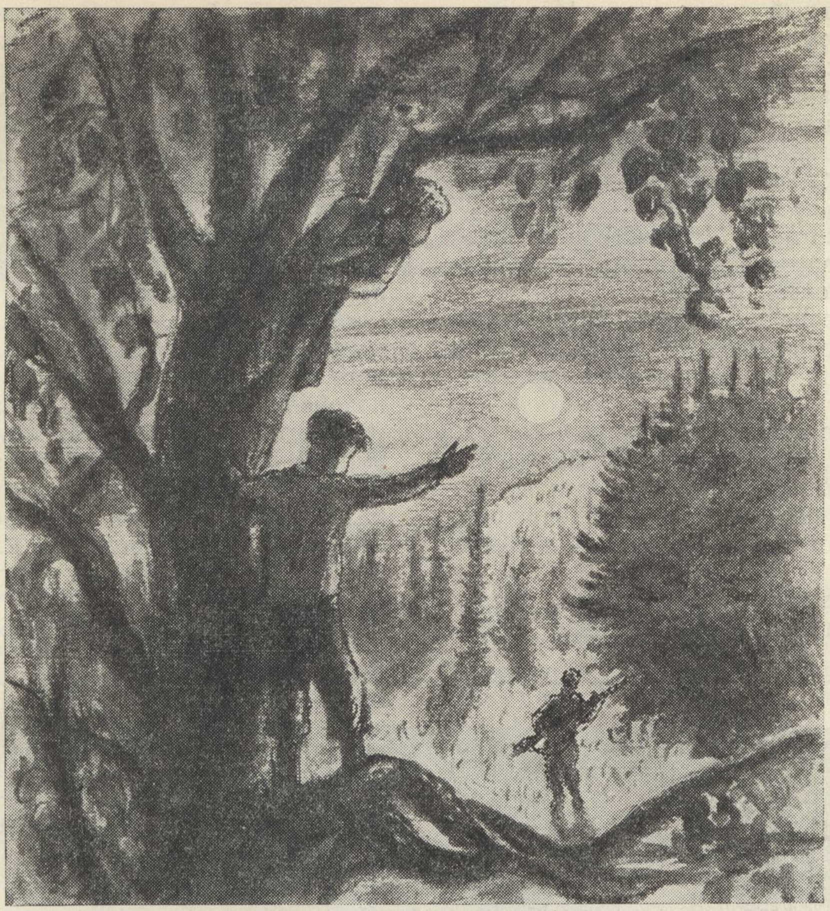
— Колется? — испуганно спросил я.

— Да не колется, беспонятный ты, а скорость такая во мне от нее — ну никак не усижу.

На тропинке внизу вдруг что-то смутно зашевелилось.

Мы уселись вокруг блюда с кашей.

— Дедушка, ой, дедушка, не стреляй, — завопили мы с Мишкой в полном ужасе.

— Гнедко это, — шепнул Мишка. — Ну теперь гляди, как я...

Вдруг я отчаянно вцепился ему в руку.

— Мишка, — задыхаясь зашептал я, — не Гнедко это, это...

Но было уже поздно. Мишка ловко соскользнул с ветки, секунду повисел на руках и прыгнул...

Страшное рычанье и пронзительный детский крик, казалось, наполнили весь лес. Голова у меня закружилась, я судорожно ухватился руками за ветку березы, не смея взглянуть вниз, как вдруг по стволу что-то зацарапалось, и Мишка, вновь оказавшись на ветке, схватил меня за руку и дернул так сильно, что я чуть не покатился на землю.

— Лезь выше, — шептал он страшным шопотом. — Лезь выше! На медведя я соскочил.

От толчка я потерял равновесие и теперь болтался на трясущейся ветке, обхватив ее руками и ногами.

— Пусти меня! — кричал я в ужасе. — Пусти, а не то свалюсь. Пусти!

Между тем внизу шум разрастался. К дикому рычанию прибавились крики, топот, что-то выстрелило с грохотом, как из пушки, и на голову мне посыпались срезанные пулей листья.

— Лезь отсюда. Убьют, — упорствовал Мишка и теребил меня за рукав.—Слышь: дед Иван, ровно очумевши, в медведя-то по верхам палит!

— Стрели, сваток! — отчаянно закричал голос деда Софрона. — Стрели скорей, да вынь ты меня из куста, ради бога.

Вторая пуля свистнула около моего уха. Видно, старики и правда сперепугу искали медведя на деревьях.

— Шомпола никак не найду, — раздался пронзительный голос деда Ивана. — Зарядить нечем.

— Дедушка, ой, дедушка, не стреляй, — завопили мы с Мишкой в полном ужасе. Убьешь ты нас! Не стреляй!

Только выглянувшая из-за горы луна помогла разобраться в суматохе. Медведя давно и след простыл.

Жизнь свою мы с Мишкой спасли, скатившись с дерева, прежде чем дед Иван перезарядил свою пушку.

Деда Софрона разыскали и выпутали из куста, в который он ухитрился попасть вниз головой, причем топора из рук не выпустил.

Утра мы дождались в шалаше у костра. Ни за что в мире не согласились бы мы отойти от него, да и дед Софрон не пустил бы. Со светом он сам в челночке отвез нас на тот берег и проводил прямо к заводу.

— Ты сразу не ходи домой-то, к тетке, — посоветовал мне притихший и нахохлившийся Мишка, когда челнок ткнулся носом в берег. — Дедушка спервоначалу пойдет мамке моей скажет, а мы на чердаке отсидимся. Я всегда с ней так-то делаю, пущай у нее сердце перегорит, а то она скорая — враз за волосья.

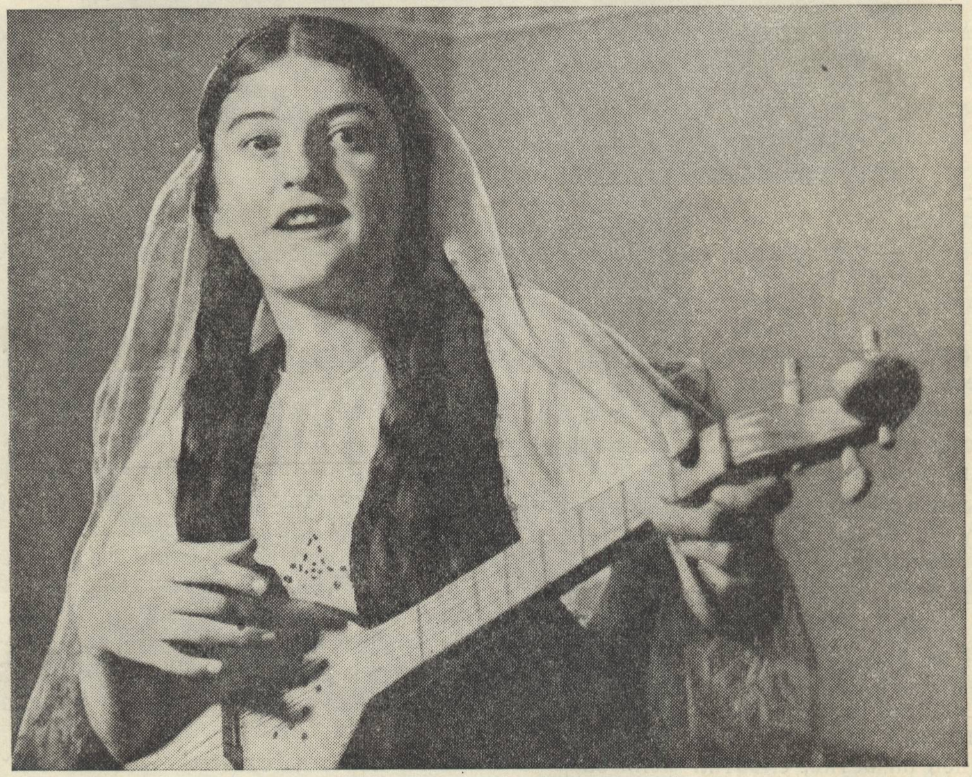
Над нами долго смеялся весь завод:

— Расскажи, Мишь, как ты медведей за уши ловишь? — говорили рабочие и доводили Мишку чуть ли не до слез.

А я вскоре после этого происшествия написал матери письмо.

«Милая мама, — писал я. — У меня здесь большой друг, Мишка, и мне целое лето будет очень весело. Обо мне не беспокойся: здесь никаких приключений и опасностей не бывает. Пришли мне, пожалуйста, только пластинок для фотоаппарата и еще пуль двенадцатого калибра для деда Ивана, а то он свои последние выстрелил в меня, когда мы караулили на дереве Гнедка и Мишка прыгнул на медведя.

Твой сын Сережа».

Додо Адалия, пионерка, ученица 1-й грузинской школы города Сталинири (Юго-Осетинская автономная область), выступает в концерте школьного самодеятельного кружка.

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 29.

По следам Амангельды

В. Петрушевский

Весной Тургайские степи зеленеют, желтые и красные тюльпаны тысячами тянутся из земли, молодой камыш шуршит вдоль речек. Но быстро солнце сушит зелень, и уже в мае степь делается желто-серой, унылой; до горизонта тянется равнина, ветер шевелит сожженные стебли, горячий воздух дрожит и струится, и с ним дрожат все далекие предметы. Непривычному человеку в эту пору степь кажется мертвой, дикой. Но еще мертвее она осенью и зимой. Ходят и клубятся над ней тяжелые тучи, сечет надоедливый мелкий дождик; затем вырываются на степной простор северные ветры, леденят и морозят все живое, доверху засыпают снегом глубокие овраги. Степь тогда и впрямь замирает, ближе к огню подсаживаются в зимовках казахи, слушают завывание ветра, поют про буран, что человека и верблюда валит с ног.

Медлительно и важно шагают верблюды.

На сотни километров во все стороны тянутся Тургайские степи — от Урала до скалистых невысоких сопок Центрального Казахстана, от быстрой мутной реки Сыр-Дарьи до Западносибирской низменности. Область эта, одна из наименее освоенных в Казахстане, далеко от железных дорог и от крупных городов. Здесь в 1916 году поднял восстание против царизма знаменитый Амангельды Иманов, народный казахский вождь и герой, имя которого знают даже маленькие ребятишки в самых далеких аулах[1] Казахстана.

Последние три года я много ездил по Тургайским степям, участвуя в работах казахстанской геологической экспедиции Академии наук СССР. Мне пришлось побывать и в городе Тургае, одном из центров движения Амангельды, и в городе Батпакаре, переименованном теперь в Амангельды. Много рассказов узнал я об этом храбром, мужественном человеке: три года у меня работал проводником старый Рахмет Джапаспаев, командир одного из отрядов Амангельды и его родственник.

Рахмет Джапаспаев из десятого аулсовета Карсакпайского района — потомственный караванщик. В молодости он

[1] Многие из читателей, вероятно, видели интересный фильм «Амангельды». К сожалению, натурные с'емки были произведены не в Тургайских степях, а в предгорьях одного из Тяньшаньских хребтов, наподалеку от города Алма-Аты.

гонял байский[1] скот на продажу из Тургая в Ташкент, возил в Среднюю Азию байские товары, три раза добирался до Китая. Из Тургая далеко до Туркестана — недели и месяцы езды на верблюде по степям, под знойным солнцем и сухими ветрами. Отправлялись обычно весной, возвращались к зиме; нередко путешествие затягивалось на год и больше. Так и протекала жизнь: мерный шаг верблюда, жара, степные дали, выплывающие из дымки купола мазаров,[2] словно башни маяков.

[1] Баи — кулаки и богачи.

Рахмет знает огромный район протяжением в тысячу километров. По-степному знать — это указать любую тропку, рассказать о каждом ее повороте, помнить не только, где какие есть колодцы и хороша или солона в них вода, но и какой глубины колодец и сколько можно напоить из него за один раз верблюдов (а изжаждавшийся верблюд пьет сразу до 7—8 ведер). Спросить в степи не у кого. А если нет воды,— непоеные верблюды ревут, ложатся, обрывая продернутый через ноздри поводок, привязанный к впереди идущему верблюду. Если плохо знаешь степь, лучше не ходи по ней.

До революции жизнь здесь не менялась из поколения в поколение. В степных городках, вроде Иргиза, Тургая, некогда служивших укрепленными фортами (при завоевании русскими Казахстана), а ныне глубоко мирных, пропахших горьковатым кизячным[3] дымком, появлялось все больше русских — чиновников, купцов, старых отставных военных, носивших и в летнюю жару суконные фуражки с цветными околышами. Они пили водку, угощали ею баев, очень ловко торговали гнилым, залежалым товаром. Не было в ту пору ни Казахстана, ни казахов: за Оренбургом начинались «киргизские» степи.

В 1916 году, на третьем году империалистической войны у царя не хватило пушечного мяса. Он решил при-

[2] Надгробный казахский памятник; большой мазар представляет собой целое архитектурное сооружение, крышу его обычно делают куполообразной. В степи нередко приходится ориентироваться только по таким мазарам, видным на равнине очень далеко.

[3] Сушеный навоз, служащий в степи топливом.

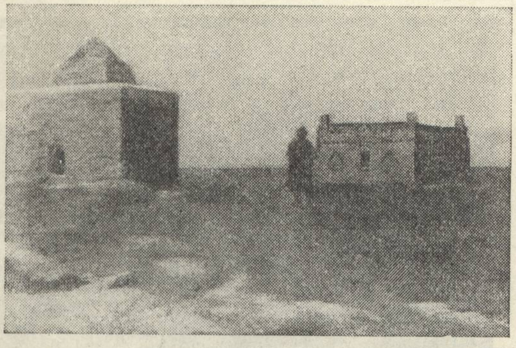
звать в армию казахов[1]. Они ответили массовым бегством поглубже в степи и подняли там вооруженное восстание. Во главе его встал Амангельды Иманов, казахский бедняк. Амангельды не был обучен военному делу, но он знал и любил свои степи, свой народ; знал, за что сражается, как знали это и те тысячи бедняков, батраков, пастухов, что откликнулись на его зов и пришли в его отряд из Тургая и Челкара, Казалинска и Кзыл-орды, Батпакары и Улутау и многих других мест.

Эта армия бедняков была плохо вооружена; ружей было мало, да и то большинство их были старинные, из которых стрелять приходилось с сошек; многие повстанцы имели только сабли или длинные ножи, другие — всего лишь тяжелые кетмени[2] или палки, которыми бьют попавшего в капкан волка.

Царскому правительству не удалось разбить Амангельды: избрав верную тактику, он уклонялся от столкновений с крупными отрядами, разбивая поодиночке мелкие, пополняя за их счет свое вооружение и боеприпасы. Всадники Амангельды были неуловимы: утром их видели здесь, вечером они оказывались уже за 100 километров. В каждом ауле они находили кров, пищу, могли сменить уставшую лошадь, выковать нож

[1] До 1916 года казахи не отбывали воинской повинности, за исключением немногих «избранных» богачей и их сынков, служивших в личной охране царя.

[2] Род мотыги, до недавнего времени заменявшей казахам лопату, кирку и нередко топор.

Мазары далеко видны в степных просторах.

Рахмет Джапаспаев — командир одного из отрядов Амангельды.

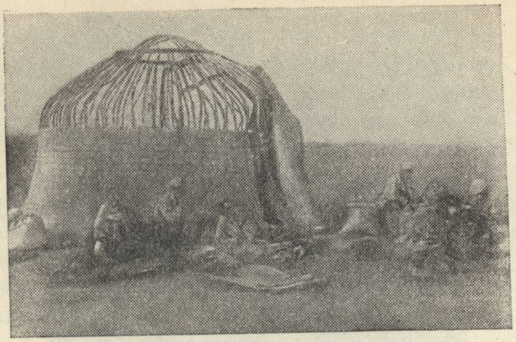
взамен сломанного. Чем беднее был аул, тем радушнее встречали в нем джигитов[3] Амангельды. Очень скоро партизанская война охватила все Тургайские степи.

Не только против царя звал на борьбу Амангельды: он призывал свергать власть казахских баев и купцов, его акыны[4] пели песни о том, что казахский кнут не лучше русского, что казахский волк так же режет овцу, как и русский. Баи встали на защиту русского царя, слали депутации к губернатору, просили увеличить количество войск против Амангельды.

Наступила весна 1917 года. Свергли царя. Перестал сражаться Амангельды: он настороженно ждал, что же принесет беднякам революция. Земля была попрежнему байская; байские овцы и верблюды ходили по ней; муллы, как и раньше, проповедывали смирение перед богачами, завещанное на веки веков в священной книге — коране. В лицо Амангельды смеялись баи: «Царя нет, иди домой, распусти своих оборванцев». Амангельды дождался своего только

[3] Воин-наездник.

[4] Народные певцы.

Юрту разбирают в полчаса...

поздней осенью, когда сизое небо сыпало сухие снежинки на затихшую степь.

За советскую власть, за бедняков и всех обездоленных, против баев и купечества, против русских попов и казахских мулл дрался теперь Амангельды. Зорче стал его взгляд, тверже рука, громче голос; длинные конские хвосты его сотен по всем направлениям мели степь. Не знало теперь поражений его войско, и все труднее становилось дышать баям и казахским буржуазным националистам. Не могли они разбить Амангельды в открытом бою, взяли его обманом, одного, без джигитов. Храброго героя убили. Произошло это в 1918 году.

Давно нет баев в Тургайских степях. Воспоминанием о них остались только могильники-мазары да кости верблюдов, белеющие во многих местах по степи: в дни коллективизации баи без разбора резали свой скот, чтобы не достался он советской власти.

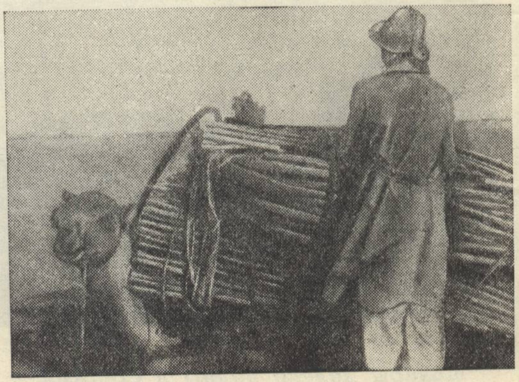
Колхозные стада гуляют теперь по степи, год от году их становится больше, все чаще встречаешь отары овец или идущих гуськом верблюдов. Скотоводство попрежнему — главное занятие жителей Тургайских степей; еще и сейчас кочуют многие аулы, весной и летом переходя с одного пастбища на другое. Живут казахи в это время в кругло-конических юртах с деревянным складным остовом, обтянутым войлочными кошмами; разобрать или поставить юрту можно в полчаса, разобранную везут ее вьюком на одном или двух верблюдах. Зимой живут в глинобитных плосковерхих домах-кибитках; зимовки располагаются обычно по берегам рек, в укромных от ветра уголках. Каждый аул зимует всегда в одном и том же месте.

В отличие от прежнего времени в кочевье со скотом уходит не весь аул, а лишь часть его, иногда совсем небольшая. Оставшиеся, переселившись в юрты поблизости от зимовок (в юртах летом прохладнее), разводят огороды и бахчи, сеют пшеницу, ячмень, просо. Еще совсем недавно, лет десять назад, печеный хлеб был большим лакомством для аульных ребятишек; обступив приезжего, они внимательно рассматривали его; получивший в подарок ломоть хлеба сейчас же скрывался за спинами товарищей. Теперь хлеб есть. В прошлом году, едва поздоровавшись со мной, когда я приехал из Москвы, Рахмет гордо сообщил, что хлеба у них в колхозе посеяно так много, что хватит до нового урожая.

Летняя жара в степи доходит до 40° в тени, дождей почти не бывает, в иное лето, с июня до сентября, не выпадает ни одного дождя, посевы приходится поливать, отводя воду от реки или пруда особыми канавками — арыками. Удобной для хлебопашества и огородничества земли в Тургайской степи много,— была бы только вода.

Последние годы происходит общее усыхание водоемов области [1]; там, где

[1] Эти усыхания бывают периодически и затем сменяются обычно общим увлажнением.

...и вьючат на верблюдов.

недавно в зеленых камышевых берегах на километры тянулись глубокие прозрачные речные плесы, теперь все сухо.

Я проезжал через озеро Челкартениз, показанное на всех картах большим синим пятном; пятнадцать лет назад мой знакомый охотился здесь за розовыми голенастыми фламинго; при мне над сухой равниной — дном озера — ветер гонял тучи темной пыли, по потрескавшейся земле ползали ящерицы, и лишь всюду валявшиеся ракушки говорили о том, что раньше здесь была вода.

Совсем недавно стали казахи готовить сено на зиму. За десятки километров едут теперь на сенокосы, и в горячем воздухе издали часто путаешь юрту с копной сена.

Осенью и зимой бригады охотников ходят за пушным зверем; из норок достают сонных тушканчиков, сусликов, ставят капканы на лису и волка. Зимой голодный волк бежит в аул, к жилью, иногда трусит ночью через широкую площадь в городе Тургае, наводя ужас на собак. Капканы для волков не закрепляют намертво: пусть зверь идет, волочит его за собой, цепляя за кусты, пусть крутится в исступлении на месте или грызет железо — скорее устанет, а по следу капкана его найдет любой мальчик. Если же укрепить капкан, то зверь отгрызет ущемленную лапу и на трех уйдет в степь. Волка бьют с седла лошади длинной палкой, попасть надо по носу; если промахнешься, волк прыгнет; хоть и в капкане, а может погрызть. Пушистый лисий мех идет казахам на малахаи — теплые шапки, закрывающие не только голову, но и шею, а иногда и плечи; в таком малахае не проберет никакой мороз (они бывают до 40°), нестрашен никакой буран.

В самых далеких аулах, где раньше население при приезде русских пряталось на всякий случай, а для переговоров оставался древний седой старик, в таких вот аулах белозубые черноглазые ребята в красных пионерских галстуках безбоязненно окружали наши машины, медленно, по складам, читали написанные на бортах автомашины слова «Академия наук». Эти ребята спешат по утрам с портфельчиками в школу пешком или едут, усевшись втроем — вчетвером на неоседланную лошадь.

Упало теперь торговое значение таких городов, как Иргиз, Тургай. Железные дороги, прошедшие к западу и востоку от Тургайских степей, связали Среднюю Азию с Западной Сибирью и Европейской частью СССР; опустели караванные пути, почту гоняют не на тройках с колокольцами, а возят на серебристых самолетах, рокочущих высоко над степью. В город Тургай — в самый центр степей, где в неравной борьбе с врагами изнемогал Амангельды, ежедневно прилетает из областного центра — Кустаная — самолет. По пути он делает посадку в городе Амангельды.

Мы стояли на площади города Амангельды. Заходило солнце, в воздухе висела пыльная муть. Наши машины окружало плотное кольцо любопытных: к автомобилю здесь пока привыкли меньше чем к самолету. Знакомый казах-коммунист жадно расспрашивал, каковы результаты наших исследований.

— Производство нам надо,— говорил он.— Вот, Караганда, Джезказган, Балхаш — хорошо, большое производство строят. В Тургайской степи тоже надо производство, тогда аульные люди быстро расти будут, культурные станут.

Потом мы сели в машину и поехали. Вокруг города были густо разбросаны колхозы; на всех дорогах пылили возвращавшиеся домой стада, и шофер то и дело трубил перед сомкнутыми рядами овец с огромными курдюками [1]. Рахмет высовывал из кузова свое розовое в лучах заходящего солнца лицо и кричал нараспев что-то весело и громко.

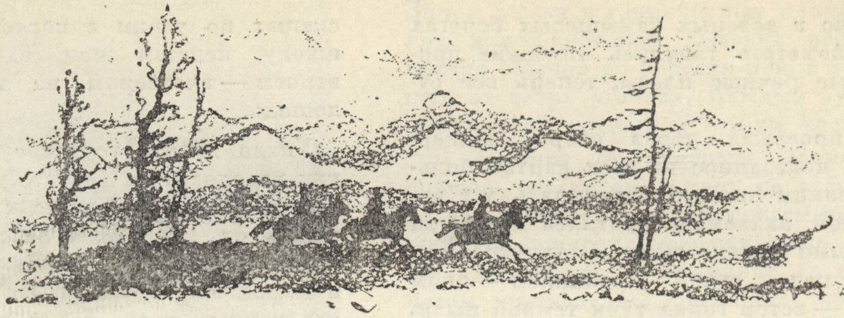
— Ты что, Рахмет?

Переводчик (Рахмет очень мало знает по-русски, а я мало — по-казахски) ответил:

— Песню поет: «Амангельды, ты не зря умирал, мы идем по твоим следам, Амангельды, великий богатырь».

---

[1] Накопление сала в хвосте овцы; у некоторых пород курдюк весит 8—10 килограммов.

Письмо из Гродекова

Я живу на Дальнем Востоке, в самой южной части его — Приморском крае. Если бы не холодное течение из Охотского моря и ветры из Манчжурии иногда ураганной силы, этот край был бы таким же теплым, как Черноморское побережье Кавказа. Буйно росли бы кипарисы, пальмы, мандарины, цвели бы магнолии...

И все-таки, когда говорят о нашем Приморье, его законно называют цветущим краем.

Вы, конечно, слышали о Гродекове. Помните, вскоре после того, как герои Хасана сбросили самураев с высот Заозерной и Безымянной, разгромили врага, японцы, озверев от неудачи и позора, попробовали было снова укусить советских пограничников, но уже в другом месте — в районе Гродекова. И здесь, в бою на других высотах, пограничники снова проучили взбесившихся самураев.

Всему Союзу известно Гродеково и погранзастава имени погибшего красноармейца Котельникова, известны всем имена Героя Советского Союза Бамбурова, депутата Верховного Совета РСФСР орденоносца Юдина и много-много других имен наших славных героев-гродековцев. Известен даже местный четвероногий друг пограничников пес «Индус»— прообраз «Джульбарса», — задержавший десятки перебежчиков.

...Раннее мартовское утро. За окном моей комнаты звонко процокали копыта лошадей. Кто-то настойчиво постучал в мое окно. Еще заспанный (с трудом привыкаю жить по местному времени: в Москве в это время глубокая полночь), я вышел на крыльцо.

Мои новые боевые друзья—майор Мудров и лейтенант Афанасьев— привели для меня оседланную лошадь. Словно застывшие темнозеленые волны, по сторонам и впереди тянутся сопки. Мы сворачиваем с дороги и дальше скачем друг за другом по узкой каменистой тропе. Густой низкорослый дубняк, не потерявший за зиму прошлогодней листвы, бьет по ногам. На южных склонах сопок он переплетается с диким виноградником, и пройти через этот природный «плетень» невозможно.

Солнце поднялось выше. Раза три за это утро прямо из-под ног моего «Дружка» поднимались фазаны и пролетали так близко, что, казалось, стоит только протянуть руку и коснешься длинного веерообразного хвоста птицы. Их здесь масса. Все столовые в Гродекове завалены фазанами. Охота на них, кстати сказать, так интересна и заманчива, что все, кого я ни встречал здесь, — охотники.

Гродеково — украинское село: белые хатки, садики, плетни с кувшинами, и колхоз здесь украинский. Еще в середине прошлого столетия образовалось это селение из ссыльных украинцев. Потомки борцов за народную правду сохранили все лучшие украинские обычаи и родной язык.

Тропа наша пересекает поле. Возле небольшой речки колхозная повозка, дымит костер. Два мужских голоса сильно и звонко распевают: «Распрягайте, хлопцы, кони...»

— Добрый день, хлопцы! — окликаем мы колхозников.

— Сидайте к нам!..

Рядом с повозкой ведро холодного кваса. Мы сходим с лошадей и пьем его с жадностью, утоляя жажду.

Отсюда почти начинается граница. Со всех сторон окруженная сопками, проходит низина, называемая здесь падью. Цепь манчжурских сопок раскинулась перед глазами. На самой высокой из них японский командный пункт. Сколько раз отсюда японские генералы спускали свои своры на нашу территорию, но каждый раз провокаторы войны получали по зубам!

По тропам и дорогам вдалеке бродят японские солдаты, перетаскивают бревна. По дороге пропылила автомашина и остановилась. Из кузова вышел сутуловатый плотный мужчина и махнул рукой. К нему подошла группа солдат и замерла.

Кони наши прядут ушами. Я еле сдерживаю волнение. Наши сопки, как зеркало, повторяют волнистые очертания сопок по ту сторону границы. Легкий ветер из Манчжурии пригибает к земле высокую прошлогоднюю траву. Здесь, всего лишь в нескольких десятках метров от нас, страна насилия, пыток, рабства. Рубеж отделяет ее от страны свободы, мира, радости — от великого Советского Союза.

Не могу скрыть, ребята, перед вами, в эти минуты я ощутил настоящую гордость: вот сюда, к этой огромной, хотя и незаметной для взгляда, пропасти, делящей два мира, меня послала родина, доверив вместе с моими друзьями охрану ее границ. А как широка и необ'ятна наша страна! Десять дней и ночей мчал меня сюда курьерский поезд. В окне вагона промелькнули заросшие елками Уральские горы, шахты, рудники, каменоломни. Несколько суток ехал я по Сибири, степь сменялась тайгой, габи — лесом, новые города поднимались к нам навстречу из-за горизонта. Дымились трубы, гудели гудки. И еще через несколько суток за холодным окаймленным кедрами Байкалом, за дальневосточными сопками я впервые увидел волны Тихого океана, темносерые с пышными барашками пены.

Мы далеко от Москвы, но не ощущаем отдаленности. Москва не забывает нас. Все дороги страны выходят на Красную площадь.

С бойцами-дальневосточниками живет в думах, песнях, желаниях наш вождь, друг и отец товарищ Сталин. Мы, дальневосточники, окружены его вниманием и любовью! Часто вспоминаем Москву. Мысленно гуляя по ее широким, залитым асфальтом улицам, смотрим на кремлевские башни с рубиновыми звездами...

Лошади круто поднимаются вверх. Тонкой змейкой уползает южная часть железной дороги. Вдалеке, в редкой туманной дымке, виднеется манчжурская станция «Пограничная». Слышны гудки паровозов. За поворотом продымил поезд, он приближается к «Пограничной». Если бы мы смогли хотя бы на минуту перенестись в вагоны этого поезда, то увидели бы там перепившихся рисовой водкой офицеров. Они едут из Токио, мечтая о большом походе в СССР. Бесплодные мечты посрамленных вояк!..

Мы переезжаем небольшой перевал. Длинными цепями летят к нам журавли, гуси, утки. Сейчас начало весеннего перелета. Я еще никогда не видел такого множества птиц. Они летят к нам, если можно так сказать, целыми армиями, бригадами, полками и своим курлыканьем, клекотом словно приветствуют первых советских людей, встреченных на пути.

Майор Мудров долго глядит на небо:

— Ну, вот, скоро зацветут сопки.

Мои друзья, об'ездившие весь Союз, уверяют, что нигде нет такой прекрасной весны, как в Приморье. Здесь все цветет. Цветут сады, луга, поля. На крутых склонах сопок колышутся тюльпаны, розы, лилии. Много здесь таких цветов, которые только и встретишь в Приморье.

Вечереет. Мы возвращаемся в Гродеково.

Вдалеке, возле заставы имени Котельникова, слышны частые пулеметные выстрелы. В Гродекове я узнал, что только что закончился небольшой бой с самураями. О подобных стычках вы часто читаете в газетах, ребята, и знаете, чем они кончаются для японцев...

Чистые, белые хатки Гродекова тонут в сумерках. На небольшой площади, огороженной новым деревянным забором, белеет памятник погибшим бойцам-пограничникам.

Здесь же, у памятника, могилы Котельникова и его славных, павших смертью храбрых товарищей. Венки, любовно свитые из свежих кедровых и сосновых веток, лежат на могилах. Скоро на этих дорогих могилах будут венки из нежных весенних цветов. В этих венках, сплетенных гродековцами, — глубокая, сердечная любовь народа к своим верным сынам, отдавшим жизнь за нашу родину. Мы, если нужно будет, повторим славные подвиги своих братьев. Так же, как и они, будем громить врага.

2 апреля 1939 г.

Михаил Спиров

Первая Отдельная Краснознаменная армия

Фото Мих. Прехнера.

На реке Уссури. Пограничники.

Ручей на станции Лосиноостровской

М. Дурденевская

Член общества «Компас» Сергей Кустов прислал следующее описание ручейка у станции Лосиноостровской (около Москвы):

«В полкилометре от нашего дома протекает ручеек. Ширина его — около 50 сантиметров. Он с каждым годом все более и более пересыхает. Долина ручейка раз в десять больше его — около 5—6 метров в ширину. Весной ручеек разливается, но все же всю долину не заполняет. Мне помнится лишь один случай, когда он заполнил всю свою долину: это было летом 1936 года, после очень сильного ливня.

Но самое любопытное — это то, что ручеек и его долина находятся в другой широкой долине метров 300 шириной. На берегах этой долины растет лес, а на дне — густая трава. До 1935—1936 года долина вся была заболочена, но теперь верховое болото пересохло, остались лишь кое-где небольшие мокрые участки. Вниз по течению ручейка большая долина и сейчас сплошь заболочена, а берега долины ручейка, как насыпанный вал, возвышаются над уровнем болота и остаются сухими. Почва большой долины торфяная».

Сережа полагает, что большая долина вырыта также рекой, и просит об'яснить, как это произошло. Отвечаю ему через журнал, потому что такие «вложенные друг в друга долины» встречаются весьма часто и представляют большой интерес: по ним можно проследить историю местности.

Такие долины образуются так. Представим себе, что на земной поверхности образовалась река. В местности, которую описывает Сережа, это произошло давно — тогда, когда стаял великий ледник, покрывавший весь север СССР. После его вытаивания местность оказалась покрытой весьма толстым и неровные слоем морены (глины с камнями), принесенной ледником из Финляндии и Карелии. Во впадинах этой морены застаивались дождевые и талые весенние воды, образуя озера (рисунок 1). Но воды не только застаивались: они наполняли и переполняли впадины, вы-

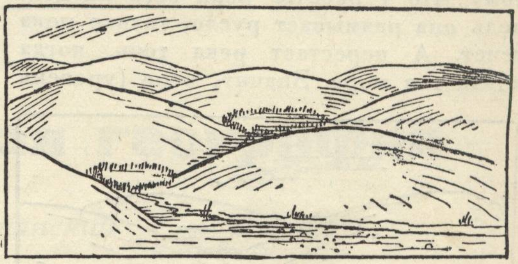

Рис. 1. После стаивания ледника.

текали из них и текли по земной поверхности, соединяясь друг с другом и образуя ветвистую сеть ручьев и речек. Речки эти сливались друг с другом и, образовав большую реку, после долгих странствий впадали в море. Тут наступал конец их путешествию: вода их смешивалась с морской водой и переставала течь.

Все эти ручейки и речки, конечно, размывали свои русла: отрывали песчинки и пылинки и тащили с собой вниз по течению. Русла речек углублялись. Образовывались речные долины, сначала молодые и узкие, похожие на свежие овраги (рисунок 2), затем стенки этих долин осыпались, становились пологими, как у старых оврагов. К этому времени речки уже успевали выравнять свои русла: они спустили озера, срезали все ступеньки и пороги. Прои-

Рис. 2. Молодая речная долина.

зошло это потому, что в крутых местах — в ступеньках русла — течение реки быстрее и размывание дна реки идет поэтому сильнее чем в пологих. Понятно, что в конце концов ступенька будет срезана. Речки приобрели зрелый вид (рисунок 3).

Одновременно с этим они почти перестали углубляться. Почему? Да потому что у работы реки есть предел: ведь она размывает русло, только пока течет. А перестает река течь, когда впадает в море. Значит, море (уровень

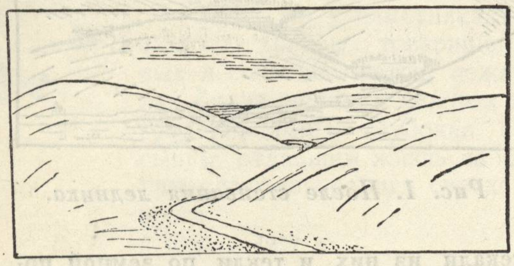

Рис. 3. Зрелая река.

воды в нем) и является тем пределом, до которого она может углубиться у самого своего устья. А выше по течению она стремится к этому пределу, но чем ближе подходит к нему, тем медленнее становится течение, тем слабее размывание.

Чем бы кончилась работа рек, если бы земная кора была неподвижна, мы не знаем, но в том-то и дело, что земная кора *не* неподвижна: она постоянно то поднимается, то опускается. Поэтому никто и нигде на земле не видел еще такой реки, которая от истока до устья течет на уровне моря, хотя рек с медленным течением и пологим падением сколько угодно. Эти реки почти не углубляют свои русла, зато сильно размывают свои берега: они блуждают и извиваются по долине, подмывая то правый, то левый берег; они меняют свое ложе, перекидываясь с одного места на другое и оставляя на прежнем месте озера — старицы. Долина реки от всего этого расширяется. Такую блуждающую реку называют обыкновенно старой (рисунок 4).

Так образуются широкие долины, так образовалась и 300-метровая долина, описанная Сережей.

В дне широкой долины ручей вырыл себе новую, узкую и молодую долину. Случилось это, очевидно, потому, что он снова получил способность углублять

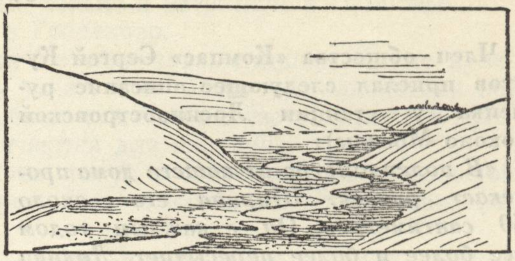

Рис. 4. Старая река.

свое русло. Про такие реки обыкновенно говорят, что они ожили или омолодились. А бывает это тогда, если местность, где они протекают, поднимается или если водоем, куда они впадают, понизит свой уровень.

Посмотрите на карту: вы увидите, что наш ручей впадает в Москву-реку, Москва — в Оку, Ока — в Волгу, Волга — в Каспийское море. А уровень Каспийского моря на 26 метров ниже общего уровня всех морей. А было когда-то время, что Каспий соединялся с Черным морем и уровень у них был одинаков. Об этом свидетельствуют отложенные на берегах их морские осадки.

Значит, водоем, в который в конце концов впадает наш ручей, понизил свой уровень. Можно думать, что это понижение и вызвало усиление размыва и выработку новой долины, но утверждать это наверное я не могу: слишком далек путь до Каспия, и я не знаю, нет ли по дороге каких-либо передвижек земной коры.

Остается еще об'яснить, отчего заболотилась большая долина и отчего «берега долины ручейка, как насыпанный вал, возвышаются над болотом».

Непосредственные наблюдения показывают, что многие реки во время половодья строят себе береговые валы. Происходит это так: мутная вода с большим количеством глины и песка переполняет русло реки и заливает ее берега. На берегах она течет тонким слоем, течение ее сильно замедляется

от трения о траву и кусты. Муть оседает главным образом на самом берегу, где она «процеживается» сквозь растительность, прежде чем разлиться по долине. В результате нарастает вал. Вал этот, особенно если он глинист, препятствует стоку дождевых вод в реку — они застаиваются в долине и заболачивают ее. Если у берегов долины выходят слабые ключи, их вода тоже задерживается и еще больше увеличивает заболоченность местности.

Занимательная география

С. Варжанский

БЕГ НА МЕСТЕ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Земной шар, наподобие гигантского волчка, с огромной быстротой вращается вокруг своей оси. В этом движении земли (за исключением лишь математических точек полюсов), конечно, участвует каждая точка ее поверхности. Однако линейная скорость вращения земли на разных параллелях неодинакова. На экваторе она наибольшая, а чем ближе к полюсам, тем она становится все меньше.

Каждая точка, находящаяся на экваторе, должна за сутки пройти круг длиною в 40 076 километров, и она мчится с быстротой около 28 километров в минуту; точки, находящиеся под тропиками, описывают круги длиной в 36 778 километров и движутся с быстротой 25,5 километра в минуту; точки, находящиеся на полярных кругах, пробегают уже гораздо меньшее расстояние и движутся с быстротой, немного превышающей 11 километров в минуту.

Взяв несколько пунктов, расположенных на разных широтах: гору Рувенцори, лежащую в Африке под экватором, Каир на 30° северной широты и Ленинград на 60° северной широты, находящиеся все на одном и том же 30-м восточном меридиане, — мы можем себе представить фантастическую картину «бега на месте» отдельных точек поверхности, непрерывно происходящего на нашей планете.

Медлительный дикий слон, пасущийся на экваторе, у подножья Рувенцори, перемещаясь в мировом пространстве с быстротой 28 километров в минуту, легко «обгоняет» и быстрых антилоп, находящихся в окрестностях Каира, и стремительно несущийся по Октябрьскому проспекту в Ленинграде автомобиль, потому что каждая точка на 30° северной широты, на которой расположен и город Каир, движется с быстротой 24,1 километра в минуту, а каждая точка на 60° северной широты, на которой находится и Ленинград, перемещается с быстротой около 14 километров в минуту.

ОБЕД В 3201-м ЧАСУ ДНЯ

Почти все человечество живет в таких поясах земного шара, где время легко увязывается с точными периодами вращения земли вокруг своей оси и одновременно вокруг солнца. Людям, живущим в этих поясах, все ясно и понятно: состоящие из дня и ночи сутки длятся 24 часа, а различия в продолжительности дней и ночей в разные времена года не так уж велики. Правда, на 60° северной широты, например в Ленинграде, один июльский день тянется 18½ часов, а одна декабрьская ночь — тоже

18½ часов, но все это укладывается в рамки 24-часовых суток.

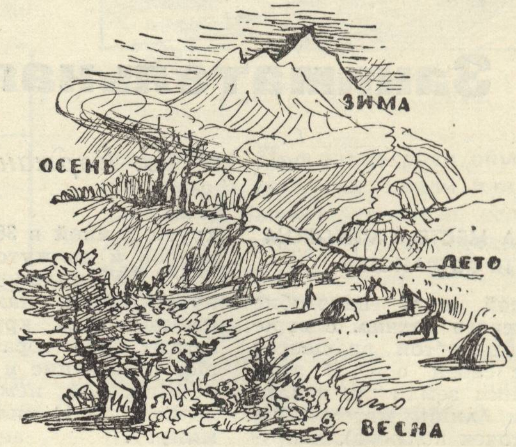
Совсем иначе выглядит продолжительность дней и ночей за полярными кругами, особенно под крайними высокими широтами. Здесь, начиная уже от 70° северной или южной широты, дни и ночи тянутся по несколько тысяч часов.

При таком положении нет ничего удивительного, если люди, живущие на 80-й северной параллели, где продолжительность дня составляет 3216 часов (на Шпицбергене, в Гренландии и т. п.), в сентябре усаживаются обедать, считая по нашим часам, в... «3201-м часу дня».

ГДЕ МОЖНО НАБЛЮДАТЬ СРАЗУ ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА!

Во многих горных странах, например у нас на Кавказе, в Швейцарии и других, поднимаясь к вершинам высоких гор, можно в один и тот же день встретить все четыре времени года. В альпийских долинах внизу — весна: зеленеют поля, цветут цветы на каштановых и других деревьях. Тут же неподалеку, но в местах, более защищенных от ветра и обращенных к солнцу, — лето: идет сенокос, а несколько далее жители собирают жатву с полей и виноград в виноградниках. Чем выше, тем холоднее: попадается поблекшая, поредевшая растительность и груды обнаженных камней — здесь все напоминает осень. Еще повыше осень сменяется зимой: вдали сверкают ледники и снег падает в то время, когда внизу всеми красками сияют лето и весна.

Географическая игра

НОЛЬ ШИРОТЫ И НОЛЬ ДОЛГОТЫ

Рано утром из находящегося на западном берегу Африки порта Лоанды вышел небольшой пароход «Виктория». Держа путь к Европе, он сразу же пошел курсом на северо-запад.

Спустя несколько часов после отплытия поднялся сильный югозападный ветер, небо заволоклось тучами, и постепенно разыгралась жестокая буря. Небольшой пароход с трудом выдерживал напор яростных волн: когда же испортились машины и рулевое управление, ветер весь остаток дня и всю ночь до рассвета гнал по волнам разбушевавшегося океана и подбрасывал, как щепку, небольшой пароходик. «Виктория» пострадала настолько, что добраться до ближайшего порта без посторонней помощи у нее не было никаких шансов. Поэтому, как только капитану и штурману удалось точно определить местонахождение парохода, радист немедленно отправил в эфир радиограмму: «Пароход «Виктория» английской компании Ллойд, регистр — 043422, терпит жестокое бедствие. Координаты потерпевшей аварию «Виктории» 0 широты и 0 долготы»...

Поблизости плыл большой советский пароход, и он поспешил к месту, где находилась «Виктория». Вскоре он добрался до нее и взял на буксир.

Разыщите на карте место, где был спасен пароход «Виктория». За правильное указание — 10 баллов.

ДАЛЕКО ЛИ ОТ МОЕГО ДОМА ДО ПОЛЮСА

Каждый, кто усвоил принципы и назначение градусной сети, может это легко установить. Для этого достаточно знать географическую широту города, поселка или колхоза, в котором вы живете, и раз навсегда помнить, что длина одного градуса широты (по меридиану) составляет приблизительно 111 километров, а длина одной минуты равна 1,85 километра. На основании этих данных дальнейшие подсчеты очень просты. Например Киев находится на 50°27′ северной широты, или на расстоянии 39°33′ от северного полюса. Переведя это расстояние в километры, мы узнаем, что Киев находится от Северного полюса на расстоянии 4390 километров (39°×111+33′×1,85). Таким же способом можно вычислять расстояния «от своего дома до экватора». Определите, на каком расстоянии ваш дом находится от Северного полюса и от экватора.

За правильные определения — 20 баллов.

Фонд Географического Общества.

Алеша Сысоев (Москва) прислал описание и карту реки Черной, Московской области:

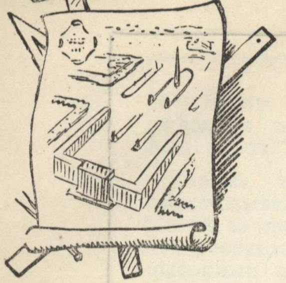
— Река Черная образована двумя речками: Вьюнкой и Чернавкой,—а сама Черная, сливаясь с рекой Пахоркой, образует более крупную реку, Пахру. По правому берегу Черной леса, слева — луга — все это дачные места. На берегу реки Черной, около деревни Марусинки, есть много холмов. Ученые предполагали, что это могилы древних славян, но, произведя раскопки, выяснили, что это могилы французских солдат, погибших во время похода Наполеона на Москву. Около холмов есть родник, названный Громовым. По преданию, в это место ударила молния и образовался родник, потому он так и называется. В земле около реки Черной есть глина, из которой делают краску.

Валя Яновский (город Белгород) рассказывает историю своего города.

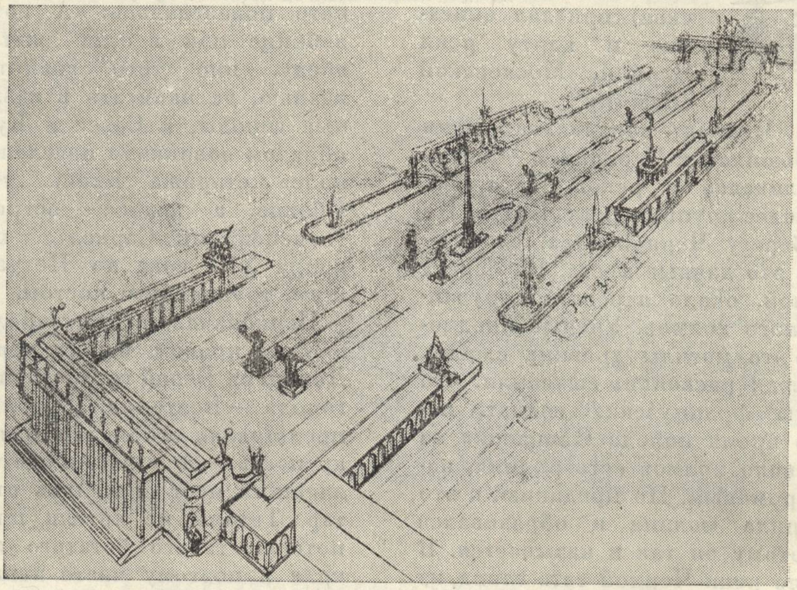
Белгород построен в 1593 году. Еще до Ивана Грозного южной границей русского государства был берег средней Оки, но постепенно русские все далее и далее продвигались за Оку, в «дикое поле». Долго не могли они оседло утвердиться в «диком поле», потому что в этих местах пролегали «шляхи», «тясьмы» и «сакмы», по которым вторгались в Русь ордынцы. Тогда Иван Грозный решил занять эту часть «дикого поля» войсками и построить укрепленную границу. В наиболее важных местах поставили города, а между ними на открытых местах построили валы, в лесах — засеки, а на бродах через реки — укрепления. Указом Грозного повелевалось: «А который в жалобнице или в суде лжет и составит ябеду, ино того казнити торговой казнью, да написати в казаки в украиные города, в Севск и Курск». Таким образом возникали поселения: в «диком поле» сторóжа Яхань, теперь город Обоянь, а южнее — острог Белгород (печенежский Саркел), считавшийся с конца XVI века до Петра I опаснейшим, труднейшим постом.

Первоначально Белгород был основан на правом берегу реки Северный Донец, на Белой горе, откуда и название города — Белгород. Древний Белгород представлял собою почти неприступную крепость, за стенами которой жители здешних мест спасались от набегов татар. Татары не хотели примириться с потерей такого богатого и обширного края и поэтому часто нападали на пограничные города. В 1600 году на Белгород напали сильные отряды татар, но взять его им не удалось. В 1604 году Белгород подвергся нападению полков Лжедимитрия I, а в 1626 году отряды литовцев напали на город, взяли его приступом и разгромили, не оставив камня на камне. После этого Белгород переносится на левую сторону Северного Донца. Наконец, в 1665 году город переносится опять на правый берег Донца. Здесь Белгород находится и сейчас. При Петре I Белгород делается провинциальным центром и приобретает важное торговое значение, так как через него проходит путь на Воронеж. При Екатерине II, когда к России были присоединены Крым и Новороссия, значение Белгорода падает. Сейчас Белгород является крупным железнодорожным узлом Южной железной дороги. Значение его возрастает в связи с открытием громадных богатств железной руды на территории Курской области.

Строим город на Дальнем Востоке

Игру «Строим город на Дальнем Востоке» мы продлили до первого августа, но заметки, рисунки, планы нужно прислать раньше, чтобы мы успели напечатать их в ближайшем номере журнала. Ждем от читателей писем, рисунков, предложений по постройке и планировке нового города.

Общий вид центральной площади городка физкультуры на одном из островов нового города. Проект Вали Степанова.

Экскурсия в новый город

Это было накануне Первого Мая. Я проснулся в шесть часов утра. Бодро соскочил с кровати, подбежал к радиоприемнику и быстро поймал «Коминтерн». Комната наполнилась звуками веселого марша. Диктор начал зарядку, и я стал выполнять упражнения.

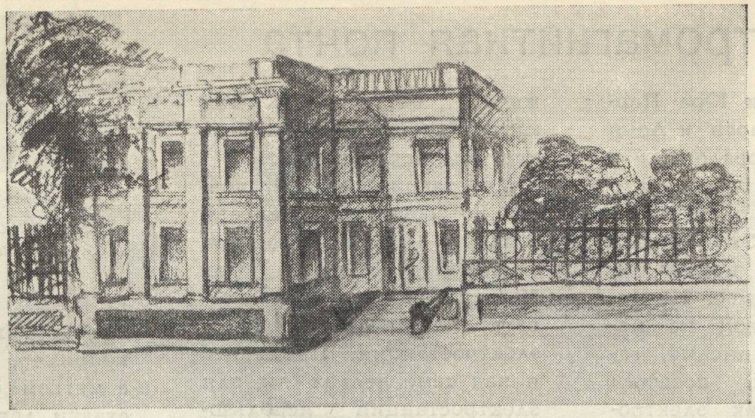
После завтрака я вышел на балкон, уселся в удобное кресло и стал любоваться работой дворника, который поливал цветы.

«Куда бы мне поехать в первомайские дни?» — подумал я. И тут замечательная мысль пришла мне в голову: я твердо решил провести праздник в нашем новом городе, на Дальнем Востоке.

Утро 30 апреля меня застало в поезде. Я сделал гимнастику, оделся и подошел к окну. Навстречу экспрессу бежали стройные сосны, мелькали пригородные постройки. Я высунулся в окно и вскрикнул от удивления. Я увидел великолепный вокзал, украшенный цветами и зеленью.

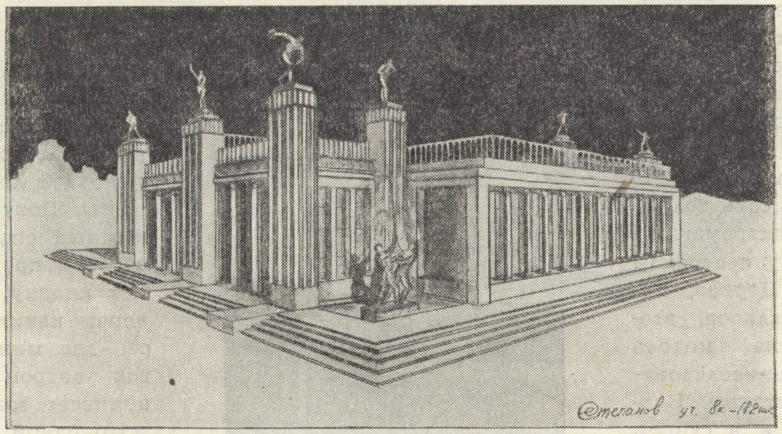
Я сошел с поезда и стал осматривать вокзал. Он был сделан из разноцветного мрамора.

Осмотрев вокзал, спустился на эскалаторе под землю, сел в вагон метро и поехал в гостиницу. Когда я подходил к двери моего номера, кто-то меня окликнул. Я обернулся. Это был мой старый приятель — комсомолец Сергей Николаев. Не говоря ни слова, он взял меня за руку, вывел из гостиницы и посадил в автомобиль. Не прошло и десяти минут, как мы были на аэродроме и сидели в самолете. Мы летали не больше получаса, но я успел увидеть за это время много инте-

Проект жилого дома на две семьи. Такие дома мы будем строить на окраине города. Около дома разбит садик с мичуринскими фруктовыми деревьями.

ВОЛОДЯ ИВАНОВ

Это проект водной станции, которую я предлагаю построить в городке физкультуры. Здесь будет три бассейна для общего пользования и один специально для больших состязаний. В зимнее время помещение водной станции может быть легко превращено в лыжную базу.

ВАЛЯ СТЕПАНОВ

ресного. Я хотел обо всем, что видел, написать в дневнике, но Сергей отвез меня в кабинет звукозаписи, и там я, сидя на диване, рассказал о своих первых впечатлениях о новом городе. Рассказ был записан на пленку. Вечером ко мне в гостиницу пришел Сергей и принес пластинку.

— Послушай,— сказал он и завел патефон.

Я услышал свой голос.

«Город мне очень понравился,— говорила моим голосом пластинка.— С самолета он очень красив. В центре города Дворец пионеров и школьников, вокруг него расположены красивые постройки. Далее — кольцо парков и садов. На небольшой площади среди домов я увидел площадку. На высоких подставках стояли большие прожектора. По вечерам они заливают город морем света.

Мы летели на небольшой высоте, и я имел возможность любоваться нашим новым городом. Здания в новом городе облицованы мрамором и гранитом. Через реку перекинуто несколько очень широких и красивых мостов.

Трамваев в городе нет. Курсируют троллейбусы, автобусы; прекрасное метро. В Москву поеду дня через два, за это время осмотрю весь город. Здесь так хорошо, что не хочется отсюда уезжать».

По предложению Сергея я эту запись отослал в Москву своим товарищам. А сам решил остаться в городе еще на несколько дней.

Борис Иванов

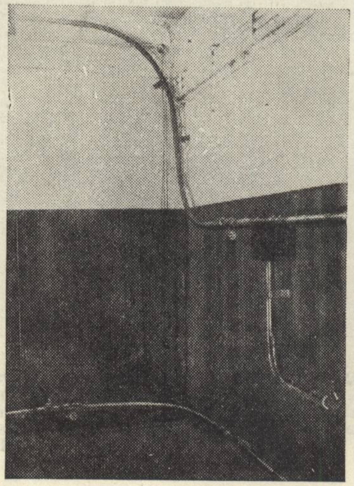
Электромагнитная почта

Юные техники Юра Церков, Шура Косарев и Леня Светлославов предложили в № 4 «Пионера» построить в новом городе электромагнитную почту. Это предложение очень ценное и вполне приемлемое. Ни одно средство связи не может доставить письма, газеты, журналы, посылки так быстро, как электромагнитная почта. Такой почты у нас в стране еще нет. Нет ее и в других странах.

Соленоиды, при помощи которых бежит патрончик по трубкам электромагнитной почты, известны давно. Но для переброски корреспонденций они еще никогда не применялись. Сейчас у нас в стране есть только две модели электромагнитной почты. Одну построили юные техники Церков, Косарев и Светлославов, вторую — мы. Наша модель одобрена Научно-исследовательским институтом Наркомата связи, и в скором времени по ее образцу будет оборудована электромагнитная почта на Московской междугородней телефонной станции. Маленькие патрончики будут разносить по трубкам квитанции заказов.

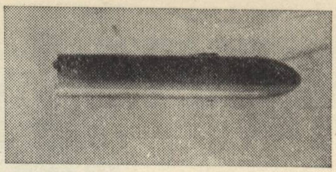
Пока мы сконструировали такую электромагнитную почту, которая может доставлять легкие квитанции, и то только внутри здания. Вы же хотите, чтобы электромагнитная почта обслуживала весь город. Тут юным конструкторам есть над чем поработать.

Для такой большой почты потребуется отдельная мощная электростанция. Ваш город стоит на реке. Подумайте, как использовать силу реки для этой электростанции. Подумайте и над тем, нельзя ли для электростанции использовать ветер. От мощности электростанции будет зависеть работа вашей почты. Если у вас будет мощная электростанция, вы можете сделать соленоид, который будет толкать десятки килограммов грузов, а патрон будет развивать скорость до 600—800 километров в час.

Модель электромагнитной почты.

Но не только почту и грузы может переправлять электромагнитная почта.

Металлический патрончик электромагнитной почты.

Ее можно использовать и для других целей. Можно, например, сделать патроны с мягкой обивкой для доставки лекарств с фабрики в аптеку.

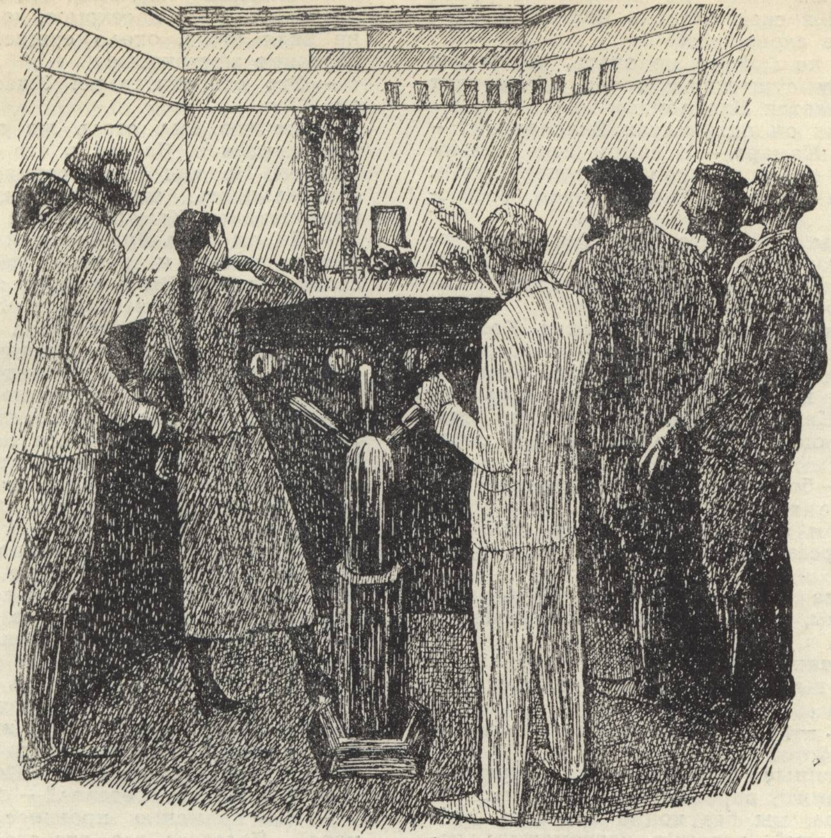
Имея электропочту, вы в своем городе можете построить магазины, все товары которых будут находиться в подвале и холодильниках. За прилавком такого магазина будет стоять продавец. На стене, где обычно лежат товары и продукты, будут лежать только образцы. Покупатель выберет нужный ему товар, скажет об этом продавцу, тот нажмет кнопку, и из кладовой через каких-нибудь полторы—две минуты на прилавок патрон электропочты принесет товар.

Но одной электромагнитной почты для обслуживания такого большого города, который вы собираетесь строить, недостаточно. Вы должны подумать и о других видах связи. Трудно себе представить новый социалистический город без телефона, телеграфа, бильдаппарата или телевизора.

Думайте, ребята, изобретайте, а мы всегда вам поможем своим советом.

Изобретатели Н. Н. Волков и А. Ф. Головацкий

□□□

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

Жюль Верн

(Продолжение)

Перевод с французского А. Волкова *Рис. П. Митурича*

VI. Марсель Камарэ

Беглецы последовали за Марселем Камарэ. Он провел их в огромную комнату. Здесь царил беспорядок: расставленные как попало стулья были завалены книгами и бумагами; у одной стены был чертежный стол; библиотека занимала три остальные. Марсель Камарэ спокойно сбросил со стула пачку бумаг и сел. Гости последовали его примеру, только Тонганэ и Малик почтительно стояли.

— Чем могу служить? — спросил Марсель Камарэ; казалось, он находил это необычное вторжение вполне естественным.

Беглецы жадно рассматривали человека, в чьи владения они так смело ворвались, и вид его их успокоил. Его рассеянность и «отсутствующий» вид не были в противоречии с очевидной честностью этого человека, несформировавшийся организм которого напоминал организм подростка. Собственник этого высокого лба и ясных глаз не мог принадлежать к тому же моральному типу, как Гарри Киллер.

— Господин Камарэ, — ответил Барсак, — мы просим вашей защиты.

— Моей защиты? — повторил Камарэ с легким удивлением. — Но, боже мой, от кого?

— От хозяина, вернее, от деспота этого города, от Гарри Киллера.

— Гарри Киллер? Деспот? — снова повторил Камарэ, который, казалось, ничего не понимал.

— Разве вы этого не знаете? — спросил изумленный в свою очередь Барсак.

— Честное слово, нет!

— Но вы не можете не знать, что у вас по соседству существует город и что этот город называется Блекландом?!

— Ага! Так он называется Блеклaндом? — воскликнул Камарэ. — В самом деле, неплохое имя. Я этого не знал, но теперь знаю, раз вы мне сказали. Мне, впрочем, безразлично.

— Если вы не знаете названия этого города, — с иронией сказал Барсак, — я думаю, вы все же знаете, что в нем обитает достаточно многочисленное население?

— Конечно, — безмятежно ответил Камарэ.

— А управление Блеклaндом всецело находится в руках Гарри Киллера, бандита, жестокого и кровавого деспота, безумца.

Марсель Камарэ поднял на Барсака свои до сих пор опущенные глаза. Он был поражен.

— О! О!..— бормотал он растерянно.— Вы употребляете такие выражения...

— Слишком слабые! — продолжал разгоряченный Барсак. — Но позвольте вам представиться.

Оставив за Жанной Бакстон избранный єю псевдоним, он назвал своих товарищей и себя.

— Назначенные французским правительством... Но вы, конечно, француз, господин Камарэ?

— Да, да... — равнодушно пробормотал инженер.

— Назначенные французским правительством выполнить определенные поручения в петле Нигера, мы без конца боролись против препятствий, которые нагромождал перед нами Гарри Киллер.

— С какой же целью? — заинтересовался Камарэ.

— С целью преградить нам путь к Нигеру, чтобы мы ничего не узнали о Блекланде, существования которого никто в Европе не подозревает.

— Что вы говорите? Невозможно, чтобы об этом городе не знали в Европе, куда возвратилось отсюда немало рабочих...

— И все же это так, — ответил Барсак.

Камарэ встал. Охваченный жестоким волнением, он стал ходить по комнате.

— Непостижимо! Непостижимо! — бормотал он.

Но его возбуждение длилось недолго. Успокоив себя усилием воли, он сел и сказал:

— Продолжайте, сударь, прошу вас.

— Не буду вас утомлять подробностями. Достаточно сказать, что люди Гарри Киллера похитили нас ночью и привезли сюда, где нас держат в плену вот уже полмесяца и угрожают казнью...

Кровь бросилась в лицо Марселя Камарэ, и взгляд его принял угрожающее выражение.

— Это просто невообразимо! — вскричал он. — Как! Гарри Киллер ведет себя таким образом?!

— Это — не все,— сказал Барсак и рассказал об убийстве двух негров.

Марсель Камарэ был потрясен. Ему пришлось, быть может, в первый раз, покинуть область чистой абстракции и столкнуться с действительностью. Как! Он, не решавшийся раздавить даже насекомое, долгие годы жил, не зная этого, около существа, способного на такие жестокости!

— Это отвратительно! Ужасно! — воскликнул он.

Ужас его был столь же велик, сколь и чистосердечен. Барсак и его спутники видели это. Но как было совместить эту чувствительность, эту моральную чистоту с присутствием Камарэ в этом городе?

— Гарри Киллер, — заметил Барсак, — конечно, имеет и другие преступления на своей совести. Вы о них не знаете?

— И вы осмеливаетесь предлагать мне такой вопрос! — запротестовал возмущенный Камарэ. — Никогда не выходя с завода, занятый изобретением удивительных вещей, я ничего не видел, ничего не знал...

— Если мы вас хорошо поняли, — сказал Барсак, — вы нам ответите на один вопрос. Нам кажется невероятным, чтобы этот город и окружающие поля были делом Гарри Киллера. Только подумать, что десять лет назад здесь был песчаный океан! С какою бы целью это ни было сделано, превращение поразительно! Но если даже Гарри Киллер и был одарен умом, его ум давно потонул в вине, и мы не могли себе об'яснить, как этот дегенерат сделался виновником таких чудес.

— Он! — вскричал Марсель Камарэ, охваченный внезапным негодованием. — Он! Это ничтожество! Этот нуль! И вы это думали?! Работа великолепная, но чтобы ее выполнить, нужен был не Гарри Киллер!

— Кто же ее проделал? — спросил Барсак.

— Я! — надменно произнес Марсель Камарэ. — Я создал все, что здесь есть. Я пролил благодатный дождь на сухую, сожженную почву пустыни. Я превратил ее в плодородные, зеленые поля. Я из ничего создал этот город!

Барсак и его товарищи обменялись беспокойными взглядами. Не попали ли они от одного безумца к другому?

— Если вы создатель всего, что мы здесь видели, почему же вы предоставили плоды ваших трудов Гарри Киллеру, не заботясь о том, что он из них сделает? — спросил доктор Шатоннэй.

— Когда вечное всемогущество бросает звезды в бесконечность, беспокоится ли оно о зле, которое может произойти? — гордо ответил Камарэ.

— Оно иногда наказывает! — пробормотал доктор.

— И я накажу, как оно! — уверил Камарэ, глаза которого загорелись беспокойным блеском.

Беглецы растерялись. Как можно надеяться на человека, может быть, и гениального, но, безусловно, неуравновешенного?

— Не будет ли нескромным, господин Камарэ, — спросил Амедей Флоранс, стремясь перевести разговор на менее рискованные темы, — спросить у вас, как вы познакомились с Гарри Киллером и как родился в вашем мозгу проект основать Блекланд?

— Пожалуйста, — кротко ответил Марсель Камарэ, успокаиваясь.— Проект — Гарри Киллера, выполнение — исключительно мое. Я узнал Гарри Киллера, когда участвовал в

одной английской экспедиции, которой командовал капитан Джордж Бакстон...

При этом имени все посмотрели на Жанну Бакстон. Она оставалась неподвижной.

— Тонганэ участвовал в этой экспедиции сержантом, и вот почему я сейчас узнал его, хотя с тех пор прошло немало лет. Я был приглашен в качестве инженера, чтобы изучить горы, реки и особенно минеральные богатства исследуемых областей. Отправившись из страны ашантиев, мы шли к северу два месяца, и тогда в один прекрасный день среди нас появился Гарри Киллер. Хорошо принятый нашим начальником, он вошел в экспедицию и больше не покидал ее...

— Не будет ли точнее сказать, — спросила Жанна, — что он мало-помалу заместил капитана Бакстона, которого скоро перестали видеть?

Камарэ повернулся к молодой девушке.

— Я не могу сказать... — нерешительно ответил он. — Занятый работой, я не заметил этих деталей и видел Гарри Киллера не чаще чем Джорджа Бакстона. Как бы то ни было, возвратившись после двухдневной отлучки, я уже не нашел экспедиции на том месте, где был до этого наш лагерь. Я не знал, куда направиться, но в это время встретил Гарри Киллера. Он рассказал, что капитан Бакстон вернулся к берегу и увел с собой бо́льшую часть людей. Я последовал за Гарри Киллером. В то время у меня было несколько интересных проектов. Киллер привел меня сюда и предложил их осуществить. Я согласился. Такова история моих отношений с Гарри Киллером.

— Позвольте мне, господин Камарэ, дополнить ваши сведения и сообщить вам то, чего вы не знаете,— серьезно сказала Жанна.— С того дня, когда Гарри Киллер принял участие в экспедиции капитана Бакстона, отряд превратился в шайку бандитов. Они сжигали деревни, убивали людей, распарывали животы женщинам, резали на куски детей...

— Невозможно!—возразил Камарэ.—Я был там, чорт возьми! И я ничего такого не видел.

— Вы десять лет не видели того, что происходило на ваших глазах. Увы! События, о которых я рассказываю, стали историческими фактами, они известны всему свету. Когда слухи о них достигли Европы, против мятежного отряда Джорджа Бакстона были посланы солдаты, и отряд был уничтожен. В тот день, когда вы никого не нашли в лагере, Джордж Бакстон был мертв.

— Мертв! — повторил остолбеневший Камарэ.

— Джордж Бакстон был убит. Но убит не солдатскими пулями, как думали до сих пор. Вас сейчас обманули. Меня зовут не Морна. Я Жанна Бакстон, сестра вашего старого начальника. Я прибыла в Африку, чтобы найти доказательства невиновности моего брата, обвиняемого в преступлениях, которые совершил другой.

— Убит! — повторил Камарэ, подавленный тяжестью разоблачений.

— И убит сзади,— добавила Жанна, вытаскивая из-за корсажа оружие, погубившее Джорджа Бакстона. — Я была на могиле брата и выкопала его кости. Мы нашли кинжал, которым он был поражен в сердце. Имя убийцы было когда-то вырезано на рукоятке. Время, к несчастью, его изгладило. Но остались две буквы: «і» и «l». И после того, что я от вас узнала, я не ошибусь, сказав, что это имя читается: Гарри Киллер.

Марсель Камарэ проявлял все возраставшее возбуждение. Он ломал пальцы, лихорадочно стирал со лба крупные капли пота.

— Это ужасно! Ужасно! И это сделал я! Я! — без конца повторял он, и тревожный блеск снова появился в его расширенных глазах.

— Вы нам дадите убежище?—спросил Барсак.

— Дам ли я? — ответил Камарэ с непривычной горячностью.— Неужели вы считаете меня сообщником этих отвратительных преступлений, которые я накажу, будьте уверены?!

— Прежде чем говорить о наказании, надо защищаться, — ответил практичный Амедей Флоранс.

Марсель Камарэ улыбнулся.

— Гарри Киллер не знает, что вы здесь, но даже, когда он узнает...— он показал жестом, что мало об этом беспокоится.— Отдыхайте спокойно. Вы в безопасности, — он нажал кнопку звонка.

Появился черный слуга.

— Жако, — просто сказал Камарэ, — проведи этих господ и даму до их комнат. Спокойной ночи, господа, — вежливо сказал он и исчез, оставив в удивлении как своих гостей, так и негра, на которого возложил трудную задачу.

Где же найдет постели несчастный Жако? На заводе не было предусмотрено появление гостей.

Видя затруднение негра, Барсак уверил, что он и его товарищи обойдутся без постелей. Они останутся здесь.

На креслах и стульях дождались рассвета. Ровно в шесть часов Марсель Камарэ вошел. Он вовсе не удивился тому, что его кабинет был превращен в спальню.

— Здравствуйте, господа, — спокойно сказал он гостям.

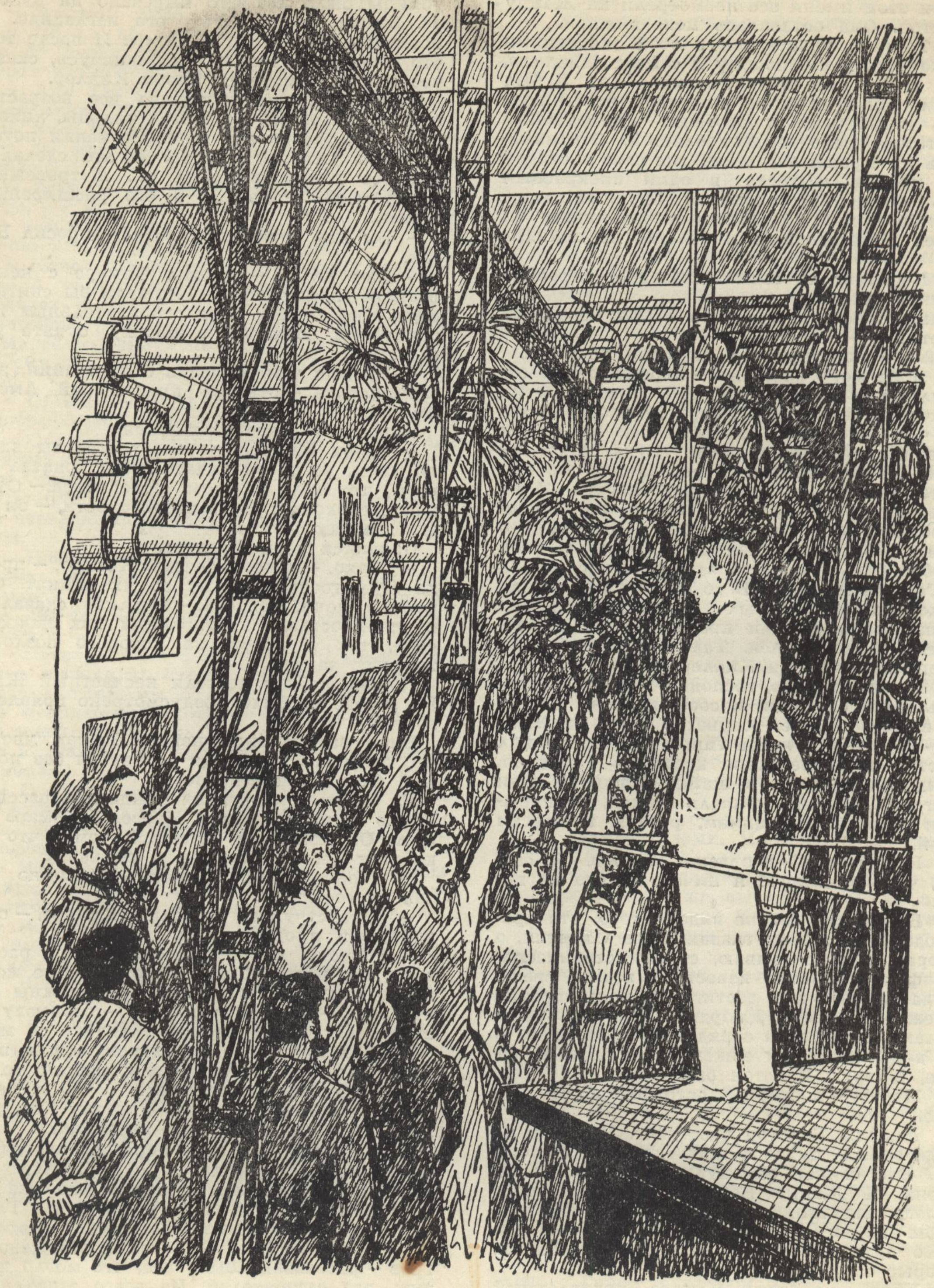
— Здравствуйте, господин Камарэ, — ответили они в один голос.

— Господа, я обдумал то, что вы рассказали мне ночью. Такое положение не может продолжаться. Мы немедленно должны действовать, — он нажал кнопку — отовсюду послышался резкий звон. — Следуйте за мной.

Пройдя несколько коридоров, вошли в обширную мастерскую. Около машин толпились мужчины и женщины.

— Все здесь?—спросил Марсель Камарэ.— Риго, пожалуйста, сделай перекличку.

Убедившись, что весь персонал завода налицо, Камарэ рассказал о событиях прошлой ночи. Жестокости отряда Джорджа Бакстона, попавшего под начальство Гарри Киллера, похищение экспедиции Барсака, преследование Жанны Бакстон, убийство негров — рассказано было все, что могло поразить его слушателей. Из всего этого вытекало, что они были на службе у бандита и что работа завода поможет выполнению новых преступлений. Честь запрещает им выдать пленников Гарри Киллеру. Они долж-

— Да! Да! Рассчитывайте на нас! — закричали со всех сторон.

ны прервать всякие сношения с дворцом и потребовать возвращения на родину.

— Среди всех невероятных вещей, которые я узнал этой ночью,— говорил Камарэ,— меня больше всего удивляет, что в Европе не знают о существовании Блекланда. Я знаю, что он лежит вне караванных путей, в сердце пустыни. Но ведь многим из наших товарищей страна не понравилась, и они пожелали вернуться. Я подсчитал ночью: со времени основания завода уехали сто тридцать семь человек. И если бы хоть некоторые из них вернулись в Европу, существование города не было бы тайной. А так как никто о нем не знает, то следует заключить, что ни один из этих ста тридцати семи не прибыл по назначению.

Это справедливое рассуждение потрясло рабочих.

— Итак, — заключил Камарэ, — никто из вас не может надеяться снова увидеть родину, и вы не должны ждать пощады. В наших собственных интересах и в интересах правосудия нужно принять бой.

— Да! Да! Рассчитывайте на нас! — закричали со всех сторон.

Удрученные вначале мыслью, что они отделены от всего мира, рабочие воспрянули духом при мысли, что их директор с ними: так велико было доверие к Марселю Камарэ.

— Пусть работа идет, как всегда, и надейтесь на меня, друзья мои,— сказал Камарэ и и ушел, сопровождаемый бурной овацией.

Выйдя из механической мастерской, Камарэ совещался некоторое время с мастером Риго, потом возвратился в кабинет. Тотчас раздался звонок телефона. Камарэ взял трубку. Беглецы слушали его нежный голос, говоривший: «Да», «Нет», «Хорошо» и «Как хотите». Наконец, он рассмеялся и бросил трубку.

— Мне звонил Гарри Киллер, — сказал он своим странным голосом, из которого никакое волнение не вытесняло обычной кротости. — Он знает, что вы здесь.

— Уже! — вскричал Барсак.

— Да. Кажется, нашли какого-то Чумуки. Открыли брошенную лодку на реке и связанного часового у завода. Выйти ночью из города, по словам Киллера, невозможно, и он заключил, что вы здесь. Я не стал отрицать. Он потребовал выдать вас. Я отказался. Он настаивал, угрожал взять вас силой. Это меня рассмешило, и я прекратил разговор.

Гости Камарэ встали.

— Вы можете рассчитывать на нас, — уверил Барсак. — Но нам нужно оружие.

— Оружие?— улыбаясь, повторил Камарэ.— Зачем? Думаю, что здесь нет ни одного ружья. Тем не менее, не беспокойтесь. У нас есть другие средства.

— Средства бороться с пушками дворца?

— Да, и с пушками. Если бы мне пришла фантазия разрушить город, я бы мог это сделать в одно мгновение. Но думаю, мы не дойдем до такой крайности. Пушки дворца останутся немы, будьте уверены: Гарри Киллер знает мое могущество, да он и не осмелится разрушить завод, на котором основана вся его власть. Он попытается взять вас атакой. Но и это ему не удастся.

Как бы в ответ на утверждения Камарэ в нижнем этаже раздались глухие удары.

— Что я вам сказал? — кротко улыбнулся инженер.— Вот они атакуют главную дверь. Но она крепка.

— А если они направят на нее пушку? — спросил Сен-Берен, которого безмятежность Камарэ успокаивала лишь наполовину.

— Даже в этом случае им нелегко будет ее пробить: чтобы навести пушку из дворца на набережную, требуется время, а пока люди действуют тараном. Но они могут колотить им целый век. Если хотите, пойдемте понаблюдаем за осадой. Спектакль будет интересен.

Пройдя через мастерскую, все поднялись на площадку башни с необ'яснимым пилоном, поднимавшимся больше чем на сто метров. Здесь, как и на дворцовой башне, был циклоскоп, в который Камарэ пригласил войти своих спутников.

— Этот циклоскоп благодаря серии наклонных зеркал позволяет наблюдать все, что находится поблизости, — об'яснил он. — Вы увидите отсюда наружную часть нашей стены.

В самом деле, эспланада, набережная и дорога для караула хорошо были видны в циклоскопе, который давал изображения значительно более мелкие чем дворцовый циклоскоп, но зато более ясные. В его стеклах спутники Камарэ увидели большую толпу. Одни тащили лестницы, другие бесплодно пытались разбить дверь.

— Как я и предвидел,— заметил Камарэ,— будет штурм. Вот теперь станет интересно.

Штурм, действительно, начался. К стене было приставлено несколько лестниц, по которым поднимались Веселые Парни. Достигнув вершины стены, некоторые без всяких опасений схватились за нее руками. И тотчас же произошло нечто необычайное. Руки нападавших будто приклеивались к стене. Подвешенные к гребню ее, люди танцовали какую-то дьявольскую пляску, как паяцы, которых дергают за веревочку.

— Гребень стены покрыт металлическим сплавом моего состава, электропроводность которого в сто раз больше чем у меди. Я пустил по облицовке постоянный ток приличного напряжения — и вот вам результат,— сказал Камарэ.

В это время некоторые из тех нападавших, что были на нижних ступеньках, схватили верхних за ноги. И тотчас неосторожные подверглись таким же конвульсиям.

— Но почему они не падают? — вскричал Сен-Берен.

— Они не могут, бедняги, — сказал Марсель Камарэ. — Они останутся на стене до тех пор, пока мне будет угодно... Но я сделаю еще лучше.

Он повернул рукоятку. Тотчас же лестницы опрокинулись, будто отброшенные невидимой рукой, и те, кто на них был, полетели кучей, оставив на стене гроздья человеческих тел, продолжавших отчаянно биться.

— Не отвечаю за поломку, — спокойно заметил Камарэ. — Хотите знать причину того, что произошло у вас на глазах? Это очень просто. По-моему, все силы — это ко-

лебания эфира в той или иной форме. Свет считают серией колебаний между определенным минимумом и максимумом частоты, а электричество — другая серия колебаний, отделенная от первой промежутком, природа колебаний которого нам еще не известна. Я склоняюсь к мысли, что эти колебания имеют отношение к теплоте. Я могу их вызывать и заставляю производить любопытные эффекты, доказательство чего я вам дал.

В продолжение этих об'яснений гроздья человеческих тел продолжали свой неистовый танец.

— Игра длится слишком долго, — сказал Марсель Камарэ, поворачивая другую рукоятку.

Немедленно люди-паяцы отделились от стены и упали с десятиметровой высоты на землю.

— Конец первого действия, — об'явил Камарэ обычным голосом. — Я думаю, оно кончилось не в пользу Гарри Киллера, у которого вышло из строя человек тридцать. Давайте теперь займемся этими олухами, которые упрямо колотят в дверь.

Марсель Камарэ взял трубку телефона.

— Ты готов, Риго? — спросил он.

— Да, сударь, — ответил голос, слышный во всех частях циклоскопа.

— Отправляй! — приказал Камарэ.

Как будто самостоятельно повинуясь приказу, странный инструмент появился тотчас же у подножия башни. Это было нечто вроде вертикального цилиндра, оконечность которого, направленная к земле, расширялась конусом. На другом конце четыре винта: один горизонтальный и три вертикальных — вращались с головокружительной быстротой. Странная машина поднялась в воздух и направилась к ограде. Когда она миновала стену, ее движение стало горизонтальным, она двинулась вдоль стены. За этой первой машиной показалась вторая, третья, еще несколько. Гости Камарэ насчитали их двадцать. С правильными промежутками машины выскакивали из башни, как птицы из гнезда, проделывая один и тот же маневр.

— Это мои «осы», — сказал Марсель Камарэ. — Я потом об'ясню вам, как они действуют. Пока же полюбуйтесь их работой, — он снова взял телефонную трубку. — Предупреждение, Риго! — он обратился к своим новым друзьям: — Зачем убивать этих бедняг? Достаточно будет предупреждения, если они захотят его понять.

«Осы» одна за другой прошли над группой бандитов, колотивших огромным бревном в дверь. Вдруг одна из машин выстрелила, и картечь усыпала землю на пространстве радиусом в пятьдесят метров. При звуке выстрела нападающие подняли головы. Они еще не поняли, в чем дело, когда раздался выстрел из второй машины и снова вылетела груда картечи. На этот раз смертоносное пространство приблизилось к ним. Несколько человек упало. Остальные не долго раздумывали: бросив таран, они подхватили раненых и убежали.

После выстрела каждая «оса» послушно возвращалась в свою ячейку у подножия башни, а минуту спустя, снабженная новым зарядом, вылетала, чтобы занять свое место в общем хороводе машин.

— Я думаю, не стоит больше заниматься этими людьми, — сказал Марсель Камарэ. — Если вам угодно посетить завод...

VII. Завод в Блекланде

Гости поспешили принять предложение. Они бросили последний взгляд вокруг себя. «Осы» продолжали свою круговую прогулку, и нападающие уже не осмеливались проникать в опасную зону.

Следуя за инженером, гости прошли ряд цехов: сборочный, столярный, кузнечный, литейный — и вышли в сад со стороны, обращенной к дворцу.

Высокая стена скрывала дворец. Но, когда они отошли метров на пятьдесят, башня Гарри Киллера показалась над гребнем стены. Тотчас же с вершины башни прозвучал выстрел, и над гуляющими пронеслась пуля. Они поспешно отступили.

— Дурак! — спокойно пробормотал Камарэ и поднял руку.

По его сигналу послышался сильный свист. Гости Камарэ невольно повернулись к заводу. Но инженер показал на дворец. Циклоскоп, венчавший дворцовую башню, исчез.

— Это его проучит, — сказал Камарэ. — У меня ведь тоже есть воздушные мины, и побольше чем у него; ведь это я их фабрикую.

— Но, сударь, — заметил Амедей Флоранс, — раз у вас есть снаряды, почему вы не воспользуетесь ими против Гарри Киллера?

— Я! — глухо ответил инженер. — Я буду атаковать свою работу?

Амедей Флоранс обменялся взглядом с товарищами. Да, этот удивительный человек имел из'ян, и этим из'яном была гордость. Путь продолжался в молчании. Урок был понят дворцом. Ничто более не беспокоило группу гуляющих, которая покинула сад, пройдя его насквозь.

— Мы попадаем в интересную часть, — сказал Камарэ. — Здесь старое машинное отделение, вот паровой двигатель, который мы топили дровами за неимением другого горючего. Но это продолжалось недолго: как только в реке появилась вода после первых вызванных мною дождей, мы устроили гидроэлектростанцию в двенадцати километрах от города вниз по течению и пользуемся ее энергией.

Они прошли в другую залу.

— Здесь находятся трансформаторы. Здесь мы получаем и трансформируем ток, доставляемый гидростанцией.

— Как? — вскричал ошеломленный Амедей Флоранс. — Неужели вы могли привезти сюда эти машины!

— Только небольшую часть, — ответил Камарэ. — Остальное мы сделали сами.

— Но ведь вам нужен был материал, — возразил Амедей Флоранс. — Кой чорт доставил вам его в пустыню?

— Конечно! — сказал Камарэ и остановился в задумчивости. — Вы правы, господин Флоранс. Как привезли сюда эти первые машины и материалы, из которых мы создали остальное? Признаюсь, я над этим не

думал. Я требовал, мне давали. Но теперь, когда вы обратили мое внимание...

— Какие же понадобились человеческие жертвы, чтобы перетащить все это через пустыню, пока вы еще не имели планеров!

— Это верно, — сказал побледневший Камарэ.

— А деньги? Вы очень богаты?

— Я! — запротестовал Камарэ. — С тех пор как я здесь, у меня и пяти сантимов не было в кармане.

— Тогда?

— Это Гарри Киллер... — робко начал Камарэ.

— Ну, ясно! А откуда он их брал? Что он, миллиардер — ваш Гарри Киллер?

Камарэ развел руками. Он был сбит с толку вопросами Амедея Флоранса. Вид у него был совершенно растерянный. Доктор Шатоннэй сжалился над ним.

— Мы потом разберемся в этом,— сказал он, — а пока будем продолжать осмотр.

Камарэ провел рукой по лбу и молча прошел в следующую залу.

— Здесь компрессоры, — заговорил он изменившимся от волнения голосом.— Мы употребляем воздух и другие газы в жидком виде. Я нашел вещество, абсолютно непроницаемое для тепловых лучей. Жидкий воздух в сосудах, сделанных из этого вещества, всегда сохраняет одинаковую температуру и не стремится расшириться. Это изобретение позволило мне осуществить многие другие, в частности планеры с большим радиусом действия. Мои планеры имеют три главных особенности, относящиеся к устойчивости, под'ему и движущей силе. Когда на птицу налетает порыв бури, ей не приходится делать расчеты, чтобы поддержать равновесие; равновесие моих механических птиц также автоматическое. Вы их видели и знаете, что они состоят из двух крыльев, помещенных на вершине пилона высотой в пять метров; у подножия пилона находится платформа, несущая мотор, водителя и пассажиров. Таким образом, центр тяжести находится внизу. Соединение пилона с крыльями подвижное. Пока он не закреплен частично или полностью посредством рулей направления и глубины, он может описывать маленькие дуги во всех направлениях вокруг вертикали. И вот, если крылья независимо от руля наклоняются поперек или вдоль, пилон, увлекаемый своим весом, стремится составить с ними другой угол. В этом своем движении он тотчас же приводит в действие противовесы, скользящие параллельно или перпендикулярно крыльям, и в тот же момент крылья занимают надлежащее положение. Таким образом немедленно — автоматически, как я уже сказал, — выправляются невольные уклонения планера.

Марсель Камарэ, опустив глаза, давал свои об'яснения с безмятежностью профессора, читающего лекцию.

— Перейдем ко второму пункту. В момент под'ема крылья планера опускаются и складываются около пилона. В то же время ось винта, подвижная в вертикальной плоскости, перпендикулярной к крыльям, поднимается — и аппарат превращается в геликоптер. Но когда он достигнет достаточной высоты, крылья открываются, ось винта одновременно наклоняется вперед и становится горизонтальной. Винт становится толкающим, и геликоптер превращается в планер. Что касается движущей силы, то ее доставляет жидкий воздух. Из резервуаров, регулируемых системой клапанов, он вытекает в тонкие, постоянно прогреваемые цилиндры. Там он мгновенно переходит в газообразное состояние под огромным давлением и приводит в движение мотор.

— Какой скорости достигают ваши планеры? — спросил Амедей Флоранс.

— Четыреста километров в час и проходят без посадки пять тысяч километров, — ответил Камарэ.

— Сейчас мы в сердце завода, — сказал он, когда все возвратились в башню. — В этой башне десять этажей. Вы, конечно, заметили на ее вершине высокий металлический пилон? Это «прожектор волн». Впрочем, вся поверхность башни усыпана множеством точек, где находятся прожекторы меньшего размера...

— «Прожекторы волн», говорите вы? — спросил доктор Шатоннэй.

— Я не хочу читать вам курс физики, — с улыбкой сказал Камарэ, — но некоторые об'яснения необходимы. Знаменитый немецкий физик Герц давно уже заметил, что когда между полюсами индукционной катушки проскакивает искра, она вызывает колеблющийся разряд: каждый полюс поочередно становится то положительным, то отрицательным. Скорость этих колебаний, или их частота, может быть очень большой — до ста миллиардов в секунду. Эти разряды колеблют эфир, заполняющий все небесное пространство и промежутки между молекулами материальных тел. Эфирные колебания, распространяющиеся все дальше и дальше, называются волнами Герца. Я понятно говорю?

— Восхитительно! — возгласил Барсак, менее всех сведущий в научных вопросах.

— До меня волны Герца рассматривались как лабораторный курьез. Ими электризовали более или менее удаленные металлические предметы. Основной недостаток этих волн в том, что они распространяются во все стороны, как концентрические круги в луже от брошенного в нее камня. Их начальная энергия, распространяясь все дальше, уменьшается, слабеет и уже в нескольких метрах от своего источника дает лишь незначительные проявления. Ясно?

— Ослепительно! — уверил Амедей Флоранс.

— Еще до меня заметили, что эти волны, как и световые, могут отражаться, но не сделали отсюда никаких выводов. Благодаря открытию сверхпроводника я устроил рефлекторы, направляющие почти все волны, куда я хочу. С другой стороны, средство изменять частоту колебаний известно, и я могу вообразить приемники волн, которые будут чувствительны лишь к определенной частоте. Приемник будет реагировать на волны той частоты, на которую он настроен, и только на них. Число же возможных частот бесконечно. Я могу устроить бесчисленное множество двигателей, среди которых

не будет двух, отвечающих на одну и ту же волну. Все еще понятно?

— Туговато,—признался Барсак. — Но понемножку тянемся.

— Я, впрочем, кончаю, — сказал Камарэ. — Пользуясь этим, мы построили большое количество сельскохозяйственных машин, которым передается на расстояние энергия от одного или другого прожектора башни. Так же мы направляем и «ос». При каждом из четырех винтов находится маленький мотор, настроенный на известную волну. И этим же способом я могу разрушить весь город, если мне придет фантазия.

— Вы отсюда можете разрушить город?!— вскричал Барсак.

— Очень просто. Гарри Киллер просил меня сделать город неприступным, и я это выполнил. Под всеми улицами, домами, под дворцом и даже под заводом заложены большие порции взрывчатых веществ, снабженные взрывателями, настроенными на частоты, известные одному мне. Чтобы взорвать город, мне достаточно послать в направлении каждой мины волны определенной частоты.

Амедей Флоранс, лихорадочно черкавший в записной книжке, хотел спросить, не следует ли покончить этим способом с Гарри Киллером, но благоразумно воздержался.

— А большой пилон, что поднимается на башне? — спросил доктор Шатоннэй.

— Герцевские волны падают на землю, точно подверженные притяжению, и там теряются. На далекое расстояние их надо отправлять с высоты. Я же хочу посылать их не только далеко, но и высоко, а это еще труднее. Все же мне удается это с помощью пилона, присоединенного к передатчику, и рефлектора, находящегося у оконечности пилона.

— Зачем же посылать волны в высоту?

— Чтобы вызывать дождь. Вот принцип изобретения, которое я проектировал, когда познакомился с Гарри Киллером. Посредством пилона и зеркала я посылаю волны к тучам и электризую воду, которую они содержат в капельном состоянии. Когда разница потенциалов туч и земли сделается достаточной, разражается гроза и падает дождь.

— Однако надо иметь тучи, — заметил доктор Шатоннэй.

— Разумеется. Но в тот или иной день тучи появляются. Задача в том, чтобы они прорвались здесь, а не в другом месте. Когда же возделаны поля и растут деревья, тогда устанавливается правильный круговорот влаги и тучи появляются все чаще. Лишь только приходит туча, я поворачиваю рукоятку, и волны передатчика в тысячу лошадиных сил начинают бомбардировать ее.

— Чудесно! — воскликнули слушатели.

— Но я уверен, что для волн можно найти сотню других применений. Например можно телеграфировать или телефонировать по всей земле, не нуждаясь в соединении сообщающихся пунктов.

— Без проводов! — вскричали слушатели.

— Без проводов. Для этого надо просто изобрести подходящий приемник. Я уже у цели, но еще не достиг ее.

— Мы начинаем ничего не понимать, — признался Барсак.

— Нет ничего проще,—уверил Камарэ, все более возбуждаясь.—Вот аппарат Морзе, употребляемый при обычном телеграфировании, который я включил в замкнутую цепь. Мне остается лишь орудовать клавишей, чтобы ток, испускающий волны, зависел от этой цепи. Когда клавиша поднята, прожектор не испускает герцевских волн. Когда она опущена, волны вырываются из пилона. Их нужно послать в направлении предполагаемого приемника, соответственно управляя рефлектором. Если местоположение приемника неизвестно, достаточно убрать зеркало: волны будут распространяться в окружающем пространстве, и я могу телеграфировать в полной уверенности, что приемник получит их, если он существует. К несчастью, он не существует. Но вы лучше поймете на примере. Будем действовать, как будто приемник есть. Кому вы хотите телеграфировать? — Камарэ сел у аппарата.

— В этой стране я не знаю никого, — улыбаясь, сказала Жанна.— Разве только капитану Марсенэю, — прибавила она, слегка покраснев.

— Пусть будет капитану Марсенэю, — согласился Камарэ, работая аппаратом Морзе.—Где он, этот капитан?

— Сейчас, я думаю, в Тимбукту.

— Тимбукту, — повторил Камарэ, продолжая действовать клавишей. — Я думаю, что-нибудь в этом роде: «Жанна Бакстон...»

— Простите, — перебила Жанна, — капитан Марсенэй знает меня под фамилией Морна.

— Это неважно, так как депеша все равно не дойдет, но поставим «Морна». Я телеграфирую: «Придите на помощь Жанне Морна, пленнице в Блекланде...» — Марсель Камарэ прервал передачу. — Блекланд неизвестен миру и я добавляю: «...широта пятнадцать градусов пятьдесят минут, северная долгота...» — он быстро вскочил. — Вот как! Гарри Киллер выключил ток!

Его гости столпились вокруг, не понимая.

— Я уж вам говорил, что мы получаем энергию с гидростанции. Гарри Киллер изолировал нас от нее, вот и все.

— Но тогда, — сказал доктор, — машины остановятся?

— Они уже остановились, — ответил Камарэ.

— А «осы»?

— Они упали, это несомненно.

— Значит, Гарри Киллер овладеет ими? — вскричала Жанна Бакстон.

— В этом я не уверен, — возразил инженер. — Поднимемся наверх, и вы увидите, что все это неважно.

Они быстро поднялись на башню и вошли в циклоскоп. Они увидели наружную часть стены и окаймляющий ее ров, в котором валялись неподвижные «осы». На эспланаде Веселые Парни испускали победные крики. Они уже возобновили атаку. Некоторые спрыгивали в ров, чтобы расправиться с мертвыми «осами», которые раньше так устрашали их. Но едва лишь дотронувшись до «ос», они в ужасе отпрыгнули и стали пытаться вылезть изо рва. Никому это не

Камарэ сел у аппарата.

удалось: все падали на дно без признаков жизни.

— Я не дам и двух су за их шкуры, — холодно сказал Марсель Камарэ.— Я ведь предвидел, что произойдет, и принял свои меры. Выключив ток со станции, Гарри Киллер тем самым привел в действие приспособление, заставившее сосуды с жидкой углекислотой вылить в ров их содержимое, немедленно перешедшее в газообразное состояние. Этот газ, более тяжелый чем воздух, остался во рву, и те, кто попал в него, погибли от удушья.

— Бедные люди! — сказала Жанна Бакстон.

— Тем хуже для них, — ответил Камарэ. — Я не могу их спасти. Что же касается наших машин, они будут работать на жидком воздухе, которого у нас неисчерпаемый запас. Вот машины уже заработали, «осы» вылетают снова.

Винты «ос», в самом деле, снова завертелись, и толпа Веселых Парней отступила к дворцу.

Марсель Камарэ повернулся к гостям. Он был возбужден, и беспокойный блеск все чаще мелькал в его глазах.

— Мы, кажется, можем спать спокойно, — заметил он, переполненный простодушным тщеславием.

VIII. Призыв в пространстве

С глубокой печалью покинул капитан Пьер Марсенэй экспедицию Барсака и особенно Жанну Морна. Но он пустился в путь без колебаний. Капитан Марсенэй был прежде всего солдат и привык к безоговорочному повиновению.

Как ни спешил он, понадобилось девять дней, чтобы покрыть 450 километров, отделявшие его от Сегу-Сикоро; он прибыл туда 22 февраля, поздно вечером. Только на следующее утро он представился коменданту крепости, полковнику Сержину, и вручил ему приказ полковника Сент-Обана.

Полковник Сержин прочитал приказ три раза подряд, и с каждым разом удивление его все возрастало. Он ничего не понимал.

— Какая дурацкая комбинация! — вскричал он наконец. — Искать людей в Сикассо, чтобы послать в Тимбукту... Это невообразимо!

— Значит, вы не предупреждены о нашем приходе, полковник?

— Ничуть!

— Лейтенант, вручивший мне приказ, сказал, что в Тимбукту вспыхнули волнения.

— Первый раз слышу. Еще вчера капитан Пейроль проходил здесь по пути из Тимбукту. Он ни о чем подобном не говорил. Но мы не можем рассуждать. Приказ есть, и он должен быть выполнен. Но чорт меня побери, если я знаю, когда вы сможете отправиться!

Трудно было, в самом деле, подготовить столь неожиданную экспедицию. Потребовалось восемь дней, чтобы найти транспортные средства и достаточное количество провизии. Только 2 марта капитан Марсенэй мог посадить отряд на суда и начать спускаться по Нигеру.

Путешествие в эти последние месяцы сухого сезона затруднялось мелководьем, оно заняло целых две недели, и отряд высадился в Кабара, порте Тимбукту, только 17 марта.

Когда капитан Марсенэй представился коменданту полковнику Аллегру, тот тоже посмотрел на него с удивлением. Он заявил, что в области не было никаких волнений, что он никогда не просил подкреплений и ему совершенно непонятно, зачем полковник Сент-Обан послал ему без предупреждения сто человек, в которых он совершенно не нуждается.

Это становилось странным, и капитан Марсенэй подумал, не был ли он обманут поддельным документом. Но с какою целью? Ответ был ясен: чтобы уничтожить обезоруженную экспедицию Барсака. Его тревога стала еще сильнее, когда в Тимбукту, как и в Сегу-Сикоро, он не смог получить никаких сведений о лейтенанте Лакуре. Никто его не знал. Больше того: никто не слышал о корпусе суданских волонтеров, хотя о нем было упомянуто самим полковником Сент-Обаном.

И, однако, приказ полковника, казавшийся подлинным при самом тщательном рассмотрении, имел силу. Капитану Марсенэю и его людям были предоставлены жилища, а приказ был послан его автору, который один мог сказать, подложен приказ или нет. Но от Тимбукту до Баммако тысяча километров, и капитану Марсенэю предстояло долго ждать, пока придет ответ. К счастью, в конце марта приехал капитан Перриньи, его старый товарищ по Сен-Сирской военной школе. Два друга были счастливы свидеться, и время для Марсенэя потекло быстрее.

Капитан Перриньи, присланный в Тимбукту на два года, привез с собой массу ящиков, которые друг помогал ему распаковывать. В некоторых было исключительно лабораторное оборудование. Если бы не мундир, Перриньи считался бы ученым. Страстно преданный науке, он был в курсе всех новейших достижений, особенно в области электричества. Перриньи был представителем науки, Марсенэй — войны. Разница во взглядах рождала частые дружеские споры. Они, смеясь, называли друг друга «старой библиотечной крысой» и «дрянным таскателем сабли».

Через несколько дней после приезда друга капитан Марсенэй застал его во дворе дома, где тот жил, за сборкой какого-то нового аппарата.

— Ты пришел кстати! — вскричал Перриньи. — Я тебе покажу кое-что интересное.

— Это? — спросил Марсенэй, показывая на аппарат, состоявший из двух электрических батарей, электромагнита, маленькой стеклянной трубочки, содержащей металлические опилки, и медного прута в несколько метров высоты.

— Оно самое. Безделушка, которую ты видишь, — волшебная выдумка. Это приемник беспроволочного телеграфа.

— Снова! — закричал Перриньи, склоняясь над лентой.

— Об этом я слышал что-то, — сказал заинтересованный Марсенэй. — Так проблема решена?

— Еще как! — вскричал Перриньи. — На земном шаре с ней столкнулись одновременно двое. Один — итальянец Маркони — нашел средство посылать в пространство волны Герца... Да ты слыхал ли о них, закоренелый солдатишка?

— Да, да, — ответил Марсенэй. — Учил в школе. Впрочем, о Маркони говорили, когда я еще был в Европе. Ну, а другой изобретатель?

— Французский физик Бранли. Он нашел приемник — чудо изобретательной простоты.

— И аппарат, который я вижу?...

— Он и есть. Бранли заметил, что железные опилки плохо проводят электричество, но становятся хорошим проводником под влиянием герцевских волн; они включены в цепь от обыкновенной батареи. Тока в цепи нет, так как трубка с опилками — плохой проводник. Понятно?

— Да, продолжай.

— Когда приходит герцевская волна, ее подхватывает этот медный прут, называемый антенной. Трубка, соединенная с ним, становится проводником, ток замкнут и идет по цепи. Ты все еще понимаешь, кровопийца?

— Да, ученый старикашка в очках. Дальше!

— Здесь вмешивается рассказчик, который перед тобой. Благодаря приспособлению моего изобретения, скомбинированному с изобретением Бранли, этот ток приводит в движение бумажную ленту в аппарате Морзе. В этот же момент ударяет маленький молоточек. Ток прекращается, и аппарат Морзе перестает работать. Так получилась точка на бумажной ленте. Все это продолжается, пока антенна принимает волны. На ленте получается серия точек, соединенных в неравные группы, это черточки и точки азбуки Морзе, которые прочтет любой телеграфист.

— Например ты?

— Например я.

— А зачем ты притащил этот удивительный аппарат в нашу варварскую страну?

— Завтра я соберу передатчик. Я хочу первым устроить беспроволочный телеграф в Судане. Вот почему я привез сюда эти два аппарата, которые еще очень редки, и в Африке их нет, за это я ручаюсь. Подумай только, если бы можно было сообщаться прямо с Баммако...

Капитан Перриньи вдруг остановился. Глаза его округлились, полуоткрытый рот выразил глубокое изумление. Из аппарата Бранли послышался сухой треск, который уловило его опытное ухо.

— Что с тобой? — спросил изумленный капитан Марсенэй.

— Он работает! — пробормотал Перриньи, указывая на аппарат.

— Как? Он работает?! — с иронией вскричал Марсенэй. — Ты грезишь, будущий академик! Ведь твой аппарат — единственный в Африке. Он испортился, вот и все.

Капитан Перриньи, не отвечая, подбежал к приемнику.

— Испортился! — возразил он в страшном возбуждении. — Он так мало испортился, что я ясно читаю на ленте: «Ка-пи-та-ну Мар-се-нэ-ю... Капитану Марсенэю!»

— Мое имя! — подсмеивался последний. — Я очень боюсь, старина, что ты подшучиваешь надо мной!

— Твое имя! — уверял Перриньи с таким чистосердечным удивлением, что его товарищ был поражен.

Аппарат прекратил работу, но скоро послышались новые тик-так.

— Снова! — закричал Перриньи, наклоняясь над лентой. — Вот! Теперь твой адрес: «Тим-бук-ту!»

— Тимбукту! — машинально повторил Марсенэй и задрожал в свою очередь от необ'яснимого волнения.

Аппарат остановился во второй раз; после короткого перерыва лента начала развертываться, чтобы снова остановиться через несколько мгновений.

— «Жан-на Бак-стон...» — прочел Перриньи.

— Не знаю такой, — об'явил Марсенэй, невольно испуская вздох облегчения. — Это чья-то шутка...

— Шутка? — задумчиво повторил Перриньи. — Как это возможно? Ах! Снова начинается! — и он наклонился над лентой. — «...При-ди-те на по-мощь Жан-не Мор-на...»

— Жанна Морна! — вскричал капитан Марсенэй и, задыхаясь, расстегнул воротник мундира.

— «...плен-ни-це в Блек-лан-де...»

В четвертый раз прекратилось тиканье. Перриньи выпрямился и посмотрел на товарища. Тот был бледен.

— Что с тобой? — заботливо спросил он.

— Потом об'ясню, — с трудом ответил Марсенэй. — Но Блекланд, откуда ты взял Блекланд?..

Перриньи не успел ответить. Аппарат заработал снова.

— «...ши-ро-та пят-над-цать гра-ду-сов пять-де-сят ми-нут, се-вер-на-я дол-го-та...»

Наклонившись над снова замолчавшим аппаратом, офицеры напрасно ждали несколько минут. Аппарат оставался немым.

Капитан Перриньи задумчиво пробормотал:

— Есть второй любитель беспроволочной телеграфии в этой гиблой стране! И он тебя знает... Да что с тобой? Как ты бледен!

В нескольких поспешных словах Марсенэй об'яснил другу причину своей тревоги. Ведь он знал Жанну Морна, любил ее и надеялся, что она когда-нибудь станет его женой. Таинственное послание, донесшееся из пространства, означало, что Жанна Морна в опасности.

— И она просит помощи у меня! — заключил он с тоской, к которой примешивалась радость.

— Ну что ж! Это очень просто! — ответил Перриньи. — Нужно придти ей на помощь.

— Разумеется! — вскричал Марсенэй, которого оживила возможность действовать. — Но как?

— Мы это сейчас обсудим, — сказал Перриньи. — Факты, по-моему, успокоительны...

— Ты полагаешь? — с горечью спросил Марсенэй.

— Полагаю. Первое: мадмуазель Морна не одинока: ведь ты же знаешь, что у нее нет аппарата для беспроволочной телеграфии. Не говоря о спутниках, с которыми ты ее оставил, у нее есть покровитель, владеющий этим аппаратом. И он молодец, уж поверь мне!

Ободренный Марсенэй поднял голову.

— Второе: мадмуазель Морна не грозит непосредственная опасность. Она телеграфирует в Тимбукту. Значит, она предполагает, что у тебя будет время откликнуться на ее призыв. Успокойся, надейся на хороший конец этого приключения. И пойдем к полковнику просить разрешения организовать экспедицию для освобождения депутата Барсака и мадмуазель Морна.

Оба капитана немедленно отправились к полковнику Аллегру и рассказали ему о чудесном событии, свидетелями которого они были. Они положили перед ним ленту, отпечатанную аппаратом Морзе.

— Здесь не говорится о господине Барсаке, — заметил полковник.

— Нет, — ответил Перриньи, — но так как мадмуазель Морна с ним...

— Кто вам сказал, что она его не оставила? — возразил полковник. — Я прекрасно знаю путь экспедиции Барсака и уверяю вас, что она не могла очутиться на такой широте. Экспедиция должна была пройти

через Уагадугу на двенадцатом градусе и закончиться в Сэе, на тринадцатом. А эта таинственная депеша говорит о пятнадцати градусах пятидесяти минутах.

Замечание полковника оживило память Марсенэя.

— Вы правы, полковник. Я вспоминаю, что мадмуазель Морна должна была отделиться от экспедиции за двести или триста километров от Сикассо и подняться к северу, чтобы достигнуть Нигера у Гае.

— Это меняет дело,— тревожно сказал полковник.— Чтобы освободить Барсака, депутата, официальное лицо, можно снарядить экспедицию, но мадмуазель Морна — частная особа...

— Однако, — живо заметил Марсенэй, — если приказ подложный, то господин Барсак стал жертвой негодяя, заменившего меня...

— Может быть, может быть...— с сомнением сказал полковник.— Во всяком случае, надо ждать ответа из Баммако.

— Это безнадежно! — вскричал удрученный Марсенэй.— Мы не можем бросить на гибель бедное дитя, призывающее меня на помощь.

— Здесь не говорится о гибели... Эта барышня — пленница, не более... А где этот Блекланд?

— Она указала широту.

— Но нет долготы. Указанная вам параллель пересекает Нигер и углубляется в пустынные, совершенно неведомые области. Я не могу послать отряд в этом направлении и рисковать жизнью двухсот человек для спасения одной особы.

— Почему двухсот? — спросил Марсенэй, видя, как исчезают его надежды.— Можно гораздо меньше.

— Не думаю, капитан. Вы знаете, какие слухи ходят по Нигеру. Черные говорят, что где-то основано государство, и репутация его не из блестящих. Возможно, что Блекланд — столица или один из городов этого предполагаемого государства. Данная широта делает эту гипотезу еще более приемлемой, так как она соответствует той неисследованной области, где только и могло быть основано такое государство. Разве вас не поражает английское звучание слова «Блекланд»? Думаю, что неблагоразумно вторгаться в совершенно не исследованную область без достаточных сил.

— Итак, полковник, вы отказываете?

— С сожалением, но отказываю.

Капитан Марсенэй продолжал настаивать. Он просил, чтобы с ним отпустили сто человек, которых он привел. Полковник Аллегр был непоколебим.

— Подождем новых сообщений от мадмуазель Морна. Если она телеграфировала раз, то, возможно, будет телеграфировать снова.

— А если она не сможет? Депеша оборвалась внезапно!

Полковник показал жестом, что он бесконечно сожалеет, но не может изменить своего решения.

— Тогда я отправлюсь один,— твердо заявил Марсенэй.

— Один?

— Да. Я прошу у вас отпуска, в котором вы мне не откажете...

— Напротив, откажу. Неужели вы думаете, что я позволю вам броситься в авантюру, из которой вы не вернетесь?

— В таком случае, полковник, я прошу вас принять мою отставку.

Полковник Аллегр ответил не сразу. Он посмотрел на подчиненного и понял, что тот в ненормальном состоянии.

— Вы знаете, капитан,— отечески сказал он,— что ваша отставка должна пройти по инстанциям и я не имею права ее принять. Во всяком случае, это требует размышления. Приходите завтра утром.

Отдав военный салют, офицеры удалились. Распрощавшись с товарищем, Марсенэй заперся в своей комнате, бросился на постель и разразился рыданиями.

(Продолжение в следующем номере)

Марина Раскова „Записки штурмана“

Журнал „Знамя“ № 2

Французский писатель-коммунист Вайян-Кутюрье, скончавшийся в 1937 году, незадолго до своей смерти опубликовал книгу «Несчастье быть молодым». В этой книге собраны рассказы французской молодежи о своей жизни. Подавляющее большинство этой молодежи находится во власти самых тяжелых настроений. Десятки и сотни тысяч французских юношей и девушек чувствуют себя одинокими и лишними на своей родине, не видят смысла в своем существовании, страдают от сознания, что мало кому из них удается делать в жизни то дело, какое хочется.

Совсем по-иному живет молодежь Советской страны! В книге «Записки штурмана» Герой Советского Союза Марина Раскова, рассказывая о себе, о своем жизненном пути, одновременно рассказывает о судьбе целого поколения, взращенного Великой социалистической революцией. «...Именно в нашей стране существует такой порядок, — пишет Марина Раскова в своем предисловии, — коль скоро молодой человек начинает проявлять интерес и способности в известной отрасли, им не дают заглохнуть, а, наоборот, развивают и помогают человеку полностью эти способности проявить».

Лучшие люди советской авиации: тт. Чкалов, Спирин, Беляков и другие — приняли горячее участие в судьбе молодой чертежницы, когда заметили в ней способности штурмана. В своей книге, написанной горячо, правдиво и просто, Раскова описывает, как учителя и товарищи помогали ей приобретать знания, воспитывали в ней упорство, выдержку, настойчивость.

Она рассказывает о своей работе, о знаменитом героическом перелете вместе с Гризодубовой и Осипенко по маршруту Москва—Дальний Восток, о вынужденной посадке «Родины», о двенадцати днях, проведенных в глухой тайге.

Книга Марины Расковой дышит бодростью и уверенностью, свойственной всему поколению, к которому принадлежит героическая женщина-штурман. «Счастье быть молодым!» — так могла бы Раскова назвать свою книгу.

«Записки штурмана» выходят в скором времени отдельным изданием в «Молодой гвардии».

Капитан Федерико — один из героев республиканской Испании. Свою книгу он начал писать в Москве, где лечился после серьезного ранения. Однако закончить ее Федерико не успел. Почувствовав себя окрепшим, он немедленно отложил перо в сторону и снова взялся за винтовку, вернулся в ряды защитников испанской независимости.

Но хоть книга Федерико и не закончена, ее читаешь с глубоким интересом и волнением. Главный герой этой книги—испанская революционная молодежь, ненавидящая фашизм, бесстрашная в неравной борьбе с полчищами Гитлера, Муссолини и Франко.

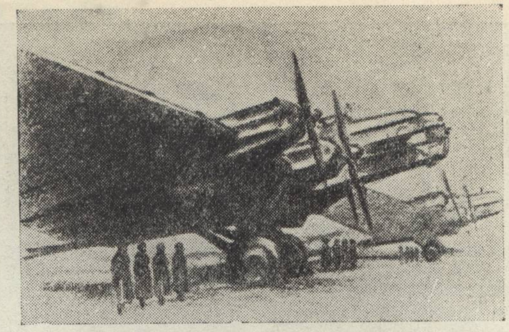
Автор «Записок» разоблачает подлую вредительскую роль троцкистов, всячески старавшихся расколоть ряды республиканской молодежи. Но это не удалось фашистским лакеям. Даже дети остались верны своей ненависти к фашизму. Даже дети готовы отдать свою жизнь за счастье народа.

Особенно запоминается фигура четырнадцатилетнего парнишки, который в первые дни осады Мадрида явился в комитет об'единенного союза социалистической молодежи и потребовал свидания с секретарем комитета Арконадой. На шутливый вопрос одного из членов комитета: «А что — от этого зависит победа?» — мальчик серьезно ответил:

— Победа зависит от работы всех. И также от нас.

Когда его пропустили к Арконаде, он заявил:

— Пионеры нашей улицы решили учиться владеть оружием. Мне поручили

сказать тебе, чтобы союз молодежи нам помог. Мы хотим быть готовыми, потому что если...

— Мы вам поможем, парень, — заверил Арконада. — Иди на свою улицу и скажи это пионерам...

Через короткое время на всей территории Испанской республики действительно возникло множество специальных школ, где тысячи мальчиков и девочек обучались стрельбе, метанию гранат, военной тактике.

«Записки» Федерико говорят об искренней любви испанского народа к Советскому Союзу. Страна социализма — пример для всех бойцов народного фронта. «Мы красноармейцы Испании, — кричит командир астурийского батальона Фернандес, стоя под пулями врагов. — Умрем, товарищи, но не отступим!..» Восторг и восхищение советского читателя вызовут фигуры «кронштадтских матросов», — так прозвал испанский народ бойцов, которые под впечатлением советского фильма «Мы из Кронштадта» стали выводить вражеские танки из строя по методу, примененному героем фильма.

Книга заканчивается волнующей сценой прощания Федерико, уезжающего в СССР, со своими товарищами.

Фашистские захватчики вероломным образом захватили Испанию. Но жив героический дух испанского народа, неугасима его жажда свободы и независимости, не сломлена его воля к дальнейшей борьбе. И недалек тот день, когда он снова воспрянет и нанесет врагам своей родины последний и смертельный удар. Чувство уверенности в этом рождают такие книги, как «Записки испанского юноши».

Г. Байдуков „Встречи с товарищем Сталиным"

Детиздат. 1939.

Герой Советского Союза Г. Байдуков рассказывает о трех встречах с товарищем Сталиным: первый раз на Московском аэродроме 2 мая 1934 года, второй раз в Кремле при обсуждении моделей новых самолетов и, наконец, в Сочи, где товарищ Сталин пригласил к себе на дачу Валерия Чкалова, Байдукова и Белякова с их семьями (героическая тройка отдыхала тогда после знаменитого своего перелета по Сталинскому маршруту).

Каждое слово в книге пронизано глубокой любовью к великому вождю народов. Байдуков — не только выдающийся летчик, но и талантливый писатель. Он наблюдателен, умеет подмечать в том, что описывает, главное, умеет просто и выразительно об этом рассказать. Поэтому таким живым и волнующим получился в его книге портрет Сталина.

Первое, что замечаешь, — это исключительная простота Сталина. Она во всем: в облике вождя, разговоре, в обстановке квартиры.

Впечатления о сочинской встрече — самая интересная часть книги. До Байдукова еще никто не пытался показать величайшего человека нашей эпохи в интимной обстановке, в тесном товарищеском кругу. Ласковый, гостеприимный хозяин, увлекательный собеседник, внимательнейший друг советских летчиков — таким предстает перед нами товарищ Сталин в книге Байдукова. Он участвует в общем веселье, делится полными юмора воспоминаниями о своих побегах из царской ссылки, подпевает гостям, затянувшим волжскую песню, просит молодежь танцовать и сам заводит патефон.

При этой именно встрече Чкалов и его товарищи поделились со Сталиным своим планом перелета через Северный полюс в Америку. Но лишь за несколько минут до этого летчикам пришлось услышать от товарища Сталина следующие замечательные слова: «Лучше погубить самолет, чем губить летчика! Машин мы можем сделать много, а вот смерть человека — дело непоправимое».

И поэтому товарищ Сталин весьма осторожно отнесся к проекту Чкалова, Байдукова и Белякова. Он предложил не торопиться: «Сначала нужно построить станцию на полюсе и изучить там погоду. А вам нужно хорошо подготовиться. В этом деле на «авось» да «небось» рассчитывать нельзя. Нужно все делать наверняка».

И скоро весь мир увидел, что значит сталинское «наверняка».

Я. Эйдельман

Лето. *Фотоэтюд И. Шагина.*

Как часы-ходики превратить в будильник

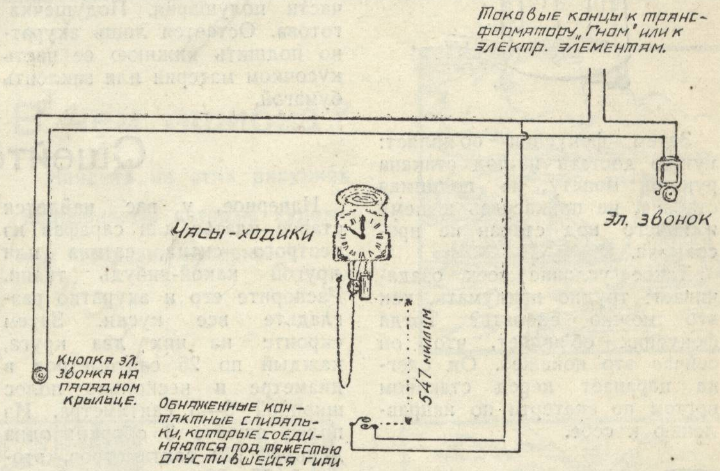
Любые часы-ходики можно превратить в будильник. Такой будильник будет работать безотказно и точно. Для этого используется ход гири, т. е. ее опускание вниз. В обыкновенных ходиках гиря за один час опускается на 68⅓ миллиметра, а в минуту — примерно на $1^1/_7$ миллиметра. Если завести ходики в десять часов вечера, подтянув при этом гирю в самое высокое положение, и как раз под гирей на расстоянии 547 миллиметров по отвесу поместить контактные пружинки от электрического звонка, то ровно через восемь часов, а именно в шесть часов утра, гиря, опустившись на контакты, сомкнет их, и звонок зазвонит. Заводя будильник в десять часов вечера на семь часов утра, контакты надо поместить на 615 миллиметров ниже гири. Чтобы наш будильник зазвонил в пять часов утра, расстояние между гирей и контактами в десять часов вечера надо сделать в 479 миллиметров. Доли миллиметра в итоговых расстояниях опущены, так как не имеют практического значения.

Если у вас в квартире имеются часы-ходики и электрический звонок, то достаточно сделать отводку от линии звонка к часам, как показано на рисунке. Отводку надо сделать по всем правилам звонковой проводки. Лучше всего применить проволоку диаметром 0,3 миллиметра в двойной обмотке. Концы отводки следует закрепить по отвесу под гирей ходиков, ниже наивысшего положения гири на 630—650 миллиметров и на расстоянии 60 миллиметров друг от друга. При этом надо оставить свободные концы проволоки по 80 миллиметров каждый, с которых на половину их длины, т. е. по 40 миллиметров, соскоблить изоляционную обмотку. Обнаженные концы свернуть каждый спиралькой и отогнуть от стены в такое положение, чтобы, опускаясь, гиря прижала верхнюю спиральку к нижней. Спиральки друг над другом устанавливаются на расстоянии 3—4 миллиметров. Измерять расстояние для установки следует от нижнего края гири до нижней спиральки.

Окончив приготовления и установку гири, не мешает проверить исправность всей линии, прижав карандашом верхнюю спиральку к нижней. Если раздается звонок,— будильник в исправности.

В тех местах, где еще нет электричества, по этому же принципу можно устроить шумовой будильник. Для этого следует изготовить и укрепить под ходиками рычаг, как показано на второй схеме. Между рычагом и колодкой-держалкой вешается пустая жестяная коробка из-под консервов. В назначенный час гиря нажимает на рычаг, коробка соскальзывает с колодки-держалки, падает с шумом на пол и будит вас.

М. Доценко

Схема, по которой можно построить электрический будильник собственной конструкции

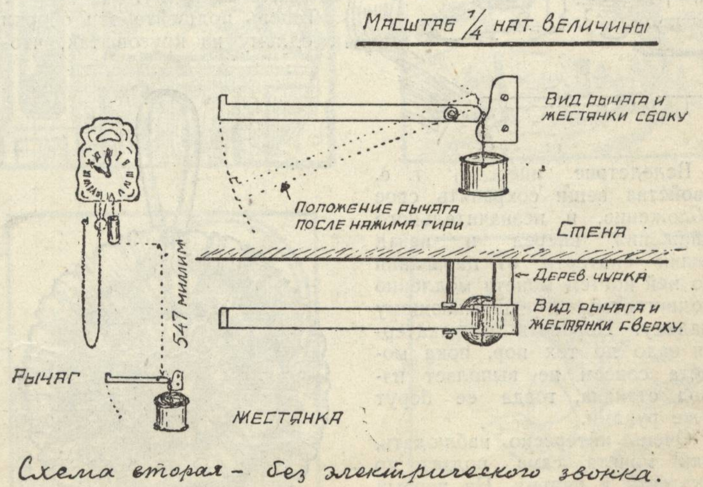
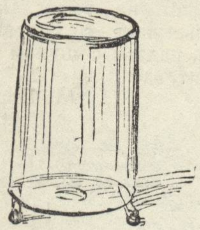

Схема вторая — без электрического звонка.

„Живая" монета

На столе, на скатерти, надо положить монету в 10 или 15 копеек. Возле нее с двух сторон кладут по спичке. На эти спички ставят опрокинутый вверх дном стакан так, чтобы он стоял над монетой ввиде колпака, опираясь своими краями на спички и чтобы между стаканом и скатертью была щель.

Затем фокусник об'являет: нужно достать из-под стакана руками монету, не поднимая стакана, не прикасаясь к нему и ничего под стакан не просовывая.

Такое условие всех озадачивает: трудно придумать, как это можно сделать? Тогда фокусник об'являет, что он сейчас это покажет. Он слегка царапает перед стаканом ногтем по скатерти по направлению к себе.

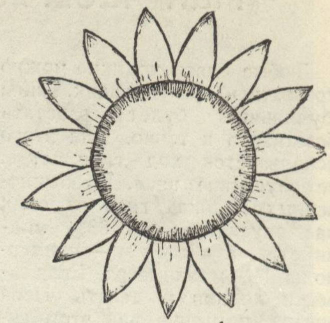
Вследствие инерции, т. е. свойства вещи сохранять свое положение, и незначительного движения вперед и назад ткани скатерти от царапания по ней ногтем монета медленно подвигается к царапающему пальцу. Царапать по скатерти надо до тех пор, пока монета совсем не выползет изпод стакана, тогда ее берут уже руками.

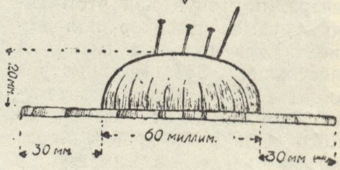
Очень интересно наблюдать, как монета сама ползет по скатерти к пальцу. На первый взгляд фокус этот кажется загадочным.

Подушечка для иголок

Вырежьте из картона круг 6 сантиметров в диаметре. Накройте его с одной стороны комком ваты в 2—3 сантиметра толщиной и обтяните все кусочком цветной материи — желтой, коричневой или черной. Получившееся полушарие и будет подушечкой.

Теперь из обрезков белой или желтой материи скроите 30 лепестков такой формы, как на рисунке. Сложите их попарно и сшейте каждую пару по краям. Выверните налицо получившиеся остроконечные мешочки, хорошо прогладьте и подшейте к нижней части полушария. Подушечка готова. Остается лишь акуратно подшить нижнюю ее часть кусочком материи или заклеить бумагой.

Сшейте сами...

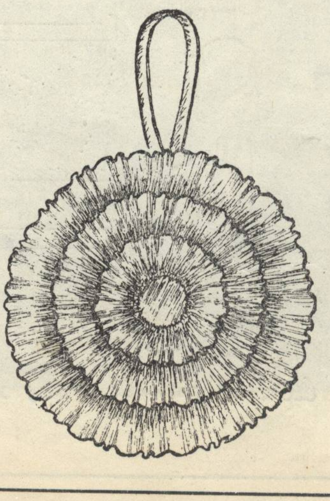
Наверное, у вас найдется старое платье или сарафан из пестрого ситца, сатина или другой какой-нибудь ткани. Распорите его и акуратно разгладьте все куски. Затем скроите из них два круга, каждый по 25 сантиметров в диаметре и несколько полос шириной 3—5 сантиметра. Из полос сшейте 3 оборки: одна длиной 120 сантиметров, вторая — 75—80 сантиметров и третья — 50 сантиметров. Оборки с одной стороны акуратно подрубите, а другую сторону соберите на нитку.

Теперь подшейте эти оборки к одному из кругов так, чтобы самая длинная шла по краю круга, средняя на расстоянии 5 сантиметров от края, а самая короткая на расстоянии 5 сантиметров от средней оборки.

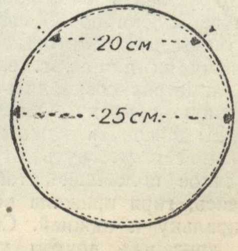
Сложите оба круга вместе, оборками внутрь, и сшейте их так, чтобы 25 сантиметров окружности остались незашитыми. Эти незашитые края нужно акуратно подрубить.

Выверните мешочек налицо и подшейте к нему с изнанки петлю длиной 40 сантиметров и шириной 2,5 — 3 сантиметра. У вас получится мешок для мелкого белья, предназначенного к стирке.

М. С.

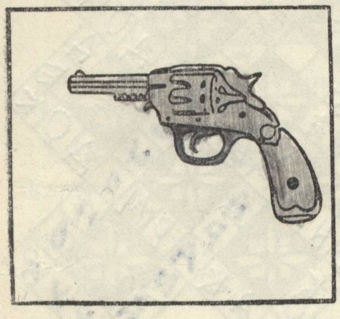

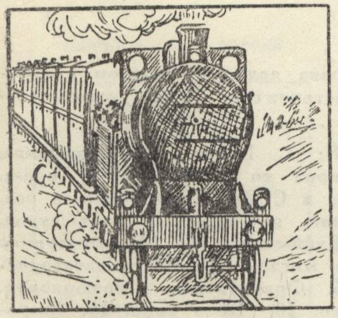
Загадки

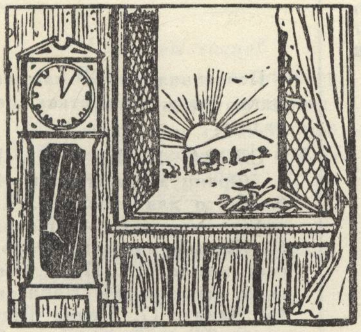

В чем ошибка?

Найдите на этих рисунках подробности, которые художник изобразил неверно.

ЗАДАЧА С КУБИКАМИ

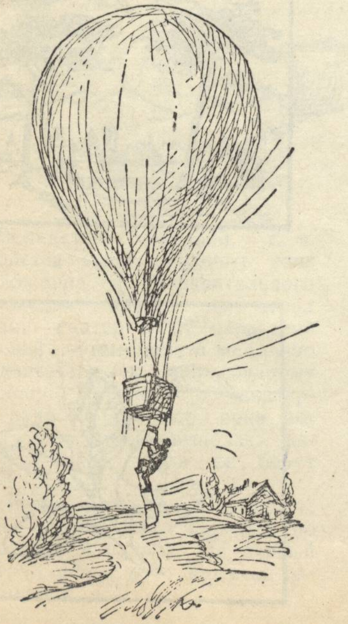
Нам дали двадцать пять занумерованных кубиков. Нумерация идет от восьми до тридцати двух. Кубики надо разложить по ячейкам ящика так, чтобы сумма чисел, написанных на кубиках в каждом горизонтальном и каждом вертикальном рядах, а также по двум диагоналям, равнялась бы ста.

Мы решили за вас часть задачи, остальное доделывайте.

24				22
	12		21	
		20		
	19		28	
18				16

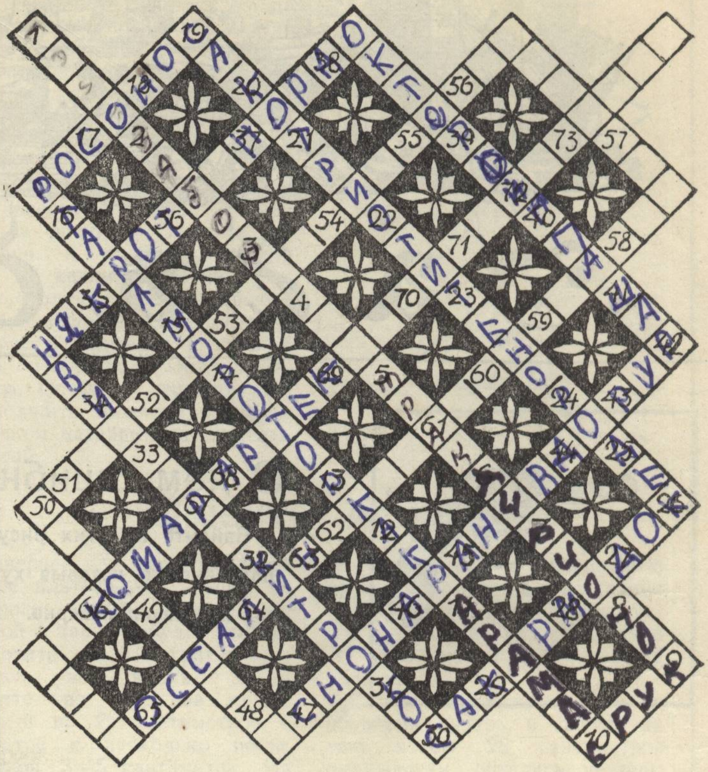
Что будет с шаром?

Не успел аэронавт поставить ногу на лестницу, прицепленную к корзине воздушного шара, как шар оторвался и полетел. Аэронавт первую минуту не двигался. Скажите, что будет с шаром, когда аэронавт начнет подыматься по лестнице в корзину?

Головоломка

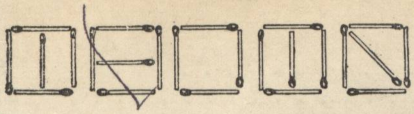
Прислана Сережей Коршуновым (Москва)

Последняя буква каждого слова является началом следующего слова. В клетках переплетения слов буквы должны совпадать.

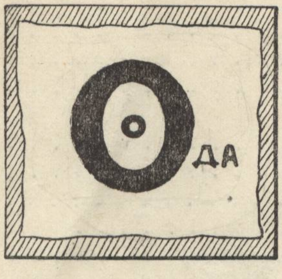
СЛОВА И ИХ ЗНАЧЕНИЯ: 1. Птица. 2. Ограждение. 3. Французская газета. 4. Город во Франции. 5. Дорога. 6. Место для стрельбы. 7. Река в СССР. 8. Оконечность рея, гафеля или гика. 9. Направление, по которому идет судно. 10. Старое название города Куйбышева. 11. Архитектурное сооружение. 12. Мера земли в Англии. 13. Часть электрической машины. 14. Напиток. 15. Французский революционер. 16. Канат. 17. Поэма Шевченко. 18. Часть лица. 19. Старомодная женская одежда. 20. Животное. 21. Музыкальный ансамбль. 22. Болезнь уха. 23. Певец. 24. Грамматический термин. 25. Палуба. 26. Сборник сигналов. 27. Здание. 28. Тьма. 29. Приток Енисея. 30. Жидкость. 31. Род кинжала. 32. Тара. 33. Сорт сыра. 34. Заросли ивы. 35. Животное. 36. Растение. 37. Страна света. 38. Ученая степень. 39. Река в Европе. 40. Фасон рубашки. 41. Геометрическое тело. 42. Приток Рейна. 43. Союз семей. 44. Река в СССР. 45. Порода попугаев. 46. Извещение. 47. Приток Вислы. 48. Белье. 49. Геометрическое тело. 50. Нота. 51. Еда. 52. Газ. 53. Подножный корм. 54. Птица. 55. Книга. 56. Корабль для борьбы с береговыми укреплениями. 57. Профессия. 58. Река в СССР. 59. Женское имя. 60. Река в СССР. 61. Имя героя из произведения Пушкина. 62. Местоимение. 63. Река в Африке. 64. Аркан. 65. Дом. 66. Насекомое. 67. Бог солнца у древних египтян. 68. Лагерь в Крыму. 69. Бич. 70. Очень крепкое и не поддающееся гниению индийское дерево. 71. Этап в игре. 72. Город на Аляске. 73. Инструмент.

Задача-шутка

Из 24 спичек сложите такие фигуры. Теперь попробуйте отнять 8 спичек, чтобы у вас осталось шесть.

РЕБУС

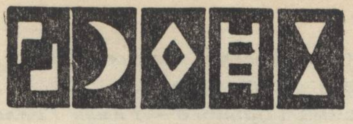

Прочтите русскую народную поговорку.

Аннаграмма

Приятно за столом меня подчас иметь,
Обратно — от меня легко и умереть.

Разместите фигуры

Вот пять различных фигур: два треугольника, лестница, ромб, полумесяц и два флажка. Разместите их одну рядом с другой так, чтобы:

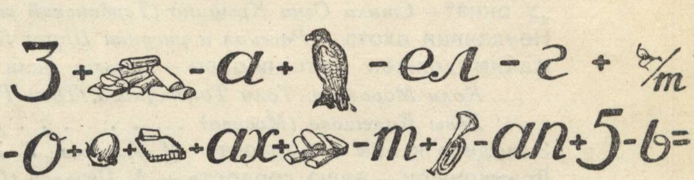
1) полумесяц не оказался рядом с ромбом, так же как и флажки;

2) чтобы флажки не были рядом с лестницей и полумесяц также;

3) ромб не был бы рядом с двумя треугольниками и флажками;

4) два треугольника и лестница не были отделены друг от друга другой фигурой.

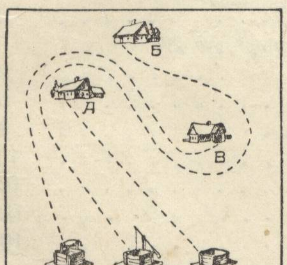
Сложи и вычти...

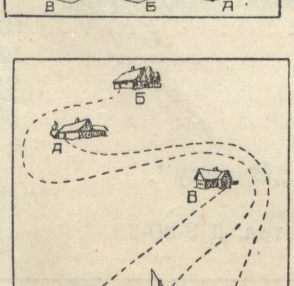

... получишь скороговорку

Ответы на задачи № 4

Неуживчивые соседи

Кто мы такие?

Эскалатор и экскаватор

Покупка фотоаппарата

Фотоаппарат стоит 17 рублей. У Алика имеется 5 рублей, у Володи — 11 рублей и у Сени — 13 рублей.

Загадка-шутка

88 надо разрезать чертой пополам.

Какое это слово?

Валя, Аля, ля, я.

«Кузнечики»

Цифры обозначают номера передвигаемых шашек. Каждая шашка передвигается на единственное свободное место (кружок), делая ход или прыжок. Всего для решения головоломки требуется сделать 44 хода:

12 — 1 — 3 — 2 — 12 — 11 — 1 — 3 — 2 — 5 — 7 — 9 — 10 — 8 — 6 — 4 — 5 — 7 — 9 — 10 — 8 — 6 — 4 — 5 — 7 — 9 — 10 — 8 — 6 — 4 — 5 — 7 — 9 — 10 — 8 — 6 — 4 — 3 — 2 — 12 — 11 — 2 — 1 — 2

После этих 44 ходов «кузнечики» будут правильно расположены по номерам в обратном направлении и, следовательно, головоломка будет решена.

Кроссворд-рассказ

1) Зал, 2) он, 3) касса, 4) билет, 5) дог, 6) лестница, 7) люди, 8) арка, 9) орнамент, 10) интервал, 11) от, 12) обвал, 13) ток, 14) поезд, 15) стекло, 16) оба, 17) вагон, 18) диван, 19) тишина, 20) лестница, 21) эскалатор, 22) сигнал, 23) кондуктор, 24) темнота, 25) оба.

Первыми прислали правильные ответы на задачи № 2

Колузанов Володя — Москва; Кобатов Лева — город Шумерля; Власов Гена — город Шумерля; Изралевич Тамара — Москва; Подтягин Георгий — город Горький; Третьяков А.— Свердловск; Петрушина Тина — Харьков; Колесникова Таня — Грозный; Заманский И.— Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке — картина художника Я. Титова — „В лесу".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная.**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази.**

Сдано в набор 30/IV—1939 г. Подписано к печати 1/VI—1939 г. Изд. № 517

Уполномоченный Главлита № А—10 984. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Заказ 1402. Тираж 90.000 экз.